
Московский педагогический
государственный университет

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

DEVELOPMENT OF PERSONALITY

№ 1 2014

Московский педагогический
государственный университет

Валерия Мухина

Moscow Pedagogical State University
Valeria Mukhina

№ 1
2014

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
Development of Personality

Для духовной элиты,
профессионалов науки
и практики
Для тех, кто готов взять
на себя ответственность
за воспитание
и развитие личности

For the cultural elite,
professionals of science
and practice
for those who are ready
to take responsibility
for education and
development of the personality

Развитие личности

ISSN 2071-9788
Журнал основан Валерией Мухиной в 1993 году
Выходит 4 раза в год
2014. № 1
Подписной индекс по каталогу «Роспечати» **37286 и 38362**

Журнал входит в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-43467 от 30.12.2010.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
Рукописи рецензируются и не возвращаются.
Позиция редакции может не совпадать с мнением автора.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Development of Personality

ISSN 2071-9788
The journal was formulated by Valeria Mukhina in 1993 Subscription index
It comes out 4 times a year on Catalogue of "Rospechat"
2014. № 1 **37286 и 38362**

The journal has been included into the List of the periodic editions (Science and Technology) of Russian Federation. The publication of research papers to provide the Ph. D. and Sc. D projects with supplementary materials is recommended in the journal

Содержание

Наша презентация

Теории и исследования

Практика

Рефлексия на себя и других

Скорбим и помним

Наши авторы

Contents

Our Presentation

Theories and Researches

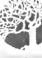

Practice

Reflexion towards oneself and others

Mourn and Remember

Our authors

К юбилею Николая Александровича Бердяева: 140 лет со дня рождения

Валерия Мухина

МИРОПОНИМАНИЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕРДЯЕВА: ПРИМАТ ЛИЧНОСТИ, ЕЁ СВОБОДЫ НАД БЫТИЕМ И ФИЛОСОФИЯ САМОПОЗНАНИЯ

Весь мир ничто по сравнению
с человеческой личностью.

Н. Бердяев

В сознании современников и поколения XXI века Николай Александрович Бердяев – центральная фигура русской философии. Его как значительного философа открыла и признала Европа. И лишь много десятилетий спустя в России стали писать о философе как о наиболее авторитетном мыслителе, мысль которого, согласно его собственному мнению, была слишком антиномична, парадоксальна и противоречива.

Аристократ по происхождению, он был отчужден от своего класса и многих других сфер, объединяющих людей. Он писал, что был постоянно в оппозиции и конфликте против дворянского общества, против революционной интеллигенции, против литературного мира, против православ-

ной среды, против коммунизма, против эмиграции, против французского общества.

Ярчайший представитель русского Серебряного века, философ, признанный Европой и гонимый на родине, он всю свою сознательную жизнь бился над вечными проблемами: Что есть личность? В чем смысл человеческого бытия? В чем смысл жизни и смерти? В чем суть свободы, духовности и творчества? Он поднимал и много других проблем, связанных с познанием условий бытия человека и его духовной сущности. Он размышлял над феноменом личности, в том числе долгие годы работал над своей философской автобиографией.

Н.А. Бердяев – философ сложного мировоззрения, который сам себя характеризовал как религиозный зкзистенциалист и персоналист. Стилистика изложения его идей значительно отличалась от типических для философии канонов.

На русском языке спустя 41 год после первого издания в Париже в 1990 г. вышел первым полным воспроизведением текста его долговременный труд – опыт философской автобиографии «Самопознание»* [1].

Самопознание – стремление человека ответить на вопрос «Кто Я?». Это стремление требует чрезвычайной способности к рефлексии и истинно глубокой ответственности.

Самопознание – трудная душевная и духовная работа, это «познание собственного духа и духовных исканий».

Николай Александрович Бердяев доверительно обращался к своему читателю: «Книга эта мной давно задумана...». Философ стремился быть понятым с самого начала. Он предупреждал о том, что существует несколько типов книг, написанных авторами о себе и своей жизни. Это могут быть дневники (*Анри Амиль*. Дневник Амиля; *Андре Жид*. Дневник; *Блаженный Августин*. Исповедь; *А.И. Герцен*. Былое и думы; *И.В. Гете*. Поэзия и правда моей жизни и др.). Однако Н.А. Бердяев уведомлял: «Я никогда не писал дневника. Я не собираюсь публично каяться» [Там же, с. 6]. Он указывал: «я философ» и заявлял: «В книге, написанной мной о себе, не будет выдумки, но будет философское познание и осмысливание меня самого и моей жизни. Это философское познание и осмысливание не есть память о бывшем, зто есть творческий акт, совершаемый в мгновении настоящего. Ценность зтого акта определяется тем, насколько он возвышается над временем, приобщается ко времени зкзистенциальному, то есть к вечности. Победа над смертоносным временем всегда была основным мотивом моей жизни. Книга зта откровенно и сознательно эгоцентрическая. Но згоцентризм, в котором всегда есть что-то отталкивающее, для меня искупается тем, что самого себя и свою жизненную судьбу делаю предметом философского познания» [Там же, с. 7].

Философ обращал внимание на то, что «Самопознание» – книга по замыслу своему философская: «Дело идет о самопознании, о потребности

* Цитирование из монографии «Самопознание» будет осуществляться по первому изданию на русском языке 1990 года.

понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу». Он поставил перед собой задачу точнее и тоньше познать человеческое существование и познать мир через человеческое существование. Познавая себя самого, человек приобщается к тайнам, неведомым в отношении к другим. При этом Н.А. Бердяев указывал: «Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине все происшедшее с миром произошло со мной» [1, с. 7].

Идентификации юного Николая Бердяева с героями великих русских писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского воспитывали в нем типично русского человека. В своей удивительной по глубине рефлексии работе, представляющей собой опыт философской автобиографии, он писал: «Я всегда чувствовал себя очень связанным с героями романов Достоевского и Л. Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиным, князем Андреем и дальше с тем типом, который Достоевский назвал «скитальцем земли русской»... В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской судьбой» [Там же, с. 37]. При этом он сознавал, что, как и многие из этих людей, он вышел из дворянской среды и порвал с ней. Он настаивал: «Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней. Это входит в мою борьбу за право свободной и творческой мысли для себя. Я боролся за это с яростью и разрывал со всем, что мне мешало осуществлять мою задачу. Сознание своего призвания было во мне очень сильным» [Там же].

Хочу специально обратить внимание человеков, притязающих на участие в достижениях в сфере познания, на важное обстоятельство – *сознание своего призвания* к философии или к наукам. Без этого чувствования призвания и сознания призвания лучше заняться чем-либо иным. Именно в призвании человек обретает свободу и способность к творческому движению к своему духовному и интеллектуальному акме.

Я полагаю, что именно отношение к событиям и судьбе мира как к событиям, происходящим с конкретным человеком, дает основание считать именно такого человека истинной личностью – ведь именно такой человек несет в себе бытие общественных отношений, присвоенное им из сфер Великого идеополя общественного самосознания [2, с. 949, 952], если при этом он переживает свою отдельность от мира, свою уникальность и свою ответственность за судьбу мира. Именно подобные суждения высказывал Н.А. Бердяев, который обсуждал «основные противоречия» своей натуры: «С одной стороны, я переживаю все события моей эпохи, всю судьбу мира как события, происходящие со мной, как собственную судьбу, с другой стороны, я мучительно переживаю чуждость мира, далекость всего, мою неслиянность ни с чем» [Там же, с. 7]. Именно такие личности, как Н.А. Бердяев, реально вносят новые идеи в сферы Великого идеополя общественного самосознания.

Философ при этом пришел к пониманию того, что «история не щадит человеческой личности и даже не замечает ее». В «Самопознании» раз-

мышления автора занимают наибольшее место, главное в книге «познание собственного духа и духовных исканий» [1, с. 10].

Рассуждая о сущности своего «я» и мировой среды, Н.А. Бердяев полагал: «Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы. Тайна личности, её единственности, никому не понятна до конца. Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек – микрокосм и заключает в себе всё» [Там же, с. 11]. В суждении о личности человека, о ее таинственности, большей, чем мир, мы находим страстный темперамент мыслителя, его антиномичность и парадоксальность. Придавая личности (её экзистенциальной сущности), её всеобъемлющую способность, философ одновременно переживал все события своей эпохи как собственную судьбу: «острое чувство судеб истории» входило в противоречие с его нелюбовью к истории. Он мучительно ощущал свою «неслиянность ни с чем».

В то же время он четко осознавал свою нелюбовь к «жизни», что он объяснял всеобъемлющей душевной и физической брезгливостью. Он испытывал глубокую гадливость к физиологическим отправлениям организма, ко всему, связанному с плотью мира. Его притягивал лишь дух: «Главное – самопознание», – неустанно повторял он.

Он рано сознал свое философское призвание, он рано начал много читать и рано начал задумываться над смыслом жизни [Там же, с. 20]. Он отличался глубоким интересом к философии и философствованию, он читал книги, которых в его возрасте никто не читал. Он писал: «Когда я держал выпускной экзамен по логике, то я уже прочел "Критику чистого разума" Канта и "Логику" Д.С. Милля. Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шел от меня, когда я был в активном и творческом состоянии, и я не мог обнаружить способностей, когда нужно было пассивное усвоение и запоминание, когда процесс шел извне ко мне...» [Там же, с. 21]. Он, в сущности, никогда не мог ничего пассивно усвоить, просто заучить и запомнить. Он не мог пассивно отвечать. Он настаивал: «Мне сейчас же хочется развивать собственные мысли» [Там же]. Он с необычайной легкостью ориентировался в мире мысли книги, которую он постигал, – он сразу же понимал, что к чему относится, в чем смысл книги. Он читал активно, а не пассивно.

Здесь хочу обратить внимание на тот объективный факт нашего образования, что его несостоятельность состоит в том, что в большинстве типов среднего и высшего образования основной упор делается на развитие памяти. Безусловно, роль этой высшей психической функции не требует доказательства. Однако в философии и науках она должна занимать служебную, подчиненную роль. То обстоятельство, что мальчик чувствовал в себе способность к умственному процессу, включенному в мышление, говорит о его уникальном даровании к мышлению.

В своей последней книге, которая вышла при его жизни, «Что зовется мышлением?» Мартин Хайдеггер (автор огромного количества томов сочинений) писал о том, что люди не привыкли грузить себя такими вопросами. Известен тезис М. Хайдеггера: «Наука не мыслит». Философ начал свою книгу «Что зовется мышлением?» известным суждением: «В то, что

называется мышлением (Denken), мы попадаем, когда беремся думать (denken) сами. Чтобы попытка удалась, мы должны быть готовы учиться мысли (Denken).

Однако же человеком называется тот, кто умеет мыслить, и это по праву. Ибо он разумное живое существо. Разум, ratio, развертывается в мышлении. Именно как разумное существо человек должен уметь мыслить, если только он этого хочет. Между тем человек, допустим, хочет мыслить, и все же он это не может. <...> Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность» [3, с. 34].

М. Хайдеггер указывал на то, что память – это сообразность мышления: «В чем? В том, что нас хранит, поскольку оно нами помыслено; помыслено именно потому, что оно пребывает как данное для мысли» [Там же, с. 35]. При этом философ утверждал: «Чтобы смочь мыслить, мы должны этому учиться. <...> Мышлению мы учимся, внимая тому, что дано для мысли» [Там же].

М. Хайдеггер упорно настаивал на том, что «мы ещё не мыслим... <...> «мы, люди, к тому, что должно быть помыслено, обращены еще в недостаточной мере» [Там же, с. 37].

Это исключительное упущение человечества, это легкомысленное небрежение человека к самому себе, к потенциалу своих высших психических функций – неспособность к мышлению. Что касается меня, автора этой статьи, посвященной удивительно тонко рефлексирующему на свои психические процессы Николая Бердяева, то хочу здесь указать на исключительно тонкое понимание философом значения для человека функции мышления.

Начиная от Сократа, через века продолженная Н. Бердяевым и М. Хайдеггером, пульсирует в Великом идеополе общественного самосознания идея значения для человечества свободы творческого мышления. Однако множество людей несет в себе пустоту пустыни.

Более 70 лет тому назад Ф. Ницше восклицал устами безумного человека: «Я ищу Бога! Я ищу Бога! <...> Где Бог? Я хочу сказать вам это! *Мы его убили* – вы и я! Мы все его убийцы!» [4, с. 592]. И позже: «Бог мертв: из-за сострадания своего к людям умер Бог» [5, с. 170]. Ф. Ницше предупреждал: «Пустыня растет». Дочери пустыни чинно сидели – глубокие, но без мыслей. Странник запел: «Пустыня ширится сама собою: горе тому, кто сам в себе свою пустыню носит!» [Там же, с. 221, 224]. Н.А. Бердяев нередко обращался к образам и идеям Ф. Ницше. Он принимал многие идеи и аксиоматичные изречения немецкого философа, крупнейшего представителя философии жизни (Lebensphilo-sophie). Однако Н.А. Бердяев в своем поиске истины о человеке шел своим путем, он стремился оставаться верным себе*.

М. Хайдеггер посвятил творчеству Ф. Ницше работу, в которой он продолжил размышлять о проблемах личности, о её бытии, об истоках заброшенности человека (его одиночестве, страхах) и о его свободе. М. Хайдеггер продолжил вслед за Ф. Ницше обсуждать идею о том, что «бог мертв».

* Ф. Ницше в свое время страстно призывал: «Стань таким, как ты есть!» [5, с. 171].

В этой связи философ указывал, что у Ф. Ницше «мышление стоит под знаком нигилизма» [6, с. 13]. Действительно, Ф. Ницше, занимая позицию нигилизма, стремился к «переоценке всех ценностей».

Как и Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев отрицательно относился к влиянию среды.

Рассуждая о сущности среды и месте человека в ней, Ф.М. Достоевский полагал: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, *учение о среде доводит человека до совершенной безличности*, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» (курсив мой. – *В.М.*) [7, с. 42–43]. Далее Ф.М. Достоевский указывал на пагубность оценки среды как на негативное, провоцирующее условие страданий. Писатель проникал в суть явлений, понимая, что *идеи среды «носятся в воздухе, в идее есть нечто проницающее...»* [Там же].

Идеи влияния среды и свободы от среды Ф.М. Достоевский воплотил во многих своих произведениях [8, с. 6; 9, с. 27]. В этих великих романах речь шла о тех, кто «заеден средой».

Н.А. Бердяев также уделял внимание проблеме отношений человека к окружающей его среде. Он не раз обсуждал проблему человека и среды. Так, он писал: «По характеру своему я принадлежу к людям, которые отрицательно реагируют на окружающую среду и склонны протестовать. Это также форма зависимости. Я всегда разрывал со всякой средой, всегда уходил. У меня очень слабая способность к приспособлению, для меня невозможен никакой конформизм» [1, с. 23]. Идея о противостоящей человеку среде неизменно становилась предметом размышлений философа. Он писал: «Есть два основоположных типа людей – тип, находящийся в гармоническом соотношении с мировой средой, и тип, находящийся в дисгармоническом соотношении. Я принадлежу ко второму типу. Я всегда чувствовал мучительную дисгармонию между “я” и “не-я”, свою коренную неприспособленность. <...> ...я был трудный тип и переживал жизнь скорее мучительно. Острое переживание одиночества и тоски не делает человека счастливым. Одиночество связано с неприятием мировой данности» [Там же, с. 41]. Философ полагал, что это неприятие, это противление было, наверно, его первым метафизическим криком при появлении на свет. При этом осознавал, что, когда пробудилось его сознание, он сознал глубокое отталкивание от обыденности. Он не принимал обыденного, о чем писал весьма откровенно: «Меня отталкивал всякий человеческий быт, и я стремился к прорыву за обыденный мир» [Там же].

Абсолютно открыто и смело Н.А. Бердяев признавался: «Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины. И это всегда предполагает разрыв с объективным миром» [Там же, с. 42]. При этом философ признавал за собой и негативные проявления: «Это означало слабую способность к отдаче себя. Я никогда не чувствовал себя чему-либо и кому-либо

в мире вполне принадлежащим. Я во всем участвовал как бы издалека, как посторонний, ни с чем не сливался. <...> Я совсем не поддаюсь коллективной заразе, хотя бы хорошей. Мне совсем неведомо слияние с коллективом. В экстаз меня приводит не бытие, а свобода. Это определяет весь тип моего философского миросозерцания» [1, с. 42]. Рефлексируя на свои глубинные побуждения, он писал: «Я постоянно трансцендирую себя. Меня притягивает всегда и во всем трансцендентное, другое, выходящее за грани и пределы, заключающее в себе тайну» [Там же]. Сознание юного Николая формировалось таким образом, что, благодаря чтению где-то в четырнадцать лет «Критики чистого разума» И. Канта и «Философии духа» Г.В.Ф. Гегеля, он построил в себе свой субъективный мир, сформулировал для себя вопросы, на которые он пытался отвечать себе всю свою сознательную жизнь.

Ему казалось, что он никогда не вступит в «объективный» мир. Он затруднялся выразить всю напряженность своего чувства «я» и своего мира в этом «я». Мир «не-я» всегда казался ему менее интересным. Он пытался сказать о том, что мир «не-я» *казался ему менее интересным, чем мир «я»*. Однако самого главного в себе он никогда не мог выразить [Там же, с. 43].

Н.А. Бердяев в своей удивительной философской автобиографии сообщил себе и миру: «Меня всегда беспокоило сознание, что недостаточна интериоризация, недостаточно развитие мира в себе, что необходима и экстериоризация, действие вовне. По терминологии Юнга я должен признать себя не только интервертированным, но и экстравертированным» [Там же, с. 44]. И далее философ открыто говорил о себе: «У меня была непреодолимая потребность осуществить свое призвание в мире, писать, отпечатлеть свою мысль в мире» [Там же].

Н.А. Бердяев нередко обращался к Ф. Ницше. Он брал эпиграфы из произведений этого самобытного философа, способного формулировать аксиоматичные изречения.

В 1939 г. Н.А. Бердяев, обращаясь к проблеме личности, рассуждая о рабстве и свободе человека, писал: «Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, кто он, откуда он пришел и куда он идет. Ещё в Греции человек хотел познать самого себя и в этом видел разгадку бытия, источник философского познания. Человек может познавать себя сверху и снизу, из своего света, из божественного в себе начала и познавать из своей тьмы, из стихийно-подсознательного и демонического в себе начала. И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» [10, с. 17–18].

Здесь я готова выразить своё согласие с идеями замечательного мыслителя относительно феноменологической сущности личности человека, который может познавать себя сверху и снизу, познавать себя из своего света и из своей тьмы.

Идя совсем иным путем, чем сей тонкий философ, анализируя результаты долговременных и добросовестных наблюдений человеков в условиях обыденной жизни, мы с моим единомышленником и соавтором А.А. Хвостовым пришли к единодушному ви́дению двоичной сущности человека. Мы пришли к убеждению: «*Культуре нормативной, заповедной жизни всегда сопутствует культура противостояния...* Став существом историческим, социально-историческим, человек постепенно видоизменил себя до нового качества. Это качество – *психическая амбивалентность*, которая вводит в сознание и эмоциональную сферу противоречивые прилоги, помыслы, мысли, мотивы, а также эмоции и страсти» [11, с. 69].

При этом мы в категорической форме, сожалея, утверждали: «*Понимание амбивалентности всей человеческой сущности еще не стало ключевой проблемой исследователей, не далось нам во всей её феноменальной полноте*» [Там же, с. 70]. Мы выражали уверенность в том, что каждое проявление человека, каждая его страсть имеет амбивалентные истоки. Мы писали о том, что в нашей человеческой культуре, в Великом идеополе общественного самосознания взращены *идеи воздержания и гедонизма, страстей блуда и возвышенной любви* [Там же, с. 77].

Мы полагаем: «Каждый человек, выстраивая для себя ценностные ориентации на свою жизнь, исходит из многих определяющих его выбор сущностей: природной, социальной, психологической и духовной. Каждый человек при этом проявляет свою амбивалентную, феноменологически присущую ему сущность» [Там же].

О возможности крайних состояний человека судили еще Платон и Аристотель. Именно эти философы призывали человеков к *середине*.

Позднее С. Кьеркегор писал об амбивалентности человека, о выборе им своего собственного пути. Он полагал: «Моё “или-или” обозначает главным образом не выбор между злом и добром, но акт выбора, благодаря которому выбирается или отвергается добро и зло вместе. Суть дела ведь не в самом выборе между добром и злом, а в доброй воле, в желании выбрать, чем само собой закладывается основание и добру и злу» [12, с. 287]. Примеров, подтверждающих амбивалентную сущность человека в сферах Великого идеополя общественного самосознания, мы можем найти множество как в суждениях философов, так и в художественных образах великих творений гениальных писателей. Однако весьма значимо, что каждый мыслитель и каждый большой художник одаряют нас своим особым ви́дением этой непростой сущности человека.

В контексте нашего анализа столь удивительного пути в поиске истины о личности Н.А. Бердяев предлагал вниманию заинтересованных исследователей двоичной, амбивалентной сущностью человека свое особое ви́дение.

Я неизменно обращаюсь к философским работам Н.А. Бердяева. Когда-то было время, когда книги философа можно было брать лишь в крупных государственных библиотеках по специальным справкам-заявкам из своего научного или учебного учреждения.

Советские философские энциклопедии в ту пору сообщали: Бердяев Н.А. – «русский буржуазный философ-мистик, экзистенциалист, идеолог веховства*, основатель так называемого нового христианства».

О «вехах» В.И. Ленин отзывался как об «энциклопедии либерального ренегатства», как об открытом провозглашении «ливрейных чувств» и «ливрейной» политики по отношению к октябрьской буржуазии и царизму**.

Между тем даже в философских энциклопедиях глухого периода построения социализма авторы статьи о Н.А. Бердяеве были вынуждены писать о свойственной философу духовной, интеллектуальной и социальной активности. Ю. Корякин и Е. Плимак писали, что неприятие большевизма не мешало Н.А. Бердяеву проявлять свою естественную активность – он читал публичные лекции, преподавал в университете, организовал Вольную академию духовной культуры, вел семинар о творчестве Ф.М. Достоевского. В 1922 г. вместе с другими мыслителями, не согласными с утопиями и политическими провозглашениями лидеров, философ был выслан из СССР за антиреволюционную деятельность.

В 1924 г. в Берлине вышла работа Н.А. Бердяева «Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы». Этот труд принес ему европейскую известность. С 1925 по 1940 год Н.А. Бердяев был редактором журнала «Путь». Журнал издавался в Париже.

Н.А. Бердяев был глубоко заинтересован проблемой духовного освобождения личности, освобождением человека из плена необходимости, за что его критиковали в СССР не только в период рождения пролетарского государства, но и много десятков лет спустя***.

Проблемы личности, ее духовной свободы были постоянным предметом духовного внимания философа. В результате чего стали выходить его работы «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916), «О рабстве и свободе человека» (1931), «О назначении человека» (1931), «Судьба человека в современном мире» (1934), «Дух и реальность» (1937), много других работ, которые следовали одна за другой. Затем посмертно вышли еще чрезвычайно значимые труды для философии, психологии и для других областей знаний о человеке.

Философ пытался добросовестно отрефлексировать происходящие в России катаклизмы, наблюдая все происходящее в стране изнутри. В те годы Н.А. Бердяев называл капиталистический строй «бесчеловечным», «старое» христианство – «орудием эксплуатации», признавал «правду коммунизма», обольщаясь вместе с другими современными ему мыслителями

---

* Ве́ховство – «идеология русской буржуазии, политическое движение которой формировалось в период развитого в стране демократического и в особенности пролетарского движения. В силу этого русская буржуазия быстро выявила свою "имманентную контрреволюционность"» (Ленин В.И. Соч., 4-е изд. – Т. 15. – С. 13). Слово «веховство» произошло от названия сборника «Вехи», изданного в Москве в 1909 Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, М.О. Гершензоном, С.Л. Франком, П. Струве и др.

** *Ленин В.И.* Соч., 4-е изд. – Т. 16. – С. 107.

*** *Корякин Ю., Плимак Е.* Бердяев // Философская энциклопедия. – Т. 1 А – Дидро. – М., 1960. – С. 148.

утопическими (как оказалось!) идеями об идеальном сообществе равных членов. Позднее Н.А. Бердяев объявил единственной реальностью существование феномена личности. Он возражал тем, кто находил, что «человек всегда скрывает себя и что нужно думать о нем обратное тому, что он сам о себе говорит... О человеке были сделаны большие разоблачения, было открыто подсознательное в нем, пытались увидеть его снизу, а не сверху. Христианское учение о греховности человеческой природы, которое очень легко делалось совершенно отвлеченным, конкретизировалось и приобретало наукообразный характер. Теории Маркса, Ницше, Фрейда, Гейдеггера*, современный роман, ужасы войны и революции, вспышки древней жестокости и господство новой лживости – всё сокрушает возвышенные учения о человеке. И все же я думаю, что наиболее правы Паскаль и Достоевский, которые не имели никаких иллюзий, но открывали человека как существо двойственное, низкое и высокое» [1, с. 299–300].

Н.А. Бердяев, исследуя парадоксальную сущность человека, открывая вслед за значимыми для него предшественниками, подтверждал двойственную сущность человека. Философ эмоционально констатировал, что он не знал ничего мучительнее изменений людей, которые возникли вследствие приспособления к господству и силе. При этом Н.А. Бердяев писал: «И всё же во мне сохранилась вера в человека, в Божий замысел о человеке» [Там же, с. 100].

Философ, понимая двойственную феноменологию человека, всегда сохранял в себе веру в человека как существо, несущее в себе замысел Божий.

В своей работе «О назначении человека», изданной в 1931 г. в Париже, Н.А. Бердяев обсуждал проблему развития экзистенциализма на Западе. Он писал о том, что философия – особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией: «Науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью, им не открывается мир как целое, ими не постигается смысл мира. Претензии математической физики быть онтологией, открывающей не явления чувственного, эмпирического мира, а как бы вещи в себе, смешны. Именно математическая физика, самая совершенная из наук, дальше всего отстоит от тайн бытия, ибо тайны эти раскрываются только в человеке и через человека, в духовном опыте и духовной жизни» [13, с. 271–272]. В примечании к этому своему суждению философ писал: «Так, Гейдеггер в “Sein und Zeit”, самой замечательной философской книге последнего времени, всю свою онтологию строит на познании человеческого существования. Бытие как забота (Sorge) открывается лишь в человеке. На другом пути стоит французская философия наук, у Мейерсона, Бруншвига и др.» [Там же, с. 272]. И далее Н.А. Бердяев продолжал: «Вопреки Гуссерлю, который делает по-своему грандиозные усилия придать философии характер чистой науки и вытравить из нее элементы мудрости, философия всегда была и всегда будет мудростью. Конец мудрости есть конец философии. Фило-

* В современном прочтении – Хайдеггера.

софия есть любовь к мудрости и раскрытие мудрости в человеке, творческий прорыв к смыслу бытия» [13, с. 272].

Меня тянет читать и читать Н. Бердяева. Его рефлексии на самого себя, его удивительный опыт философской автобиографии вдохновляют меня на вдумчивое прочтение глубоких откровений и бесстрашного самопознания. Философ, раскрывающий себе и другим тайну внутренней жизни личности, непредвзято относящийся к открывающимся ему тонким и загадочным проявлениям прилогов и помыслов. Отдельно удивление и восхищение вызывает фантастический охват интеллектуальных откровений древних философов Греции и современников – философов Германии и Франции.

Во многих своих работах философ неизменно обращался к проблеме экзистенциальной диалектики добра и зла. Он настаивал на том, что философия и этика не должны преуменьшать силу зла. Он был убежден в том, что этика творчества состоит в приросте, прибавлении, в создании нового, не бывшего в мире. И тут же напоминает своему читателю-почитателю о своих книгах «Смысл творчества» и «Философия свободного духа», в которых он также обсуждал, что «творчество есть всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире» [Там же, с. 421]. Философ утверждал, что тайна творчества и есть тайна свободы: «Творчество только и возможно из бездонной свободы, ибо лишь из бездонной свободы возможно создание нового, небывшего» [Там же, с. 422].

Н.А. Бердяев был уверен в том, что творчество есть прорыв из ничего, из небытия, из свободы в бытие и мир...

– Как прекрасно, что сегодня мы отмечаем юбилей российского философа, который своими идеями вошел в плоть и кровь философов Европы и России!

---

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). – М., 1990.

2. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.

3. *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? – М., 2007.

4. *Ницше Ф.* Веселая наука // Соч.: в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 491–719.

5. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Соч.: в 2-х т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 5–237.

6. *Хайдеггер М.* Ницше и пустота. – М.: Алгоритм, 2006.

7. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // Полн. собр.соч.: в 30-и т. – Т. 21. – Л., 1980.

8. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30-и т. – Т. 6. – Л., 1973.

9. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: Кн. XI–XII. Эпилог // Полн. собр. соч.: в 30-и т. – Т. 15. – Л., 1976.

10. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М., 2006. – С. 5–265.

11. *Мухина В.С., Хвостов А.А.* Отчуждение от себя: *О саморазрушающих страстях человеческих.* – М., 2011.

12. *Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // П. Роде Петер. Серен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. – Челябинск, 1998.

13. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М., 2006. – С. 266–637.

Работы Н. А. Бердяева в хронологии их выхода в свет

1. Философия свободы (В России: 1-е издание 1911; последние издания: Философия свободы. – М.: Правда, 1989; Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 27–262) (Всего 11 изданий).

2. Смысл творчества (В России: 1-е издание. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916; последние издания: Смысл творчества. – М.: Правда, 1989; Смысл творчества. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 15–334. Последующие издания: 2004; 2006; 2007; 2010; 2011).

3. Сборник статей «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» (В России: 1-е издание. – М., 1918; Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Падение священного русского царства: Публицистика 1814–1922. – М.: Астрель, 2007). – (Социальная мысль России).

4. Философия неравенства (Берлин, 1923. В России: Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 477–728. Последующие издания: 2004; 2006; 2007; 2010; 2011).

5. Смысл истории (Берлин, 1923; Париж, 1969. В России: Смысл истории. – М.: Мысль, 1990; М.: Реабилитация, 2002).

6. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы (Берлин, 1924. В России: Смысл творчества. – Харьков: ФОЛИО; М.: АСТ, 2002. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 545–628).

7. Философия свободного духа: в 2-х т. (Париж, 1927–1928. В 1939 г. книга была удостоена премии Французской академии. В России: Диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ; Харьков: ФОЛИО, 2003. – (Philosophy). – С. 15–338).

8. Христианство и классовая борьба (Париж, 1931; Там же, 1934).

9. О рабстве и свободе человека (Париж, 1931, 1939. В России: О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – (Philosophy). – С. 5–265).

10. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики (Париж, 1931. В России: О назначении человека // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – (Philosophy). – С. 266–637).

11. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи (Париж, 1934. В России: Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 159–226).

12. Дух и реальность (Париж, 1937. В России: Дух и реальность // Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 229–378).

13. Истоки и смысл русского коммунизма. – Берлин, 1938.

14. Русская идея (Париж, 1946. В России: Русская идея // Русская идея. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. Серия «Вершины человеческой мысли». – С. 11–248).

15. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация (Париж, 1947. В России: Дух и Реальность. // Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 381–564).

16. Самопознание (опыт философской автобиографии) (Опубликовано посмертно: Париж, 1949. В России: впервые: – М.: Международные отношения, 1990. После чего работа издавалась многократно).

17. Царство Духа и царство Кесаря (опубликовано посмертно в 1951 г., в Париже. В России: Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003). – (Philosophy). – С. 567–671).

18. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого (Париж, 1952. В России: Диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – (Philosophy). – С. 341– 498).

19. О человеке, его свободе и духовности: Избр. труды / Ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. – М.: МПСИ: Флинта, 1999.

20. Падение священного русского царства: Статьи. 1914–1922 // Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – (Социальная мысль России). – С. 491–846.

21. Кризис искусства // Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – (Социальная мысль России). – С. 209–239.

22. Собрание сочинений. – Paris: YMCA-press, cop. 1983–1989.

23. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: более 130 произведений, письма, рецензии: творчество Бердяева в критике современников. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Архив Н.А. Бердяева был передан его свояченицей Е.Ю. Рапп в советское посольство в Париже в 1960 г.

[Информация о датах выхода трудов Н.А. Бердяева заимствована из следующих источников и проверена: 1 – Бердяев // Философская энциклопедия. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – С. 148; 2 – Бердяев // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – С. 241–242; 3 – *Волкогонова О.Д.* Бердяев. – М.: Молодая гвардия, 2010. – (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; вып. 1257). – С. 387–389;

4 – Личная библиотека В.С. Мухиной; 5 – на сайтах Российской государственной библиотеки и Научной педагогической библиотеки имени К.Д. Ушинского].

Избранная литература о Н.А. Бердяеве*

1. *Антонов Н.Р.* Николай Александрович Бердяев и его религиозно-общественное миросозерцание. – СПб., 1912.

2. *Бердяев Н.А.* pro et contra. Антология. – Кн. 1. – СПб., 1994.

3. *Вадимов А.* Жизнь Бердяева: Россия. Oakland (Calif.), 1993.

4. *Волкогонова О.Д.* Бердяев. – М.: Молодая гвардия, 2010. – (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; вып. 1257).

5. *Ермичев А.А.* Три свободы Николая Бердяева. – М., 1990.

6. *Ермичев А.А.* Бердяев Николай Александрович // Русская философия: Словарь. – М., 1995. – С. 42–45.

7. *Ильин И.А.* Бердяев и судьба русской философии // Звезда. – 1995. – № 11. – С. 124–144.

8. *Корякин Ю., Плимак Е.* Бердяев // Философская энциклопедия: в 5-и т. – Т. I. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – С. 148.

9. *Кувакин В.А.* Критика экзистенциализма Бердяева. – М., 1980.

10. *Мотрошилова Н.Б.* Николай Бердяев и философия Запада (Часть II) // Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С. 230–320.

11. *Полторацкий Н.А.* Бердяев и Россия. – Нью-Йорк, 1967.

12. *Сербиненко В.В.* Бердяев Николай Александрович // Новая философская энциклопедия. – Т. I. – М.: Мысль, 2000. – С. 241–242.

13. *Segundo J.L.* Berdjaeff. Une reflexion chrétienne sur la personne. – P., 1963.

14. *Stern H.* Gesellschaftsphilosophie N. Berdjajews. – Kőln, 1966.

15. *Dietrich Wolfgang.* Provokation der Person. – Bd. 1–5. – Berlin, 1974–1979.

---

* В основном заимствована из книги Н.В. Мотрошиловой: Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2006.

Николай Бердяев

ЛИЧНОСТЬ*

Аннотация. *Обсуждается человек как величайшая загадка в мире, в котором мыслители увидели некое трагическое начало. Утверждается ви́дение человека как личности по духу: личность есть универсум в индивидуально-неповторимой форме. Утверждается: личность не может познаваться как объект; личность – единство в многообразии; идеал человека; в каждой человеческой личности есть названное универсальное; личность есть победа над детерминацией группы; личность есть существо разумное и свободное; личность есть категория этическая и духовная. Личность предполагает чувствительность к страданиям и радостям; личность есть победа духа над природой; Святая Троица, сознание Бога как личности предшествовало сознанию человека как личности. Личность в человеке есть независимость по отношению к материальному миру. Человеческая личность есть потенциальное все, вся мировая история; личность человечна, и она превышает человеческое. Социализация человека не распространяется на глубину личности. Примат личности трагичен в человеке.*

Ключевые слова: *личность; личность как универсум в индивидуально-неповторимой форме; личность есть идеал человека; личность есть целостность; личность есть существо разумное и свободное; личность есть категория этическая и духовная; личность есть субъект; человек-индивид-личность; сознание; отношение «я» и «не-я»; эгоцентрическое отношение к миру; двойная и целостная природа человека; характер личности; творчество; свобода; страдание; трансцендентное; смерть; одиночество и чуждость; любовь; эрос; безличный эрос; зло.*

Abstract. *A man as the greatest world's mystery in whom the thinkers have seen some tragic origin is discussed in the article. Understanding of a man as a spiritual personality is asserted: personality is the universe in individual unique form. It is stated that personality can't be cognized as a subject; personality is the unity of diversity; personality is a man's ideal; there is universality in every person; personality is a triumph over group's determination; personality is a reasonable and free one; personality is ethical and spiritual category. Personality implies sensitivity to sufferings and joys; personality is a triumph of spirit over nature; Trinity is Holy; understanding of God as personality preceded understanding of a man as a person. Personality in a man is independence with respect to material world. Personality is potential everything, all world's history; personality is humane and exceeds hominal. Man's socialization does not extend over person's depth. Primacy of personality is tragic in a man.*

Keywords: *personality; personality as the universe in individual unique form; personality is the ideal of a man; personality is integrity; personality is reasonable and free being; personality is ethic and spiritual category; personality is a subject; man-individual-person; consciousness; relation "I" and "not-I"; egocentric attitude to world; double and integral nature of a man; character of a person; creativity; freedom; suffering, transcendental; death; loneliness and foreignness; love; eros; impersonal eros; evil.*

---

* *Бердяев Н.А.* Личность / О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики // О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М., 2006. – С. 17–56.

Sagt nicht Ich, aber that Ich.
*Nietzsche. Also sprach Zarathustra**

Sollt ihr schafiende Sein.
*Nietzsche. Also sprach Zarathustra***

§

Человек есть величайшая загадка в мире

Человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка. Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, кто он, откуда он пришел и куда он идет. Еще в Греции человек хотел познать самого себя и в этом видел разгадку бытия, источник философского познания.

Человек может познавать себя сверху и снизу…

Человек может познавать себя сверху и снизу, из своего света, из божественного в себе начала и познавать из своей тьмы, из стихийно-подсознательного и демонического в себе начала. И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму.

Мыслители увидели с особой остротой в человеке трагическое начало

Достоевский, Киркегардт, Ницше увидели с особенной остротой в человеке трагическое начало и противоречивость его природы. Раньше Паскаль лучше всех выразил эту двойственность человека. Другие смотрели на человека снизу и открывали в нем низшие стихийные начала, печать его падшести. Как падшее существо, детерминированное стихийными силами, он казался движущимся исключительно экономическими интересами, подсознательными сексуальными влечениями, заботой. Но потребность в страдании и мучительстве у Достоевского, ужас и отчаяние у Киркегардта, воля к могуществу и жестокость у Ницше тоже свидетельствуют о том, что человек есть существо падшее, но мучающееся этой падшестью и желающее ее преодолеть.

* Оно не говорит *Я*, но делает *Я* (нем.). – Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

** Поэтому вы должны быть созидающими (нем.). – Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

Именно сознание личности в человеке говорит о его высшей природе и высшем призвании.

Если бы человек не был личностью, то он был бы подобен другим вещам мира…

Если бы человек не был личностью, хотя бы невыявленной или задавленной, хотя бы пораженной болезнью, хотя бы существующей лишь в потенции или возможности, то он был бы подобен другим вещам мира и в нем не было бы ничего необычайного. Но личность в человеке свидетельствует о том, что мир не самодостаточен, что он может быть преодолен и превзойден. Личность ни на что другое в мире не походит, ни с чем не может быть сопоставляема и сравниваема. Когда личность вступает в мир, единственная и неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно. Личность не вмещается в непрерывный, сплошной процесс мировой жизни, она не может быть моментом или элементом эволюции мира.

Существование личности предполагает прерывность

Существование личности предполагает прерывность, не объяснимо никакой непрерывностью. Человек, которого только и знает биология и социология, человек, как существо природное и социальное, есть порождение мира и происходящих в мире процессов. Но личность, человек, как личность, не есть дитя мира, он иного происхождения. И это делает человека загадкой. Личность есть прорыв, разрыв в этом мире, внесение новизны. Личность не есть природа, она не принадлежит к объективной, природной иерархии, как соподчиненная ее часть. И потому, как мы увидим, ложен персонализм иерархический.

Человек есть личность по духу

Человек есть личность не по природе, а по духу. По природе он лишь индивидуум. Личность не есть монада, входящая в иерархию монад и ей соподчиненная. Личность есть микрокосм, целый универсум. Только личность и может вмещать универсальное содержание, быть потенциальной вселенной в индивидуальной форме. Это универсальное содержание не доступно никаким другим реальностям природного или исторического мира, всегда характеризуемым, как часть.

Личность не может быть частью – это тайный принцип личности

Личность не есть часть и не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому, всему миру. Это есть существенный принцип личности, ее тайна. Поскольку эмпирический человек входит как часть в какое-либо социальное или природное целое, он это делает не как личность и личность его остается вне этого подчинения части целому. У Лейбница, как и у Ренувье, монада есть простая субстанция, входящая в сложное образование. Монада

замкнута, закрыта, не имеет окон и дверей. Для личности же раскрывается бесконечность, она входит в бесконечность и впускает в себя бесконечность, в своем самораскрытии она устремлена к бесконечному содержанию. И вместе с тем личность предполагает форму и границу, она не смешивается с окружающим миром и не растворяется в нем. Личность есть универсум в индивидуально неповторимой форме. Она есть соединение универсально-бесконечного и индивидуально-особого. В этом кажущаяся противоречивость существования личности. Личное в человеке есть как раз то, что в нем не общее с другими, но в этом не общем заключена потенция универсального. Понимание человеческой личности, как микрокосма, противоположно пониманию органически-иерархическому, которое превращает человек в подчиненную часть целого, общего, универсального. Но личность не есть часть универсума, универсум есть часть личности, ее качества. Таков парадокс персонализма. Личность нельзя мыслить, как субстанцию, это было бы натуралистическое мышление о личности.

Личность не может познаваться как объект

Личность не может познаваться как объект, как один из объектов в ряде других объектов мира, как часть мира. Так хотят познавать человека антропологические науки, биология, психология, социология. Так познается человек частично, но не тайна человека, как личности, как экзистенциального центра мира. Личность познается лишь как субъект, в бесконечной субъективности, в которой скрыта тайна существования.

Личность – единство в многообразии

Личность есть неизменное в изменении, единство в многообразии. Нас одинаково неприятно поражает, если есть неизменное в человеке и нет изменения и если есть изменение и нет неизменного, если есть единство и нет многообразия и если есть многообразие, но нет единства. И в том и в другом случае нарушается существенное качествование личности. Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается, обогащается, но она есть развитие одного и того же пребывающего субъекта, вот этого имярек. Самое изменение происходит для сохранения этого неизменного, пребывающего, как верно говорит Пулен.

Личность не есть готовая данность, она есть идеал человека

Личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Совершенное единство, целостность личности есть идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может про себя сказать, что он вполне личность. Личность есть категория аксиологическая, оценочная. Тут мы встреча-

емся с основным парадоксом существования личности. Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства в цельности на протяжении всей своей жизни. Но для этого она должна уже быть. Должен изначально быть тот субъект, который призван себя созидать. Личность в начале пути, и она лишь в конце пути.

Личность есть целостность

Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная целость. Возрастание личности, реализация личности совсем не означает образования целого из частей, но означает творческие акты личности, как целого, ни из чего не выводимого и ни из чего не слагаемого. Образ личности целостный, он целостно присутствует во всех актах личности. Личность имеет единственный, неповторимый образ, Cestalt. Так называемая Cestaltpsychologie, которая видит первичные качественные целости, формы, более благоприятна для персонализма, чем другие направления психологии. Самое разложение образа личности не означает ее окончательного исчезновения.

Личность неистребима

Личность неистребима. Личность себя творит и осуществляет свою судьбу, находя источник сил в бытии, ее превышающем. Личность есть потенциально универсальное, но непременно различающееся, неповторимое, незаменимое существо с образом единственным. Личность есть исключение, а не правило. Тайна существования личности в ее абсолютной незаменимости, в ее однократности и единичности, в ее несравнимости. Все индивидуальное незаменимо. Есть низость в замене индивидуального существа, которое вы любили, навеки опознав в нем образ личности, другим существом. Эта незаменимость есть не только в отношении к людям, но и к животным. Одна личность может иметь черты сходства с другими личностями, которые позволяют делать сравнение. Но эти черты сходства не затрагивают того существа личности, которое и делает ее личностью, не личностью вообще, а этой личностью.

В каждой человеческой личности есть навязанное универсальное

В каждой человеческой личности есть общее, универсальное, не внутренне универсальное, как творческое приобретение качественного содержания жизни, а внешнее, навязанное универсальное. Но личность, эта конкретная личность существует своим не общим выражением, не тем, что у нее два глаза, как у всех людей, а не общим выражением этих глаз. В человеческой личности есть много родового, принадлежащего человеческому роду, много исторического, традиционного, социального, классового, семейного, много наследственного

и подражательного, много «общего». Но это именно и есть не «личное» в личности. «Личное» оригинально, связано с первоисточником, подлинно.

Личность должна совершать творческие акты

Личность должна совершать самобытные, оригинальные, творческие акты, и это только и делает ее личностью, составляет ее единственную ценность. Личность должна быть исключением, никакой закон не применим к ней. Все родовое и наследственное есть лишь материал для творческой активности личности. Вся тяжесть, наложенная на человека природой и обществом, историей и требованиями цивилизации, есть поставленное перед нами затруднение, требующее сопротивления и творческого претворения в личное, единственно личное. Групповые, сословные, профессиональные типы людей могут быть яркими индивидуальностями, но не яркими личностями.

Личность в человеке есть победа над детерминацией социальной группы

Личность в человеке есть победа над детерминацией социальной группы. Личность есть не субстанция, а акт, творческий акт. Всякий акт есть творческий акт, не творческий акт есть пассивность. Личность есть активность, сопротивление, победа над тяжестью мира, торжество свободы над рабством мира. Боязнь усилия враждебна реализации личности. Личность есть усилие и борьба, овладение собой и миром, победа над рабством, освобождение. Личность есть существо разумное, но она не определяется разумом, и ее нельзя определить как носителя разума. Разум сам по себе не личный, а универсальный, общий, безличный разум. Нравственно-разумная природа человека у Канта есть безличная, общая природа. Греческое понимание человека, как разумного существа, не подходит для персоналистической философии.

Личность есть существо разумное и свободное

Личность есть не только существо разумное, но и существо свободное. Личность есть мое целостное мышление, мое целостное воление, мое целостное чувствование, мои целостные творческие акты. Разум греческой философии, разум немецкого идеализма есть разум безличный, разум всеобщий. Но есть и мой личный разум и в особенности моя личная воля. Персонализм не может быть основан на идеализме (платоновском или немецком) и не может быть основан на натурализме, на философии эволюционной или философии жизни, которая растворяет личность в безличном, космическом витальном процессе. М. Шелер верно устанавливает различие между личностью и организмом, между духовным существом и жизненным существом.

§

Личность есть категория этическая и духовная

Личность не есть биологическая или психологическая категория, но категория этическая и духовная. Она не может быть отождествляема с душой. Личность имеет стихийно-бессознательную основу. Человек в подсознательном погружен в бушующий океан первожизни и рационализован лишь частично. Необходимо различать в человеке глубинное и поверхностное «я». Слишком часто человек обращен к другим людям, к обществу и цивилизации своим поверхностным «я», которое способно к сообщениям, но не способно к общению. Это отлично понимал Л. Толстой, который всегда изображает двойную жизнь человека, внешнеусловную, исполненную лжи, не подлинную жизнь, которой человек обращен к обществу, государству, цивилизации, и внутреннюю, подлинную жизнь, в которой человек стоит перед первореальностями, перед глубиной жизни. Когда князь Андрей смотрит на звездное небо, это более подлинная жизнь, чем когда он разговаривает в петербургском салоне.

Поверхностное «я» человека может быть искажением образа человека

Поверхностное «я» человека, очень социализированное, рационализированное, цивилизованное, не есть личность в человеке, оно может быть даже искажением образа человека, закрытием его личности. Личность человека может быть раздавлена, человек может иметь много ликов, и его образ может быть неуловим. Человек часто играет роль в жизни и может играть не свою роль. Раздвоение личности наиболее поражает в первобытном человеке и в психически больном. В средненормальном цивилизованном человеке оно приобретает другой характер, двойственность приобретает нормативный характер приспособления к условиям цивилизации и вызывается необходимостью лжи, как самозащиты. Социальная муштровка и цивилизование человека-варвара может иметь положительное значение, но не означает оформления личности. Вполне социализированный и цивилизованный человек может быть совершенно безличным, может быть рабом, не замечая этого. Личность не есть часть общества, как не есть часть рода.

Проблема человека-личности первичнее проблемы общества

Проблема человека, то есть проблема личности, первичнее проблемы общества. Ошибочны все социологические учения о человеке, они знают лишь поверхностный объективированный слой в человеке. Лишь извне с социологической точки зрения личность представляется подчиненной частью общества, и притом очень малой частью по сравнению с массивностью общества. Но подлинное учение о человеке-личности может

построить лишь экзистенциальная философия, а не философия социологическая, как и не философия биологическая.

Личность есть субъект, а не объект

Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она вкоренена во внутреннем плане существования, то есть в мире духовном, в мире свободы. Общество же есть объект. С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность не объект среди объектов и не вещь среди вещей. Она субъект среди субъектов, и превращение ее в объект и вещь означает смерть. Объект всегда злой, добрым может быть лишь субъект. Можно было бы сказать, что общество и природа дают материю для активной формы личности. Но личность есть независимость от природы, независимость от общества и государства. Она противится всякой детерминации извне, она есть детерминация изнутри. Личность не может быть детерминирована изнутри и Богом.

Отношение между личностью и Богом не есть каузальное отношение

Отношение между личностью и Богом не есть каузальное* отношение, оно находится вне царства детерминации, оно внутри царства свободы. Бог не объект для личности, он субъект, с которым существуют экзистенциальные отношения. Личность есть абсолютный экзистенциальный центр. Личность определяет себя изнутри, вне всякой объективности, и только определяемость изнутри, из свободы и есть личность. Все определяемое извне, все детерминированное, все основанное на власти объективности есть не личное, безличное в человеке. Все детерминированное в человеческом «я» есть прошлое, ставшее безличным. Но личность есть становление будущего, творческие акты. Объективация есть безличность, выброшенность человека в детерминированный мир.

Существование личности предполагает свободу

Существование личности предполагает свободу. Тайна свободы есть тайна личности. И свобода эта не есть свобода воли в школьном смысле, свобода выбора, которая предполагает рационализацию. Достоинство человека есть личность в нем. Только личность имеет человеческое достоинство. Человеческое достоинство есть освобождение от рабства, освобождение и от рабьего понимания религиозной жизни и отношений между человеком и Богом. Бог и есть гарантия свободы личности от порабощения власти природы и общества,

* *Каузальность* [от лат. causa – причина] – причина, причинная обусловленность. – *Ред.*

царства кесаря, мира объектности. Это происходит в царстве духа, а не в царстве объектного мира. И никакие категории объектного мира не переносимы на эти внутренние экзистенциальные отношения. Ничто в объектном мире не является подлинным экзистенциальным центром.

Личность предполагает чувствилище к страданиям и радостям

Личность как экзистенциальный центр предполагает чувствилище к страданиям и радостям. Ничто в объектном мире: ни нация, ни государство, ни общество, ни социальный институт, ни церковь – этим чувствилищем не обладают. О страданиях народа говорят в иносказательном смысле. Никакие общности в объектном мире не могут быть признаны личностью. Коллективные реальности – реальные ценности, а не реальные личности, их экзистенциальность относится к реальностям личностей. Можно допустить существование коллективных душ, но не коллективных личностей. Понятие коллективной, или «симфонической», личности есть понятие противоречивое. Мы к этому еще вернемся. Правда, мы гипостазируем все, что любим, все, что жалеем, неодушевленные предметы и отвлеченные идеи. Это есть мифотворческий процесс, без которого нет напряженности жизни, но он не означает реальную данность личностей.

Личность в известном смысле есть боль

Личность не только способна испытывать боль, но в известном смысле личность есть боль. Борьба за личность, утверждение личности болезненны. Самоосуществление личности предполагает сопротивление, требует борьбы против порабощающей власти мира, несогласия на конформизм с миром. Отказ от личности, согласие на растворение в окружающем мире может уменьшить боль, и человек легко идет на это. Согласие на рабство уменьшает боль, несогласие увеличивает боль. Боль в человеческом мире есть порождение личности, ее борьбы за свой образ. Уже индивидуальность в животном мире болит. Свобода порождает страдание. Можно уменьшить страдание, отказавшись от свободы.

Достоинство личности, то есть свободы, предполагает согласие на боль

Достоинство человека, то есть личности, то есть свободы, предполагает согласие на боль, способность пережить боль. Унижение моего народа или моей веры вызывает боль во мне, а не в народе и не в религиозном коллективе, которые не обладают экзистенциальным центром и, следовательно, чувствилищем к боли. Способность испытывать боль присуща каждому живому существу, прежде всего человеку, также животному, может быть по-иному, и растению, но не коллективным реальностям и не идеальным ценностям. Это вопрос

капитальный, им определяется персоналистическая этика. Человек, человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности, принадлежащие миру объектному, как общество, нация, государство, цивилизация, церковь. Это есть персоналистическая установка ценностей. Это еще много раз мы будем повторять.

Личность связана с единством судьбы и биографии

Личность связана с памятью и верностью, она связана с единством судьбы и единством биографии. И потому существование личности болезненно. В христианстве всегда было двойственное отношение к человеку. С одной стороны, христианство как будто унижало человека, признавало его существом греховным и падшим, призванным к смирению и послушанию. И это и есть то, чего не могут простить христианству. Но, с другой стороны, христианство необычайно возвышает человека, признает его образом и подобием Божиим, признает в нем духовное начало, возвышающее его над природным и социальным миром, признает в нем духовную свободу, независимо от царства кесаря, верит, что сам Бог стал человеком и этим возвысил человека до небес. И только на этом христианском базисе может быть построено учение о личности и произведена персоналистическая переоценка ценностей. Персоналистическая философия должна признать, что дух не генерализирует, а индивидуализирует, он создает не мир идеальных ценностей, внечеловеческих и общих, а мир личностей с их качественным содержанием, формирует личности. Торжество духовного начала означает не подчинение человека универсуму, а раскрытие универсума в личности. Если представить себя наделенным высшими универсальными качествами ума, гения, красоты, благостности, святости, но при смещении экзистенциального центра, с перенесением центра тяжести «я» в универсальные качественные начала, то это все равно как если бы «я» наделяло этими качествами другое существо, другого видело таким. Единство субъекта и биографии исчезает, память не сохраняет личности. В этом ложь идеалистической философии ценностей и идеального бытия.

§

Человек есть существо, себя преодолевающее, трансцендирующее

Человек есть существо, себя преодолевающее, трансцендирующее. Реализация личности в человеке есть это постоянное трансцендирование. Человек хочет выйти из замкнутой субъективности, и это происходит всегда в двух разных, даже противоположных направлениях.

Выход из субъективности происходит путем объективации. Это путь выхода в общество с его общеобязательными формами, это путь общеобязательной науки. На этом пути происходит отчуждение человеческой природы, выбрасывание ее в объектный мир, личность не находит себя. Другой путь есть выход из субъективности через трансцендирование. Трансцендирование есть переход к *транссубъективному,* а не к объективному. Этот путь лежит в глубине существования, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира, это путь не объективных сообщений, а экзистенциальных общений. Личность вполне реализует себя только на этом пути. Это чрезвычайно важно понять для понимания отношений между личностью и сверхличными ценностями, о чем речь впереди.

Когда порождается жизнь в свободе

Отношение личности к сверхличным ценностям может совершаться или в царстве объективации – и тогда легко порождается рабство человека, – или в царстве экзистенциальном, в трансцендировании – и тогда порождается жизнь в свободе. Объективация никогда не есть трансцендирование, ошибочно думать, что тут происходит трансцендирование. В объективации человек находится во власти детерминации, в царстве безличности, в трансцендировании человек находится в царстве свободы, и встреча человека с тем, что его превосходит, носит личный характер, сверхличное не подавляет личности. Это – основоположное различение. Для личности характерно, что она не может быть самодовлеющей и самодостаточной, для ее существования необходимо другое, высшее, равное и низшее, без этого невозможно сознание различения. Но повторяю уже сказанное: отношение личности к другому, самому высшему никогда не означает отношения части к целому.

Личность остается целым…

Личность остается целым, ни во что не входит и при ее отношении к высочайшему другому. Отношение части к целому есть отношение математическое, как отношение органа к организму есть отношение биологическое. Это принадлежит миру объективации, в котором человек превращается в часть и орган. Но экзистенциальное отношение личности к другому, и самому высочайшему, ничего общего не имеет с таким отношением. Трансцендирование не означает, что личность подчиняется какому-либо целому, входит как составная часть в какую-либо коллективную реальность, относится к высшему другому, к высшему существу, как к господину.

Человек испытывает прерывность в своем существовании

Трансцендирование есть активный, динамический процесс, есть имманентный опыт человека, в котором человек переживает катастрофы, переносится через бездны, испытывает прерывность в своем существовании, но не экстериоризируется, а интериоризируется. Лишь ложная объективация трансцендирования, выбрасывание его вовне создает иллюзию трансцендентного, подавляющего личность и господствующего над ней. Трансцендирование в экзистенциальном смысле есть свобода и предполагает свободу, есть освобождение человека от плена у самого себя. Но свобода тут не легкость, а трудность, она проходит через трагическое противоречие.

Личность есть целостный образ человека

Проблема личности есть проблема совсем иного порядка, чем школьная проблема отношения души и тела. Личность совсем не есть душа в отличие от тела, связывающего человека с жизнью природы. Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека. Единство личности создается духом. Но тело принадлежит образу человека. Старый дуализм духа и тела, идущий от Декарта, совершенно ложен и устарел. Такого дуализма не существует. Душевная жизнь проникает всю жизнь тела, как и телесная жизнь воздействует на жизнь души. Есть витальное единство души и тела в человеке. Дуализм существует не между душой и телом, а между духом и природой, свободой и необходимостью.

Личность есть победа духа над природой

Личность есть победа духа над природой, свободы над необходимостью. Форма человеческого тела есть уже победа духа над природным хаосом. Психолог и антрополог романтической эпохи Карус был более прав, чем многие школьные учения, почитающиеся научными. Он говорит, что душа находится не в мозгу, а в форме. За ним следует Клагес. Форма тела совсем не есть материя, совсем не есть явление физического мира, форма тела не только душевна, но и духовна. Лицо человека есть вершина космического процесса, величайшее его порождение, но оно не может быть порождением лишь космических сил, оно предполагает действие духовной силы, превышающей круговорот природных сил.

Лицо человеческое есть самое изумительное в мировой жизни

Лицо человеческое есть самое изумительное в мировой жизни, через него просвечивает иной мир. Это есть вступление личности в мировой процесс с ее единственностью, однократностью, неповторимостью. Через лицо мы воспринимаем не телесную, а душевную

жизнь человека. И мы лучше знаем душевную жизнь, чем жизнь телесную. Форма тела – духовно-душевная. В этом целостность личности. В сознании людей XIX века форма тела была в небрежении. Была физиология тела, но не форма тела, которую хотели оставлять скрытой. В этом все еще сказывалось христианское аскетическое отношение к телу, но очень непоследовательное, так как функции тела совсем не отрицались. Но в то время, как функции тела физиологичны и связаны с человеком, как с существом, принадлежащим к животному биологическому миру, форма тела связана с эстетикой. Форму тела, как явление эстетическое, знала Греция, и это входило во всю ее культуру. Сейчас происходит частичный возврат к греческому отношению к телу и форма тела вступает в свои права. Это предполагает изменение христианского сознания и преодоление отвлеченного спиритуализма, противополагающего дух телу и видящего в теле враждебное духу начало.

Дух включает в себя и тело, он одухотворяет тело

Дух включает в себя и тело, он одухотворяет тело, сообщает ему иное качество. Тело перестают понимать, как материальное, физическое явление. Но это предполагает также преодоление механистического мировоззрения, обездушивающего тело и враждебного форме тела. Для материализма форма тела непонятна и необъяснима. Дух сообщает форму душе и телу и приводит их к единству, а не подавляет и не уничтожает. Это и значит, что дух формирует личность, ее целостность, в которую входит и тело, входит лицо человека. Личность духовно-душевно-телесна и возвышается над детерминизмом природного мира. Она не подчинена никакому механизму. Форма человека, воспринимаемая чувственным взором, не зависит от материи, она означает победу над материей, противодействует ее обезличивающим детерминациям.

Персонализм должен признать достоинство человеческого тела

Персонализм должен признать и достоинство человеческого тела, недопустимость дурного с ним обращения, права тела на истинно человеческое существование. Поэтому и проблема хлеба делается духовной проблемой. Права человеческого тела потому уже связаны с достоинством личности, что самые возмущающие посягательства на личность прежде всего бывают посягательствами на тело. Морят голодом, бьют и убивают прежде всего человеческое тело, и через тело распространяется это и на всего человека. Духа самого по себе нельзя ни бить, ни убивать.

§

Идея личности появляется постепенно в истории философии

В греческой философии не было сколько-нибудь ясной идеи личности. Проблески ее появляются у стоиков. Это создавало большие затруднения для отцов Церкви в раскрытии догматов. Они должны были делать очень субтильное различие между ὑπόστασιζ и φύσιζ*. В Боге одна природа и три ипостаси. В Христе одна личность и две природы. Мышление отцов Церкви целиком вращалось в категориях и понятиях греческой мысли. Между тем как приходилось выразить что-то совсем новое, новый духовный опыт, неведомый Платону, Аристотелю, Плотину.

Значение учения об ипостасях Святой Троицы для проникновения в проблему личности

С точки зрения мировой истории мысли, занятой проблемой личности, огромное значение имело учение об ипостасях Св. Троицы. Можно было бы сказать, что сознание Бога как личности предшествовало сознанию человека как личности. Поэтому совершенно непонятно, что, например, Карсавин отрицает существование человеческой личности и признает лишь существование Божественной личности (ипостаси). Он строит учение о симфонической личности, осуществляющей божественное триединство. Учение о симфонической личности глубоко противоположно персонализму и означает метафизическое обоснование рабства человека. Вопрос этот не может решаться диалектикой понятий, он решается духовным и нравственным опытом. Карсавин не может примирить личность со всеединством. Это только свидетельствует о том, что персонализм не может быть обоснован на монистической метафизике. Греческое слово ὑπόστασιζ, означающее подстановку, и латинское слово persona, означающее маску, связанную с театральной ролью, очень несовершенно выражают личность в смысле, данном ей христианством и новой философией. Слово persona очень трансформировалось на протяжении веков и потеряло театральный смысл.

Проблема личности с трудом прорастала на протяжении веков

Слово persona получено через схоластику от Боэция, который уже определял личность, как разумное, индивидуальное существо. Проблема личности была трудна для схоластической философии. Томизм связывал индивидуальность с материей: материя, а не форма индивидуализирует, форма универсальна. Но томистическая философия делает уже важное различие между личностью и индивидуумом. Для Лейбница сущность личности есть сознание самого себя, то есть образ личности

* Ипостасью и природой (греч.).

связан с сознанием. Кант вносит важное изменение в понимание личности, он переходит от интеллектуалистического понимания личности к этическому.

Личность независима от механизма природы

Личность связана с свободой от детерминизма природы, она независима от механизма природы. Поэтому личность не есть феномен среди феноменов. Личность есть цель в себе, а не средство, она существует через себя. Но у Канта учение о личности не есть все-таки подлинный персонализм, потому что ценность личности определяется нравственно-разумной природой, которая универсально-общая. У Макса Штирнера, несмотря на ложность его философии, есть извращенная истина персонализма. В нем обнаруживается диалектика самоутверждения «я». «Единственный» не есть личность, так как личность исчезает в беспредельности самоутверждения, в нежелании знать другого и трансцендировать к высшему. Но в «Единственном» есть доля истины, ибо личность есть универсум, микрокосм и в известном смысле весь мир есть ее собственность, ей принадлежит, личность не есть частичное, частное, подчиненное целому и общему. М. Шелер определяет личность, как единство переживаний и как бытийственное единство разнообразных актов. Тут важна связь личности с актом. Но в противоположность М. Шелеру нужно признать, что личность предполагает существование других личностей и выхода к ним. У Несмелова были замечательные мысли о человеке. Для него в мире есть только одно противоречие и загадка, связанные с человеческой личностью.

В личности отображается образ безусловного бытия

В личности отображается образ безусловного бытия, и вместе с тем личность поставлена в условия ограниченного бытия. Есть противоречие между тем, чем должна быть человеческая личность, и условиями ее существования на земле. Несмелое так выражает противоречие существования человека: человек есть вещь физического мира, несущая в себе образ Бога. Но личность в человеке не есть вещь физического мира. Виталистическая философия, которая играет немалую роль в современной мысли и которая имеет свое учение о человеке, неблагоприятна для принципа личности, она антиперсоналистична. Как уже было сказано, философия жизни ведет к растворению человеческой личности в космическом и социальном процессе. Антиперсоналистичны дионисизм, натуралистическая пантеистическая мистика, теософия, антропософия, коммунизм, фашизм, так же как и либерализм, связанный с капиталистическим строем.

§

Важно установить различие между личностью и индивидуумом

Для понимания того, что такое личность, очень важно установить различие между личностью и индивидуумом. На этом различении справедливо настаивают французские томисты, хотя они стоят на иной философской почве, чем я. Индивидуум есть категория натуралистическая, биологическая, социологическая. Индивидуум есть неделимое в отношении к какому-то целому, атом. Он не только может быть частью рода или общества, как и космоса в целом, но он непременно мыслится, как часть целого, и вне этого целого не может быть назван индивидуумом. Индивидуум однако характеризуется и как подчиненная часть целого, и как часть эгоистически самоутверждающаяся. Поэтому индивидуализм, производный от слова «индивидуум», совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого. Индивидуум тесным образом связан с материальным миром, он порождается родовым процессом. Индивидуум рождается от отца и матери, имеет биологическое происхождение, детерминирован родовой наследственностью, а также наследственностью социальной. Нет индивидуума без рода, и нет рода без индивидуума. Индивидуум целиком находится в категориях, различающих родовое и индивидуальное, индивидуум ведет борьбу за существование в родовом биологическом и социальном процессе.

Человек есть индивидуум

Человек есть и индивидуум, но он не только индивидуум. Индивидуум связан с материальным миром и питается из него, но он не универсален, как таковой, не имеет универсального содержания. Человек есть микрокосм, универсум не в качестве индивидуума.

Человек есть личность

Человек есть также личность, и с личностью связана идея человека, его призвание в мире. И тут все меняется. Личность есть не натуралистическая, а духовная категория. Личность не есть неделимое или атом в отношении к какому-либо целому, космическому, родовому или социальному. Личность есть свобода и независимость человека в отношении к природе, к обществу, к государству, но она не только не есть эгоистическое самоутверждение, а как раз наоборот. Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции.

Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру

Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа. И вместе с тем личность есть универсум, она наполняется универсальным содержанием. Личность не порождается родовым космическим процессом, не рождается от отца и матери, она происходит от Бога, является из другого мира; она свидетельствует о том, что человек есть точка пересечения двух миров, что в нем происходит борьба духа и природы, свободы и необходимости, независимости и зависимости. Эспинас говорит, что настоящий индивидуум есть клетка. Но личность совсем не есть клетка и не входит в организм, как часть в целое. Она есть изначальная ценность и единство, она характеризуется отношением к другому и другим, к миру, к обществу, к людям, как отношением творчества, свободы и любви, а не детерминации.

Личность находится вне соотношения индивидуально-частного и общеродового

Личность находится вне соотношения индивидуально-частного и общеродового, вне соотношения частей и целого, органов и организма. Личность не есть животная особь. Личность в человеке не детерминирована наследственностью, биологической и социальной, она есть свобода в человеке, возможность победы над детерминацией мира. Все личное в человеке противоположно всякому автоматизму, который играет такую роль в человеческой жизни, автоматизму психическому и социальному. Не разные два человека, а один и тот же человек есть индивидуум и личность. Это не два разные существа, а два качествования, две разные силы в человеке. Ш. Пеги говорит, что индивидуум есть собственный буржуа в каждом человеке, которого он призван победить.

Человек-индивидуум эгоцентрически поглощен собой

Человек-индивидуум переживает изоляцию, эгоцентрически поглощен собой и призван вести мучительную борьбу за жизнь, защищаясь от подстерегающих опасностей. Он выходит из затруднения через конформизм, через приспособление. Человек-личность, тот же человек, преодолевает свою эгоцентрическую замкнутость, раскрывает в себе универсум, но отстаивает свою независимость и свое достоинство по отношению к окружающему миру. Но всегда нужно помнить, что язык нас очень запутывает, мы постоянно употребляем слова не в том смысле, какой в них вкладывается. Индивидуальное, индивидуальность означает единственное в своем роде, оригинальное, отличающееся от другого и других. В этом смысле индивидуальное присуще именно личности.

Личность более индивидуальна, чем индивидуум

Личность более индивидуальна, чем индивидуум. Индивидуальное часто также означает иррациональ-

ное, противоположное общему, общеобязательному, разумному, нормативному. В этом смысле личность иррациональна, индивидуум же гораздо больше подчинен общеобязательному закону, так как более детерминирован. Интересно для истории сознания личности отметить, что индивидуальность у романтиков отличается от личности в нашем смысле слова. У самих романтиков была яркая индивидуальность, но часто очень слабо выраженная личность. Индивидуальность имеет скорее витальный, чем духовный, характер и не означает еще победу духа и свободы. Отражение глубокой дезинтеграции, диссоциации личности мы видим в современном романе, например у Пруста, у нас у Андрея Белого. Внутреннее единство и целостность присущи личности, индивидуум же может быть растерзан силами мира. Личность не может быть вполне гражданином мира и государства, она гражданин Царства Божьего. Поэтому личность есть элемент революционный в глубоком смысле слова. Это связано с тем, что человек есть существо, принадлежащее не к одному, а к двум мирам. Персонализм есть философия дуалистическая, а не монистическая.

§

Личность предполагает существование сверхличных ценностей

Существование личности предполагает существование сверхличных ценностей. Личности человека нет, если нет бытия, выше ее стоящего, если нет того горнего мира, к которому она должна восходить. Личности нет, если нет сверхличных ценностей, и личности нет, если она лишь средство сверхличных ценностей. Отношение личности к универсальному совсем не есть отношение к родовому, общему. Тут мы подходим к самой трудной проблеме персоналистической философии, и трудность тут связана с навыками мысли, порожденными ложной постановкой проблемы номинализма и реализма.

Отношение личности к общностям и объектному миру

Каково отношение личности к общностям и к объектному миру? Верно, что *universalia* находится не *ante rem* (платоновский реализм, он же идеализм) и не *post rem* (эмпирический номинализм), а *in rebus**. Для интересующей нас проблемы это значит, что универсальное находится в индивидуальном, то есть в личности, не как производное от количественного опыта, а как изначальное качество. Универсальное находится не в идеальной сверхличной сфере, а в личности, принадлежащей к экзистенциальному плану. Универсальное и так назы-

* Не до вещей... не после вещей... а в вещах (лат.).

ваемые сверхличные ценности принадлежат не к миру объективности, а к миру субъективности. Объективация универсальных ценностей и порождает рабство человека. Поэтому, например, нужно сказать, что космос, человечество, общество находятся в личности, а не наоборот. Человек, то есть индивидуальное и по другой терминологии сингулярное, экзистенциальное человечества, человечество есть лишь ценность всечеловеческого единства в человеческом мире, качество человеческого братства, которое не есть реальность, стоящая над человеком. Универсальное не есть общее, универсальное не абстрактное, а конкретное, то есть есть полнота. Универсальное и тем менее общее не есть самостоятельное существо, оно находится в единичных существах, *in rebus* по старой терминологии.

Индивидуальное не есть часть универсального

Индивидуальное совсем не есть часть универсального. Неправильно противоположение универсального и сингулярного. Личность совсем не есть частное, не есть частичное, противополагаемое универсальному. С большим правом можно сказать, что личность есть универсальное. Самый сингуляризм индивидуального проникнут внутренне не индивидуальным, универсальным. Вся старая терминология очень сбивчива и связана с объективированной философией понятий, а не с философией экзистенциальной. Лейбниц уже пытался преодолеть спор реалистов и номиналистов. Универсальное, воплощенное в индивидуальном, преодолевает противоположность между универсальным и индивидуальным. Универсальное есть опыт в субъекте, а не реальность в объекте. Не существует объективного мира идей. Но это совсем не значит, что универсальное, что универсальные идеи и ценности лишь субъективны в старом смысле слова. Объективирование и гипостазирование универсальных идей есть ложный путь преодолений субъективности, не есть трансцендирование в подлинном смысле слова.

Отношение между человеком и Богом

Непреодолимые противоречия связаны с понятием Бога, с идеей Бога, образованной путем объективации. Одинаково неверно было бы сказать, что Бог есть универсальное и что Бог есть сингулярное, индивидуальное. Различие между универсальным и сингулярным находится в плане объективации, но Бог не находится в плане объективации, он находится в плане экзистенциальном, в опыте трансцендирования. Отношение между человеком и Богом не есть ни отношение каузальное, ни отношение частного и общего, ни отношение средства и цели, ни отношение раба и господина, оно не походит ни на

что, взятое из объективного мира, природного и социального, это отношение ничему не аналогично в этом мире. Бог не существует, как находящаяся надо мною объективная реальность, как объективация универсальной идеи, Он существует, как экзистенциальная встреча; как трансцендирование, и в этой встрече Бог есть личность. Поэтому совершенно иначе решается и вопрос об отношении личности и сверхличных ценностей.

Личность-человек не может быть средством для личности-Бога

Нельзя сказать, что сверхличное, высшее, чем человек, Бог есть цель, личность же есть средство для этой цели. Личность-человек не может быть средством для Личности-Бога. Унижает человека и унижает Бога та теологическая доктрина, которая утверждает, что Бог сотворил человека для самопрославления. Поразительно, что всякое учение, унижающее человека, унижает и Бога. Отношение личности к личности, хотя бы высочайшей личности Бога, не может быть отношением средства и цели, всякая личность есть самоцель. Отношение между средством и целью существует лишь в мире объективации, то есть выброшенности существования вовне. Личность не может восходить, реализовать себя, осуществлять полноту своей жизни, если нет сверхличных ценностей, нет Бога и божественной высоты жизни. Человеческая мысль о том, что человеческая личность есть высочайшее последнее, что Бога нет и что человек сам есть бог, есть мысль плоская, принижающая, а не возвышающая человека и мысль кошмарная.

Человеческая личность не есть средство для сверхличной ценности

Но человеческая личность не есть средство для какой-либо сверхличной ценности, не есть орудие божественной силы. Когда сверхличные ценности превращают человеческую личность в средство, то это значит, что человек впал в идолопоклонство. Личность есть парадокс для рациональной мысли, она парадоксально совмещает личное и сверхличное, конечное и бесконечное, пребывающее и меняющееся, свободу и судьбу. Личность не часть мира, она соотносительна миру, соотносительна и Богу. Личность допускает лишь соотношение, как встречу и общение. И Бог-личность хочет не человека, над которым Он господствует и который должен Его прославлять, а человека-личности, которая отвечает на Его призыв и с которой возможно общение любви. Каждая личность имеет свой мир. Человеческая личность есть потенциальное все, вся мировая история. Все в мире со мной произошло. Но эта личность лишь частично актуализирована, очень многое остается в дремотном, скрытном состоянии. В глубине, скрытой от моего сознания, я погружен в океане мировой жизни. И,

актуализируя, раскрывая в себе универсальное содержание, через познание и через любовь, интеллектуально и эмоционально, я никогда не превращаюсь в средство этого универсального содержания. И существует сложное и противоречивое отношение между моим сознанием и моей личностью, моей индивидуальностью. Личность из глубины созидает свое сознание, как укрепление, как границу, препятствующую смешению и растворению, но сознание может препятствовать наполнению моей личности универсальным содержанием, мешать общению с космическим целым. И вместе с тем в сознании есть сверхиндивидуальное, сознание никогда не остается замкнуто-индивидуальным.

Сознание возникает в отношениях «я» и «не-я»

Сознание возникает в отношениях «я» и «не-я», оно означает выход из «я», но оно вместе с тем может быть препятствием для выхода «я» к «ты», как внутреннего общения. Оно объективирует и может мешать трансцендированию. Сознание есть «несчастное сознание». Сознание подчинено закону, который знает общее и не знает индивидуального. Поэтому легко впасть в иллюзию, неверно понимая отношение между личным и сверхличным. Самая структура сознания легко создает рабство. Но всегда нужно иметь в виду двойную роль сознания, оно и замыкает и размыкает.

Иерархический персонализм заключает в себе внутреннее противоречие

Иерархический персонализм, который защищается многими философами (Лейбниц, Штерн, Лосский, отчасти М. Шелер), заключает в себе внутреннее противоречие, которое делает его антиперсонализмом. Согласно этому учению, мировое целое, организованное иерархически, состоит из личностей разных иерархических ступеней, причем каждая личность подчинена высшей ступени, входит в нее, как подчиненная часть или орган. Человеческая личность принадлежит лишь одной иерархической ступени, в которую входят личности низших ступеней. Но нация, человечество, космос также могут быть рассматриваемы как личности высшей ступени. Общности, коллективы, целости признаются личностями, всякое реальное единство может оказаться личностью. Последовательный персонализм должен признать это противоречащим самому существу личности. Иерархическая концепция принуждена признать человеческую личность частью в отношении к иерархическому целому, она оказывается ценностью лишь в отношении к этому целому и от этого целого получает свою ценность. Иерархическое целое, которому личность соподчинена, считается большей ценностью, чем личность, в этом целом нужно искать универсальности,

единства, тоталитарности. Но подлинный персонализм не может этого признать. Он не может признать личностью целость, коллективное единство, в котором нет экзистенциального центра, нет чувствилища к радости и страданию, нет личной судьбы.

Вне личности нет в мире абсолютного единства

Вне личности нет в мире абсолютного единства и тоталитарности, которым личность была бы подчинена, вне личности все частично, частичен и самый мир. Все объективированное, все объектное может быть лишь частично. Таков весь объективированный мир, все объективированное общество со своими объективированными телами. Этот объективированный мир отличается массивностью, которая может давить личность, но не целостностью и не тоталитарностью. Экзистенциальный центр, страдальческая судьба находится в субъективности, а не в объективности. Но все высшие иерархические ступени, которым подчиняют личность, принадлежат миру объективации. Объективация же всегда антиперсоналистична, враждебна личности, означает отчуждение личности. И все то, что экзистенциально в объективированных ступенях мира, в нации, человечестве, космосе и т. д., принадлежит внутреннему существу личности, не подчиненной никакому иерархическому центру.

Космос, человечество, нация находятся в человеческой личности

Космос, человечество, нация и пр. находятся в человеческой личности, как в индивидуализированном универсуме или микрокосме, и выпадение, выбрасывание их во внешние реальности, в объекты, есть результат падшести человека, подчинения его безличной реальности, экстериоризации, отчуждению. Солнце экзистенциально находится не в центре космоса, а в центре человеческой личности, и оно экстериоризировано лишь в падшем состоянии человека. Реализация личности, концентрация и актуализация ее силы принимает солнце внутрь, принимает внутрь весь космос, всю историю, все человечество.

Есть лишь субъективные личности

Личности коллективные, личности сверхличные в отношении к личности человеческой суть лишь иллюзии, порождения экстериоризации и объективизации. Объективных личностей нет, есть лишь субъективные личности. И в каком-то смысле собака и кошка более личности, более наследуют вечную жизнь, чем нация, общество, государство, мировое целое. Таков антииерархический персонализм, который и есть единственный последовательный персонализм. Никакой целостности, тоталитарности, универсальности вне личности нет, есть лишь в личности, вне ее есть лишь частичный, объективированный мир. К этому мы будем постоянно возвращаться.

§

Персонализм переносит центр тяжести личности на ценность самой личности

Персонализм переносит центр тяжести личности из ценности объективных общностей – общества, нации, государства, коллектива – на ценность личности. Но личность он понимает в глубокой противоположности к эгоцентризму. Эгоцентризм разрушает личность. Эгоцентрическая самозамкнутость и сосредоточенность на себе, невозможность выйти из себя и есть первородный грех, мешающий реализовать полноту жизни личности, актуализировать ее силы. Истерическая женщина есть яркий образец згоцентричности, помешательства на себе и отнесения всего к себе. Но она же и наиболее противоположна личности, в ней личность разбита, хотя может быть яркая индивидуальность.

Личность предполагает выход из себя к другому и другим

Личность предполагает выход из себя к другому и другим, она не имеет воздуха и задыхается, оставаясь замкнутой в себе. Персонализм может быть лишь коммюнотарным. При этом выход личности из себя к другому не означает непременно экстериоризацию и объективацию. Личность есть «я» и «ты», другое «я». Но «ты», к которому выходит «я» и входит в общение, не есть объект, есть другое «я», личность. С объектом же невозможно общение, не может быть никакой общности, может быть лишь общеобязательность. Личное нуждается в другом, но другое не есть внешнее, отчужденное, отношение к нему не есть непременно экстериоризация.

Личность находится в сообщениях, коммуникациях с другими людьми

Личность находится в сообщениях, коммуникациях с другими людьми и в общениях, коммунионе с ними. Сообщения означают объективацию, общения же экзистенциальны. Сообщения в мире объективации находятся под знаком детерминации и потому не освобождают человека от рабства. Общения же в мире экзистенциальном, не знающем объектов, принадлежат царству свободы, означают освобожденность от рабства. Эгоцентризм означает двойное рабство человека – рабство у самого себя, у своей затверделой самости и рабство у мира, превращенного исключительно в объект, извне принуждающий. Эгоцентрик есть раб, его отношение ко всему, что «не-я», есть рабье отношение. Он знает лишь «не-я», но не знает другого «я», не знает «ты», не знает свободы в выходе из «я».

Эгоцентрику не хватает человечности

Эгоцентрик обыкновенно не персоналистически определяет свое отношение к миру и людям, он именно легко становится на точку зрения объектной установки ценностей. Эгоцентрику не хватает человечности. Он любит абстракции, питающие его эгоцентризм, не любит

живых конкретных людей. Любая идеология, даже христианская, может быть обращена на службу эгоцентризму. Персоналистическая этика как раз и обозначает тот выход из «общего», который Киркегардт и Шестов считают разрывом с этикой, отождествляя ее с общеобязательными нормами. Персоналистическая переоценка ценностей признает безнравственным все, что определяется исключительно отношением к «общему», к обществу, нации, государству, отвлеченной идее, отвлеченному добру, моральному и логическому закону, а не к конкретному человеку и его существованию. Выпавшие из закона «общего» и суть подлинно нравственные люди, подчиненные же закону «общего», детерминированные социальной обыденностью суть безнравственные люди. Такие люди, как Киркегардт, являются жертвой старой антиперсоналистической этики и антиперсоналистической религии, религии социальной обыденности. Но пережитая такими людьми трагедия имеет огромное значение для происходящей переоценки ценностей.

Личность определяется по отношению к Богу

Очень важно для понимания личности всегда помнить, что личность прежде всего определяется не по отношению к обществу и космосу, не по отношению к миру, порабощенному объективацией, а по отношению к Богу и в этом сокровенном внутреннем отношении она черпает силы для свободного отношения к миру и человеку. Эгоцентрический индивидуум воображает, что он свободен в своем отношении к миру, который для него есть «не-я». Но в действительности он рабски определяется миром «не-я», который и замыкает его в себе. Эгоцентризм есть вид детерминации миром, эгоцентрическая воля есть внушение извне, ибо мир находится в эгоцентрическом состоянии. Из эгоцентризма «я» и эгоцентризма «не-я» всегда сильнее второе.

Личность есть универсум лишь под условием не эгоцентрического отношения к миру

Человеческая личность есть универсум лишь под условием не эгоцентрического отношения к миру. Универсальность личности, вбирающей в себя весь давящий объектный мир, есть не эгоцентрическое самоутверждение, а размыкание в любви.

Гуманизм есть диалектический момент в раскрытии человеческой личности. Ошибка гуманизма была совсем не в том, что он слишком утверждал человека, что он толкал на путь человекобожества, как часто утверждалось в русской религиозной мысли, а в том, что он недостаточно, не до конца утверждал человека, что он не мог гарантировать независимость человека от мира и заключал в себе опасность порабощения человека обществу и природе.

Образ человеческой личности есть не только образ человеческий, но и образ Божий

Образ человеческой личности есть не только образ человеческий, но и образ Божий. В этом скрыты все загадки и тайны человека. Это есть тайна богочеловечности, которая есть парадокс, рационально невыразимый. Личность тогда только есть личность человеческая, когда она есть личность богочеловеческая. Свобода и независимость человеческой личности от объектного мира и есть ее богочеловечность. Это значит, что личность формируется не объектным миром, а субъективностью, в которой скрыта сила образа Божия. Человеческая личность есть существо теоандрическое. Теологи будут возражать с испугом, что только Иисус Христос был Богочеловеком, человек же есть тварное существо и не может быть богочеловеком. Но эта аргументация остается в пределах теологического рационализма.

Пусть человек не есть богочеловек…

Пусть человек не есть богочеловек в том смысле, в котором Христос – Богочеловек, Единственный. Но в человеке есть божественный элемент, в нем есть как бы две природы, в нем есть пересечение двух миров, он несет в себе образ, который есть и образ человеческий и образ Божий и есть образ человеческий в меру того, как осуществляется образ Божий. Эта истина о человеке находится по ту сторону догматических формул и ими не покрывается вполне. Эта истина экзистенциального духовного опыта, который может быть выражен лишь в символах, а не в понятиях. Что человек несет в себе образ Бога и через это делается человеком, – это есть символ, понятия об этом нельзя выработать, богочеловечность есть противоречие для мысли, которая склоняется к монизму или дуализму. До понимания парадоксальной истины о богочеловечестве никогда не поднималась гуманистическая философия. Философия же теологическая старалась рационализировать эту истину. Все теологические доктрины о благодати означали лишь формулировки истины о богочеловечности человека, о внутреннем действии божественного на человеческое. Но совершенно невозможно понять эту тайну богочеловечности в свете философии тождества, монизма, имманентизма. Выражение этой тайны предполагает дуалистический момент, опыт трансцендирования, переживание пропасти и преодоление пропасти. Божественное трансцендентно человеку, и божественное таинственно соединено с человеческим в богочеловеческом образе. Только потому возможно в мире явление личности, не рабствующей миру.

Личность человечна, и она превышает человеческое

Личность человечна, и она превышает человеческое, зависящее от мира. Человек есть многосоставное существо, он несет в себе образ мира, но он не только

образ мира, он также образ Божий. В нем происходит борьба мира и Бога, он есть существо зависимое и свободное. Образ Божий есть символическое выражение и, превращаясь в понятие, встречает непреодолимые затруднения. Человек есть символ, ибо в нем есть знак иного и он есть знак иного. С этим только и связана возможность освобождения человека от рабства. Это религиозная основа учения о личности, не теологическая, а религиозная основа, то есть духовно-опытная, экзистенциальная. Истина о богочеловечности есть не догматическая формула, не теологическая доктрина, а истина опытная, выражение духовного опыта.

Двойная и в то же время целостная природа человека

Та же истина о двойной природе человека, двойной и в то же время целостной, находит себе отражение и в отношении человеческой личности к обществу и к истории, но тут она как бы опрокинута. Личность независима от детерминаций общества, она имеет свой мир, она есть исключение, она своеобразна и неповторима. И вместе с тем личность социальна, в ней есть наследие коллективного бессознательного, она есть выход человека из изоляции, она исторична, она реализует себя в обществе и в истории. Личность коммюнотарна, предполагает общение с другими и общность с другими. Глубокие противоречия и трудности человеческой жизни связаны с этой коммюнотарностью.

Человек постоянно должен возвращаться к своему богочеловеческому образу

На путях своей реализации человека подстерегает рабство. И человек постоянно должен возвращаться к своему богочеловеческому образу. Человек подвергается насильственной социализации, в то время как личность человеческая должна быть в свободном общении, в свободной общности, в коммюнотарности, основанной на свободе и любви. И величайшая опасность, которой подвергается человек на путях объективации, есть опасность механизации, опасность автоматизма. Все механическое, автоматическое в человеке – не личное, безличное, противоположное образу личности. Сталкиваются образ Бога и образ механизма, автомата. Или богочеловечество или автомато-человечество, машино-человечество.

У человека нет соответствия и тождества между внутренним и внешним

Трудность человека коренится в том, что нет соответствия и тождества между внутренним и внешним, нет прямого и адекватного выражения одного в другом. Это и есть проблема объективации. Этой объективации подвержена и религиозная жизнь человечества. В известном смысле можно сказать, что религия вообще социальна, есть социальная связь. Но этот социальный характер религии искажает дух, подчиняет бесконечное конечному, абсолютизирует относительное, отводит от

истоков откровения, от живого духовного опыта. Во внутреннем личность обретает свой образ через образ Божий, через проникновение человеческого божественным, во внешнем осуществление правды означает подчинение мира, общества, истории образу личности, проникновение личностью. Это и есть персонализм.

Личность получает силу и освобождается через богочеловечность

Внутренне личность получает силу и освобождается через богочеловечность, внешне весь мир, все общество и вся история преображается и освобождается через человечность, через верховенство личности. Коммюнотарность идет изнутри вовне, и движение это не есть объективация, не подчиняет личность объектности. Личность должна быть богочеловеческой, общество же должно быть человеческим. Источник лжи и рабства есть объективация богочеловечества в обществе, в путях истории. Это и создало ложный объективный иерархизм, противоречащий достоинству и свободе человеческой личности. С этим связана ложная сакрализация. Мы это увидим во всех формах человеческого рабства.

§

Сильная личность есть выраженный характер

Личность связана с характером. Сильная личность есть выраженный характер. Характер есть победа духовного начала в человеке, но победа в конкретно-индивидуальной форме, связанной с душевно-телесным составом человека. Характер есть овладение собой, победа над рабством самому себе, которая делает возможным и победу над рабством окружающему миру. Характер обнаруживается прежде всего в отношении к окружающей среде. Темперамент есть природная данность, характер есть завоевание и достижение, он предполагает свободу. Очень приблизительны и искусственны все классификации характеров и темпераментов. Тайна личности не поддается классификации.

Характер личности есть ее обретенная форма свободы

Характер личности, который всегда означает независимость, есть ее сосредоточенность и ее обретенная форма свободы. Личность, характер личности означает, что человек сделал выбор, совершил различение, что он не безразличен, не смешивает. Эта свобода не есть свобода воли, как свобода безразличия, не есть свобода воли в школьном смысле, она глубже, связана с целостным существованием человека, она есть свобода духа, творческая духовная энергия.

Творческое начало синтезирует личность

Психическая жизнь человека заключает в себе активное творческое начало, синтезирующее личность, это есть активность духа в человеке, пронизывающая не только душевную, но и телесную жизнь. Дух создает

форму личности, характер человека. Без этой синтезирующей активности духа личность диссоциируется, человек распадается на части, душа теряет свою целостность, свою способность к активным реакциям. Свобода личности совсем не есть ее право, это поверхностный взгляд. Свобода личности есть долг, исполнение призвания, реализация Божией идеи о человеке, ответ на Божий призыв. Человек должен быть свободен, не смеет быть рабом, ибо должен быть человеком. Такова воля Бога. Человек любит быть рабом и предъявляет право на рабство, меняющее свои формы. Именно рабство есть требуемое человеком право.

Свобода должна быть декларацией обязанностей человека

Свобода не должна быть декларацией прав человека, она должна быть декларацией обязанности человека, долга человека быть личностью, проявить силу характера личности. Нельзя отказаться от личности, отказаться можно от жизни и иногда должно отказаться от нее, но не от личности, не от достоинств человека, не от свободы, с которой связано это достоинство. Личность связана с сознанием призвания. Каждый человек должен сознать это призвание, независимо от размера дарований. Это есть призвание – в индивидуально-неповторимой форме дать ответ на Божий призыв и творчески использовать свои дары. Сознавшая себя личность слушает внутренний голос и повинуется лишь ему, она не покорствует внешним голосам. Величайшие из людей всегда слушали исключительно внутренний голос, отказываясь от конформизма в отношении к миру.

Личность связана с аскезой и предполагает концентрацию внутренних сил

Личность связана также с аскезой и предполагает аскезу*, то есть духовное упражнение, концентрацию внутренних сил, выбор, несогласие на смешение с безличными силами и внутри человека, и в окружающем мире. Это совсем не должно означать принятия всех традиционных форм аскезы исторического христианства, в котором было много совсем не христианского и даже враждебного личности. Аскеза в сущности должна означать активное выявление и охранение форм личности, ее образа, активное сопротивление власти мира, желающего растерзать личность, поработить ее. Аскеза есть борьба личности против рабства, и только в этом смысле она допустима. Когда аскеза превращается в рабство, что так часто бывало в ее исторических формах,

* *Аскеза* [гр. Askesis – образ жизни] – образ жизни, отвечающий требованиям аскетизма: религиозного принципа, характеризующегося ограничением, отказом от благ в целях достижения нравственного совершенства. – *Ред.*

она должна быть отвергнута и против нее должна быть объявлена борьба, борьба, требующая истинной аскезы. Аскеза совсем не есть покорность и послушание, она есть непокорность и непослушание личности, исполнение своего призвания, ответ на призыв Бога. Личность по существу своему непокорна и непослушна, она есть сопротивление, непрерывный творческий акт. Истинная аскеза, связанная с личностью, есть героическое начало в человеке. Рабья аскеза есть мерзость. Характер предполагает аскезу, способную к выбору и сопротивлению. Но характер означает несогласие на рабство, отказ от порабощающих велений мира.

Личность есть соединение единого и многого

Личность есть соединение единого и многого. Платоновский «Парменид» заключает в себе самую субтильную диалектику для решения проблемы единого и многого. Это вместе с тем есть диалектика понятия бытия. Абсолютный монизм самого Парменида не мог разрешить проблемы многого. В нем дан прототип ложного онтологизма, рабства у идеи абсолютного бытия, из которого нет выхода. Проблема единого и многого мучила греческую мысль, она центральна у Плотина. Как перейти от единого к множеству, как для множества достижимо единое? Есть ли для единого другое? Единое, как абсолютное, не допускает существования другого. В этом ложность самой идеи абсолютного, отрицающей отношение, выход к другому, к множественному. Эта проблема рационально неразрешима, она связана с парадоксом. И это глубочайшим образом связано с проблемой личности. Тайна Христа, не поддающаяся рационализации, есть тайна парадоксального соединения единого и множественного.

Христос – универсальный человек в пространстве и времени

Христос представляет все человечество, Он универсальный человек в пространстве и времени. Тайна Христа бросает свет на тайну человеческой личности. Индивидум лишь партикуляристичен, он принадлежит множественному миру. Личность же связана с Единым, с образом единого, но в индивидуально-партикуляристической форме. Именно поэтому личность и не есть часть множественного мира, в котором все партикуляристично. Человеческая мысль и человеческое воображение склонны к гипостазированию, к олицетворению сил и качеств. С этим связан мифотворческий процесс в жизни народов. Мифотворческое гипостазирование часто бывает ложным, иллюзорным и закрепляющим рабство человека. Единственное истинное гипостазирование есть гипостазирование самого человеческого существа, понимание его как личности. Гипостазирование человека,

наделение его качествами личности есть истинный, реальный миф о человеке. И он также требует воображения. Согласно этому мифу, человек не есть часть, не партикуляристичен, потому что он образ Единого и универсум. Это есть богоподобие человека, но обратной стороной этого богоподобия является человекоподобие Бога. Это есть истинный, не ложный антропоморфизм.

Возможность встречи человека и Бога

Только потому возможна встреча человека и Бога, отношение между человеком и Богом. Богопознание есть гипостазирование, понимание Бога как личности, и это требует воображения. Это также есть истинное гипостазирование, другая половина гипостазирования человека. Человек есть личность потому, что Бог есть личность, и наоборот. Но личность предполагает существование ее другого, она имеет отношение не только к Единому, но и ко многому. Как быть с личностью Бога? Личность есть экзистенциальный центр, и в ней есть чувствилище к страданиям и радостям.

Личности нет, если нет способности к страданию

Личности нет, если нет способности к страданию. Школьная ортодоксальная теология отрицает страдание Бога, ей представляется это унижением величия Бога, в Боге нет движения, Бог есть *actus purus**. Но такое понимание Бога получено не столько от библейского откровения, сколько от философии Аристотеля. Если Бог есть Личность, а не Абсолютное, если Он не только *essentia*, но и *exitentia***, если в нем раскрывается личное отношение к другому, к многому, то Ему присуще страдание, то в Нем есть трагическое начало. Иначе Бог не есть личность, а отвлеченная идея или сущность, бытие элеатов. Сын Божий страдает не только как человек, но и как Бог.

Существуют страсти божественные, не только человеческие

Существуют божественные страсти, не только человеческие. Бог разделяет страдания людей. Бог тоскует по своему другому, по ответной любви. Бог не есть отвлеченная идея, не есть отвлеченное бытие, выработанное категориями отвлеченной мысли. Бог есть существо, личность. Если Богу приписывается способность любви, то Ему должна быть приписана и способность страдания. Атеизм в сущности был направлен против Бога как отвлеченного бытия, отвлеченной идеи, отвлеченной сущности, и в нем была своя правда. Теодицея невозможна в отношении к такому Богу. Бог постижим лишь через Сына, который есть Бог любви, жертвы и страдания. Такова личность. Личность связана со страдания-

---

* Чистый акт (лат.).

** Сущность... существование (лат.).

ми и с трагическим противоречием, потому что она есть соединение Единого и многого, ее мучит отношение к другому. И это другое никогда не есть целое, не есть отвлеченное единство, в которое личность должна вступить как часть, это отношение личности к личности и к личностям. Если верно монистическое понимание бытия, если такому бытию принадлежит примат, то личности нет и непонятно даже возникновение сознания о ней. Сознание личности восстает против онтологического тоталитаризма. Мы это увидим в главе о рабстве человека у бытия.

Личность есть дух, есть свобода, есть акт

Личность не есть бытие и часть бытия, личность есть дух, есть свобода, есть акт. Бог также не есть бытие, а есть дух, свобода, акт. Бытие есть объективация, личность же дана в субъективности. Отвлеченная, рациональная, понятийная философия всегда плохо понимала личность, и когда говорила о ней, то подчиняла ее безлично-общему. Проблема личности была поставлена с большой остротой в XIX веке такими людьми, как Достоевский, Киркегардт, Ницше, Ибсен, людьми, восставшими против власти «общего», против засилия рациональной философии. Впрочем, Ницше, столь важный для проблематики персонализма, пришел к философии, разрушающей личность, но с другого конца. Мы увидим, что невозможно выработать единого понятия о личности, она характеризуется противоположностями, она есть противоречие в мире.

Личности нет, если нет трансцендентного

Личности нет, если нет трансцендентного*. Личность поставлена перед трансцендентным, и, реализуя себя, она трансцендирует. Именно личности глубоко присуще состояние ужаса и тоски. Человек чувствует себя существом, висящим над бездной, и именно в человеке как личности, оторвавшемся от первоначальной коллективности, это чувство достигает особенной остроты. Нужно отличать ужас (Angst) от страха (Furcht). Это делает Киркегардт, хотя есть условность терминологии каждого языка. Страх имеет причины, он связан с опасностью, с обыденным эмпирическим миром. Ужас же испытывается не перед эмпирической опасностью, а перед тайной бытия и небытия, перед трансцендентной бездной, перед неизвестностью.

Смерть вызывает ужас перед трансцендентным

Смерть вызывает не только страх перед событием, разыгрывающимся еще в эмпирическом обыденном мире, но и ужас перед трансцендентным. Страх связан с

* Трансцендентный [лат. transcendens – выходящий за пределы] – находящийся за пределами опыта. – *Ред.*

заботой, с боязнью страданий, ударов. Страх не помнит о высшем мире, он обращен вниз, прикован к эмпирическому. Ужас же есть состояние пограничное с трансцендентным, ужас испытывается перед вечностью, перед судьбой. Человек есть существо, испытывающее не только страх и ужас, но и тоску. Тоска ближе к ужасу, чем к страху, но имеет свое качество. Тоска совсем не есть переживание опасности, оно совсем не связано с заботой и ослабляет заботу. Тоска устремлена вверх и обличает высшую природу человека.

Человек переживает покинутость, одиночество и чуждость мира

Человек переживает покинутость, одиночество и чуждость мира. Нет ничего мучительнее переживания этой чуждости всего. Личность в путях своего возрастания переживает это состояние. В тоске есть что-то трансцендентное в двойном смысле. Личность переживает себя, как трансцендентное, чуждое миру, и переживает бездну, отделяющую ее от высшего мира, от иного мира, который должен ей быть родным. Острая тоска возможна в самые счастливые минуты жизни. Человеку глубоко присуща тоска по божественной жизни, по чистоте, по раю. И никакое счастливое мгновение этой жизни не соответствует этой тоске. Существование личности не может не сопровождаться тоской, потому что тоска означает разрыв с мировой данностью, невозможность приспособления к ней. Личность сдавлена в своей бесконечной субъективности между субъективным и трансцендентным, между объективацией и трансцендированием. Личность не может примириться с обыденностью объектного мира, в который она ввержена.

Личность находится в разрыве субъективного и объективного

Личность находится в разрыве субъективного и объективного. Личность может переживать экзальтацию своей субъективности и вместе с тем не трансцендировать к миру иному. Это есть стадия романтическая. Тоска всегда означает ущербность и стремление к полноте жизни. Есть мучительная тоска пола. Пол есть тоска. И эта тоска не может быть окончательно преодолена в обыденном объективном мире, ибо недостижима в нем окончательная целостность, которую требует выход из субъективности пола. Выход в объектность означает ослабление сознания личности и подчинение ее безличным началам родовой жизни. То, что мы называем грехом, виной, раскаянием, не в обыденном, а в экзистенциальном смысле, есть лишь порождение трансцендентности, стояние перед трансцендентным при невозможности трансцендирования. Самый большой ужас человек испытывает перед смертью. Есть тоска смерти, смертная тоска. Человек есть

существо, переживающее агонию, агонию еще внутри самой жизни.

Смерть трагична именно для личности

Смерть трагична именно для личности, для всего безличного этой трагедии не существует. Все смертное, естественно, должно умереть. Но личность бессмертна, она есть единственное бессмертное, она творится для вечности. И смерть для личности есть величайший парадокс в ее судьбе. Личность не может быть превращена в вещь, и это превращение человека в вещь, которое мы называем смертью, не может быть распространено на личность. Смерть есть переживание разрыва в судьбе личности, прекращение сообщений с миром.

Смерть не есть прекращение внутреннего существования личности

Смерть не есть прекращение внутреннего существования личности, а прекращение существования мира, другого для личности, к которому она выходила в своем пути. Нет разницы в том, что я исчезаю для мира и что мир исчезает для меня. Трагедия смерти есть прежде всего трагедия разлуки. Но отношение к смерти двойственно, оно имеет и положительный смысл для личности.

В этой жизни полнота жизни личности не реализуема

В этой жизни, в этом объективированном мире полнота жизни личности не реализуема, существование личности ущербно и частично. Выход личности к полноте вечности предполагает смерть, катастрофу, прыжок через бездну. Поэтому тоска неизбежна в существовании личности и неизбежен ужас перед трансцендентной вечностью. Обыкновенные учения о бессмертии души, защищаемые спиритуалистической метафизикой, совсем не понимают трагедии смерти, не видят самой проблемы смерти. Бессмертие может быть лишь целостным, лишь бессмертием целостной личности, в которой дух овладевает душевным и телесным составом человека. Тело принадлежит вечному образу личности, и отделение души от тела при разложении телесного состава человека, при потере формы тела не может привести к бессмертию личности, то есть целостного человека. Христианство против спиритуалистического учения о бессмертии души, оно верит в воскресение целостного человека, воскресение и тела Личность переходит через расщепление и разрывы к целостному восстановлению.

Есть вечная жизнь личности через Христа

Нет естественного бессмертия человека, есть лишь воскресение и вечная жизнь личности через Христа, через соединение человека с Богом. Вне этого есть лишь растворение человека в безличной природе. Поэтому жизнь личности постоянно сопровождается ужасом и тоской, но также и надеждой. Когда я связываю бессмертие человека с Христом, то я совсем не хочу сказать, что

бессмертие существует лишь для тех, которые сознательно верят в Христа. Проблема глубже. Христос существует и для тех, которые в него не верят.

§

Личность связана с любовью

Личность связана с любовью. Личность есть существо любящее и существо ненавидящее, испытывающее эрос и антиэрос, существо антагонистическое. Личности нет без страсти, как без страсти нет гения. Любовь есть путь реализации личности. И есть два типа любви – любовь восходящая и любовь нисходящая, любовь эротическая и любовь агапическая. Личности присуща и любовь восходящая, и любовь нисходящая. В восхождении и нисхождении осуществляет себя личность. Платон учил лишь о любви восходящей, которая и есть эрос. Платоновский эрос, рожденный от богатства и бедности, есть восхождение от множественного чувственного мира к единому миру идей.

Эрос не есть любовь к конкретному живому существу

Эрос не есть любовь к конкретному живому существу, существу смешанному (смесь мира идейного и мира чувственного), это есть любовь к красоте, к верховному благу, к божественному совершенству. Любовь эротическая есть притяжение высоты, движение вверх, восхищение, восполнение существа ущербного, обогащение существа бедного. Этот элемент определяет любовь мужчины и женщины, но смешивается с другими элементами. Пол есть ущербность, и он порождает тоску по восполнению, движение к полноте, которая никогда не достигается.

Трагедия любви связана с конфликтом любви к конкретному существу

Трагедия любви связана с конфликтом любви к конкретному существу чувственного мира и любви к красоте мира идейного. Ни одно конкретное существо не соответствует красоте идейного мира в платоновском смысле. Поэтому любовь-эрос, любовь-восхождение, любовь-восхищение должна соединяться с любовью-нисхождением, с любовью-жалостью и состраданием. Любовь-эрос есть в каждой избирающей любви, она есть в любви-дружбе, в любви к родине, даже в любви к идеальным ценностям философии и искусства, она есть и в религиозной жизни. Любовь каритативная есть нисхождение, она не ищет для себя, для своего обогащения, она отдает, жертвует, она погружена в мир страдающий, мир, агонизирующий во тьме. Любовь-эрос требует взаимности, любовь-жалость во взаимности не нуждается, в этом ее сила и богатство. Любовь-эрос видит образ другого, любимого в Боге, идею Бога о человеке, видит красоту любимого. Любовь-жалость

видит другого в богооставленности, в погруженности в тьму мира, в страдании, уродстве.

Различие любви христианской и любви платонической

У М. Шелера были интересные мысли о различии любви христианской и любви платонистической, любви, направленной на конкретную личность, и любви, направленной на идею. Но платонизм глубоко вошел в христианство. Для платонизма и платоновского эроса не ставилось проблемы личности. Христианство ставит эту проблему, но христианская мысль и христианская практика затемнила проблему личности безличным пониманием любви, и любви эротической, и любви каритативной. Безличность платоновского эроса как бы перешла в безличное понимание христианской *caritas**. Но раскрытие существа любви должно привести к ее пониманию как движения, направленного от личности к личности.

Безличный эрос направлен на красоту и совершенство вместо конкретного существа

Безличный эрос направлен на красоту и совершенство вместо конкретного существа, неповторимой личности, безличная агапическая и каритативная любовь направлена на безличного ближнего, страдающего и нуждающегося в помощи. Это есть преломление любви в безличном высшем и низшем мире, в безличном мире идей и безличном мире страдания и тьмы. Но любовь, возвышающаяся над миром «общего», безличного, есть любовь, направленная на образ личности, утверждение этого образа на вечность и утверждение на вечность своего общения с этим образом. И это одинаково и тогда, когда это отношение к другой личности есть восхищение и движение вверх, и тогда, когда это отношение есть жалость и движение вниз.

Отношение к другому человеку – проблема любви в ее отношении к личности

Отношение к другому человеку не может быть исключительно эротически-восходящим и исключительно-нисходящим, необходимо соединение одного и другого. Исключительно эротическая любовь заключает в себе элемент демониакальный и разрушительный, исключительно каритативная, нисходящая любовь заключает в себе элемент, унизительный для достоинства другого человека. В этом сложность проблемы любви в ее отношении к личности. Христианская любовь, которая так легко принимает формы риторические и унижающие человека, превращаясь в аскетическое упражнение для спасения души и в «добрые дела», в благотворительность, христианская любовь в своей высоте духовна, а не виталистична. Но она не может быть отвлеченно-духовной, она конкретно-духовна,

* Любовь-сострадание (лат.).

духовно-душевна, связана с целостной личностью. Любовь-эрос не может быть направлена на всех, к ней нельзя себя принудить, она есть выбор, любовь же жалость, любовь нисходящая может быть направлена на весь страдающий мир, в этом ее преображающая сила. К проблеме любви и к прельщению эротическому мы еще вернемся. Но для проблемы личности очень важно, что она есть существо, способное любить, восхищаться и жалеть, сострадать.

Проблема личности – это проблема гениальности

Проблема личности связана с проблемой гениальности. Гениальность не следует отождествлять с гением. Гениальность есть целостная природа человека, ее интуитивно-творческое отношение к жизни. Гении же есть соединение этой природы с особенным даром. Гениальность потенциально присуща личности, хотя бы она и не была гением, ибо личность есть целостность и творческое отношение к жизни. Образ Божий в человеке гениален, но эта гениальность может быть закрыта, задавлена, затемнена. Ни проблема гениальности, ни проблема гения не имеет никакой связи с социальным, объективированным иерархизмом. Истинный не социализированный иерархизм связан не с социальным положением, не с социальным происхождением или богатством, а с различием даров или призваний, с личными качествами. Это вопрос о социальной проекции персонализма. Эта проекция не может быть социально-иерархической. Гений одинок, он не принадлежит никакой социальной группе, элите, обладающей привилегиями, в нем есть профетический элемент.

Сознание личности перед лицом мира глубоко связано с существованием зла

Сознание личности перед лицом мира глубоко связано с существованием зла. Личность укрепляется в сопротивлении власти мирового зла, которое всегда имеет свою социальную кристаллизацию. Личность есть выбор, и в этом ее сходство с гением, который есть целостный характер и напряженность воли, совершающей выбор. Но выбор есть борьба, есть сопротивление порабощающей и смешивающей власти мира. Личность формируется через столкновение со злом в себе и вокруг себя. Один из парадоксов личности заключается в том, что острое сознание личности предполагает существование греха и вины. Полное нечувствие к греху, к вине, к злу обыкновенно есть также нечувствие к личности, растворение личности в общем, космическом и социальном. Связь зла с личностью, с грехом и виной ведет к персонификации зла, к созданию образа личности как универсального воплощения зла. Но такого рода гипостазирование зла имеет обратной стороной ослабление лич-

ной вины и ответственности. В этом сложность проблемы. Эта же проблема существует в отношении к злу в каждом отдельном человеке.

Никакой человек не может быть воплощением и персонификацией зла

Никакой человек не может быть воплощением и персонификацией зла, зло в нем всегда частично. Поэтому ни о ком не может быть окончательного суда. Это ставит границы и самому принципу наказания. Человек может совершить преступление, но человек, как целостная личность, не может быть преступником, с ним нельзя обращаться как с воплощением преступления, он остается личностью, в нем есть образ Божий. И личность, совершившая преступление, не принадлежит целиком и окончательно государству и обществу. Личность есть гражданин царства Божьего, а не царства кесаря, и суждения и осуждения царства кесаря по отношению к ней частичны и не окончательны. Поэтому персонализм решительно и радикально против смертной казни. Личность в человеке не может быть социализирована.

Социализация человека лишь частична и не распространяется на глубину личности

Социализация человека лишь частична и не распространяется на глубину личности, на ее совесть, на ее отношение к источнику жизни. Социализация, распространенная на глубину существования, на духовную жизнь, есть торжество *das Man**, социальной обыденности, тирания средне-общего над лично-индивидуальным. Поэтому принцип личности должен стать принципом социальной организации, которая не будет допускать социализацию внутреннего существования человека. Личность не может быть поставлена и под знаком служения «общему благу». Общее благо прикрывало многие тирании и рабства. Служение общему благу, то есть чему-то не имеющему своего существования, есть лишь беспомощное, сокращенное, отвлеченное служение благу ближнего, каждого конкретного существа. Это значит лишь, что в объективированном мире человек поставлен под знак математического числа.

Примат личности трагичен в человеке

Примат личности трагичен в человеке, ибо человек заключает в себе и не личное и это не личное восстает в человеке против того, что осуществление личности возможно лишь через противоречие и разрывы. Источник

---

* Das Man – термин, предложенный М. Хайдеггером (в работе «Бытие и время») и обозначающий, как писал сам философ, «субъекта повседневности, предписывающего ей способ бытия». Это «усредненное», «выравненное» бытие, где человек обезличивается, теряет свою подлинность и ориентируется в своих действиях лишь на окружающих («поступает, как все»).

рабства – объектность. Объективация всегда есть образование господства, противоречащего достоинству личности. Именно в объективации, экстериоризации, отчуждении человеческой природы человек попадает во власть воли к могуществу, денег, жажды наслаждений, славы и пр., разрушающих личность. Личность реализует свое существование и свою судьбу в противоречиях и сочетаниях конечного с бесконечным, относительного и абсолютного, единого и многого, свободы и необходимости, внутреннего и внешнего. Нет единства и тождества внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, а трагическое несоответствие и конфликты. Но достигается единство и универсальность не в бесконечной объективности, а в бесконечной субъективности, субъективности, трансцендирующей себя.

Николай Бердяев

ДУХОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПОБЕДА НАД СТРАХОМ И СМЕРТЬЮ*

Аннотация. *Утверждается: человек находится в рабстве, но стремится к свободе, в человеке есть духовное начало, независимое от мира, победа духа над рабством есть победа над страхом жизни и страхом смерти, познание истины требует победы над страхом, победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом, победа над смертью есть творчество, духовный экстаз укрепляет личность, мир духовности создается человеческим творчеством – это есть творческое преображение мира.*

Ключевые слова: *человек; духовное начало; борьба за духовное освобождение; страсти; страх жизни; страх смерти; высокое нравственное сознание в отношении смерти; творчество как освобождение от рабства; духовный экстаз.*

Abstract. *It is stated that man is in servitude but strives for freedom. There is spiritual origin in a man regardless of world; triumph of spirit over servitude is the triumph over the fear of life and the fear of death; cognition of truth requires triumph over the fear of death; triumph over the fear of death is a triumph of spiritual person over biological individual; triumph over death is creativity; spiritual ecstasy strengthens a person; spiritual world is created by man's creativity and this is creative transformation of world.*

Keywords: *man; spiritual origin; struggle, for spiritual liberation; passions; fear of life; fear of death; high moral consciousness versus death; creativity as liberation from servitude; spiritual ecstasy.*

Человек находится в рабстве, но стремнтся к свободе

Человек находится в рабстве, он часто не замечает своего рабства и иногда любит его. Но человек стремится также к освобождению. Ошибочно было бы думать, что средний человек любит свободу. Еще более ошибочно думать, что свобода легкая вещь. Свобода трудная вещь. Оставаться в рабстве легче. Любовь к свободе, стремление к освобождению есть показатель уже некоторой высоты человека, свидетельствует о том, что человек внутренне уже перестает быть рабом.

В человеке есть духовное начало, незавнснмое от мнра

В человеке есть духовное начало, независимое от мира и не детерминированное миром. Освобождение человека есть требование не природы, разума или общества, как часто думают, а духа. Человек не только дух,

* *Бердяев Н. А.* Духовное освобождение человека. Победа над страхом н смертью // О назначенин человека. – М., 2006. – С. 244–252.

он сложного состава, он также и животное, также и явление материального мира, но человек также и дух. Дух есть свобода, и свобода есть победа духа. Но ошибочно было бы думать, что рабство человека происходит всегда от власти животно-материальной стороны человека. В самой духовной стороне человека могут быть тяжелые заболевания, может быть раздвоение, может быть экстериоризация и самоотчуждение духа, может быть утеря свободы, может быть пленение духа. В этом вся сложность проблемы свободы и рабства человека. Дух экстериоризируется, выбрасывается вовне и действует на человека, как необходимость, и он возвращается к себе, внутрь, то есть к свободе. Одну сторону этого процесса духа понимал Гегель, но не все понимал, не понимал, может быть самого главного.

Человек свободный в центре духовного мира

Человек свободный должен чувствовать себя не на периферии объективированного мира, а в центре мира духовного. Освобождение и есть пребывание в центре, а не на периферии, в реальной субъективности, а не в идеальной объективности. Но духовная концентрация, к которой зовут все наставления духовной жизни, может быть двойственна по своим результатам. Она дает духовную силу и независимость от терзающей человека множественности. Но она может суживать сознание и вызывать одержимость одной идеей. Тогда духовное освобождение превращается в новую форму прельщения и рабства. Это знают люди, которые идут духовным путем. Никогда не дает освобождения простое бегство от реальности или отрицание реальности.

Духовное освобождение есть борьба

Духовное освобождение есть борьба. Дух не есть отвлеченная идея, не есть универсалии. Не только каждый человек, но и собака, кошка, букашка есть более экзистенциальная ценность, чем отвлеченная идея, чем общеуниверсальное. Духовное освобождение сопровождается переходом не к абстракции, а к конкретности. Об этом свидетельствует Евангелие. В этом персонализм Евангелия. Духовное освобождение есть победа над властью чуждости. В этом смысл любви. Но человек легко становится рабом, не замечая этого. Он освобождается, потому что в нем есть духовное начало, способность не детерминироваться извне. Но так сложна человеческая природа и так запутано его существование, что из одного рабства он может впасть в другое, впасть в абстрактную духовность, в детерминирующую власть общей идеи.

Дух един, целостен и присутствует в каждом своем акте

Дух един, целостен и присутствует в каждом своем акте. Но человек не есть дух, он лишь имеет дух, и потому в самых духовных актах человека возможна

раздробленность, отвлеченность и перерождение духа. Окончательное освобождение возможно только через связь духа человеческого с духом Божиим. Духовное освобождение есть всегда обращение к бо́льшей глубине, чем духовное начало в человеке, обращение к Богу. Но и обращение к Богу может быть поражено болезнью и превратиться в идолопоклонство. Поэтому необходимо постоянное очищение. Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу. Он не действует на необходимость, в необходимости и через необходимость Он не действует в законах природы и законах государства. Поэтому учение о Промысле и учение о благодати требует пересмотра, традиционные учения неприемлемы.

Духовное освобождение человека

Духовное освобождение человека есть реализация личности в человеке. Это есть достижение целостности. И вместе с тем это есть неустанная борьба. Основной вопрос реализации личности не есть вопрос о победе над детерминацией материи. Такова лишь одна сторона. Основной вопрос есть вопрос о целостной победе над рабством. Мир плох не потому, что в нем есть материя, а потому, что он не свободен, порабощен. Тяжесть материи произошла от ложной направленности духа Основное противоположение не духа и материи, а свободы и рабства. Духовная победа есть не только победа над элементарной зависимостью человека от материи. Еще более трудна победа над обманными иллюзиями, ввергающими человека в рабство, наименее сознаваемое. Зло в человеческом существовании является не только в открытом виде, но и в обманном образе добра. Идолы, которым поклоняется человек, принимают образы добра. Антихрист может прельщать обманным сходством с образом Христа. Так это и происходит внутри христианского мира.

Многие идеи являются злом

Многие универсально-общие, отвлеченные идеи являются злом в возвышенном образе. Об этом говорится на протяжении всей моей книги. Недостаточно сказать, что нужно освободиться от греха. Грех является не только в примитивном виде и соблазняет, возможна одержимость идеей греха и соблазненность ложной борьбой против греха, который видится повсюду в жизни. Порабощает человека не только реальный грех, но и одержимость идеей греха, съедающей всю жизнь. Это одно из рабских извращений духовной жизни. Рабство, ощущаемое человеком как насилие извне и ненавидимое менее страшно, чем рабство, которое прель-

щает человека и которое он полюбил. Демониакальный характер получает все относительное, превращенное в абсолютное, все конечное, превращенное в бесконечное, все профанное, превращенное в сакральное, все человеческое, превращенное в божественное. Демониакальным делается отношение к государству, к цивилизации, даже к церкви. Есть церковь в экзистенциальном смысле как коммюнотарность, и есть церкви как объективация, как социальный институт. Когда церковь, как объективация и социальный институт, признается святой и непогрешимой, то начинается идолотворение и рабство человека. Это есть извращение религиозной жизни и демониакальный элемент внутри религиозной жизни.

Человеческая жизнь искалечена страстями

Человеческая жизнь искалечена выдуманными, преувеличенными, экзальтированными страстями, религиозными, национальными, социальными и унизительными страхами. На этой почве возникает порабощение человека. Человек обладает способностью превращать любовь к Богу и к высшей идее в самое страшное рабство.

§

Победа духа над рабством есть победа над страхом жизни и страхом смерти

Победа духа над рабством есть, прежде всего, победа над страхом, над страхом жизни и страхом смерти. Киркегардт видит в страхе-ужасе основной религиозный феномен и признак значительности внутренней жизни Библия говорит, что начало премудрости — страх Божий. И вместе с тем страх есть рабство. Как это согласовать? В этом мире человек испытывает страх жизни и страх смерти. Этот страх ослаблен и притуплен в царстве обыденности. Организация обыденности стремится создать безопасность, хотя, конечно, не может совершенно преодолеть опасности жизни и смерти. Но, погружаясь в царство обыденности, схватываясь его интересами, человек отходит от глубины и от беспокойства, связанного с глубиной. Гейдеггер верно говорит, что das Man притупляет трагизм жизни. Но все противоречиво и двойственно.

Обыденность притупляет страхи

Обыденность притупляет страхи, связанные с глубиной жизни и смерти, но создает свои, другие страхи, под властью которых человек все время живет, страхи, связанные с делами мира сего. В сущности, страх определяет большую часть политических направлений, он определяет и социализированные формы религии. Забота, которую Гейдеггер признал принадлежащей к структуре бытия, неизбежно переходит в страх, в страх обы-

денный, который нужно отличать от страха трансцендентного. Есть страх, направленный вниз, и страх, направленный вверх.

Страх смерти и страх жизни притупляется движением вниз

Страх смерти и страх жизни притупляется движением вниз, к обыденности, и он побеждается движением вверх, к трансцендентному. Страх может быть более высоким состоянием, чем легкомысленное погружение в обыденность. Но страх, всякий страх, есть все-таки рабство человека. Совершенная любовь изгоняет страх. Бесстрашие есть высшее состояние. Рабский страх мешает раскрытию истины. Страх порождает ложь. Человек думает защититься от опасности ложью, он на лжи, а не на истине воздвигает царство обыденности. Мир объективации весь проникнут ложью. Истина же раскрывается бесстрашию.

Познание истины требует победы над страхом

Познание истины требует победы над страхом, добродетели бесстрашия, небоязни опасности. Пережитый и преодоленный высший страх может стать источником познания. Но познание истины дается не страхом, а победой над страхом. Страх смерти есть предельный страх. Он может быть низким, обыденным страхом, а может быть высоким, трансцендентным. Но страх смерти означает рабство человека, рабство, знакомое всякому человеку. Человек рабствует смерти. Победа над страхом смерти есть величайшая победа над страхом вообще. И вот поразительное противоречие человека в отношении к страху смерти.

Человек боится не только собственной смерти, но и смерти других людей

Человек боится не только собственной смерти, но и смерти других людей. И вместе с тем человек довольно легко решается на убийство, и как будто менее всего боится смерти, вызванной совершенным им убийством. Это есть проблема преступления, которое всегда есть если не актуальное, то потенциальное убийство. Преступление связано с убийством, убийство связано со смертью. Убийство совершается не только бандитами, убийства совершаются организованно, в огромных масштабах, государством, людьми, обладающими властью или только что ее захватившими. И вот во всех этих убийствах ужас смерти оказывается притупленным и даже почти отсутствующим, хотя ужас смерти должен был бы быть двойным: ужасом смерти вообще, ужасом смерти как результата совершенного убийства. Смертная казнь перестает восприниматься, как убийство, смерть на войне тоже, более того: перестает восприниматься, как смерть, вызывающая ужас. И это есть последствие объективации человеческого существования.

В объективированном мире все ценности извращены

В объективированном мире все ценности извращены. Человек, вместо того чтобы быть воскресителем, победителем смерти, стал убийцей, сеятелем смерти. И он убивает, чтобы создать жизнь, в которой будет меньше страха. Человек убивает из страха; в основе всякого убийства, частного или государственного, лежат страх и рабство. Страх и рабство всегда имеют роковые последствия. Если бы человеку удалось победить рабский страх, то он перестал бы убивать. Человек из страха смерти сеет смерть, из чувства рабства хочет господствовать. Господство всегда принуждено убивать. Государство всегда испытывает страх и потому принуждено убивать. Оно не хочет бороться со смертью. Люди власти очень походят на гангстеров.

Высокое нравственное сознание в отношении смерти

Я не знаю более высокого нравственного сознания в отношении смерти, чем сознание Н. Федорова*. Н. Федоров печалуется о смерти всякого существа и требует, чтобы человек стал воскресителем. Но печалование о смерти, ставшее активным, не есть страх смерти. Воскреситель побеждает страх смерти. Персонализм ставит вопрос о смерти и бессмертии не совсем так, как Н. Федоров.

Борьба против смерти не есть только личное дело – это общее дело

Н. Федоров прав, что борьба против смерти не есть только личное дело, это «общее дело». Не только моя смерть, но и смерть всякого ставит передо мной задачу. Победа не только над страхом смерти, но и над самой смертью есть реализация личности. Реализация личности невозможна в конечном, она предполагает бесконечность, не количественную, а качественную бесконечность, то есть вечность. Индивидуум умирает, так как он рождается в родовом процессе, но личность не умирает, так как не рождается в родовом процессе.

Победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом

Победа над страхом смерти есть победа духовной личности над биологическим индивидуумом. Но это означает не отделение бессмертного духовного начала от смертного человеческого, а преображение целостного человека. Это не есть эволюция, развитие в натуралистическом смысле. Развитие есть результат ущербности, недостижимости полноты, и оно подчинено власти времени, есть становление во времени, а не творчество, побеждающее время. Недостаточность, ущерб-

* *Федоров Н.Ф.* (1829–1903) – русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма. – *Ред.* См.: Собр. соч. в 4-х т. – М., 1995–1999 (Т. 5 : Дополнения и комментарии к т. 4, 2000).

ность, недовольство, стремление к большему носит двойственный характер, есть и низшее и высшее состояние человека. Богатство может быть ложной полнотой, ложным освобождением от рабства. Переход от ущербности к полноте, от бедности к богатству может быть эволюцией и представляется извне эволюцией. Но за этим скрыт более глубокий процесс, процесс творчества, процесс свободы, прорывающейся через детерминацию. Победа над смертью не может быть эволюцией, не может быть результатом необходимости; победа над смертью есть творчество, совместное творчество человека и Бога, есть результат свободы. Напряженность и страстность жизни влечет к смерти и связана со смертью. В круговороте природного мира жизнь и смерть неразрывны. «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть». Напряженность жизненной страсти сама по себе влечет к смерти, потому что она заключена в конечном, она не выходит к бесконечности-вечности. Вечная жизнь достигается не умерщвлением и уничтожением страстной напряженности жизни, а ее духовным преображением, овладением ее творческой активностью духа. Отрицание бессмертия есть усталость, отказ от активности.

§

Творчество есть освобождение от рабства. Человек свободен, когда он находится в состоянии творческого подъема. Творчество вводит в экстаз мгновения. Продукты творчества находятся во времени, самый же творческий акт находится вне времени. Также и всякий героический акт выводит из времени. Героический акт может не быть подчинен никакой цели и быть экстазом мгновения. Но чистый героизм может быть прельщением, гордыней и самоутверждением. Так понимал чистый героизм Ницше. Так понимает его Мальро. Человек может переживать разные формы освобождающего экстаза. Может быть экстаз борьбы, экстаз эротический, может быть даже экстаз гнева, в котором человек чувствует себя способным разрушить мир. Есть экстаз принятого на себя жертвенного служения, экстаз креста. Это есть христианский экстаз. Экстаз есть всегда выход из состояния скованности и порабощенности, выход в мгновение вольности. Но экстаз может давать призрачное освобождение и вновь еще более порабощать человека. Есть экстазы, снимающие границы личности и погружающие личность в безликую космическую стихию.

Духовный экстаз укрепляет личность

Духовный экстаз характеризуется тем, что в нем не разрушается, а укрепляется личность. Личность должна в экстазе выходить из себя, но, выходя из себя, оставаться собой. Одинаковая порабощенность есть в том, чтобы быть закупоренным в себе, и в том, чтобы раствориться в безликой стихии мира. Это есть соблазн индивидуализма и противоположный соблазн космического и социального коллективизма. В духовном освобождении человека есть направленность к свободе, к истине и к любви. Свобода не может быть беспредметной и пустой. Познайте истину, и истина сделает вас свободными. Но узнание истины предполагает свободу. Несвободное узнание истины не только не имеет цены, но и невозможно. Но и свобода предполагает существование истины, смысла, Бога. Истина, смысл освобождают. Освобождение ведет к истине и смыслу.

Свобода должна быть любовной, и любовь свободной

Свобода должна быть любовной, и любовь свободной. Только сочетание свободы и любви реализует личность, свободную и творческую личность. Исключительное утверждение одного начала всегда вносит искажение и ранит человеческую личность; каждое из начал само по себе может быть источником прельщения и рабства. Свобода, ложно направленная, может быть источником рабства. В объективации духа высшее притягивается вниз и приспособляется; в творческом воплощении духа низшее, материя мира, поднимается, и происходит изменение мировой данности.

Человек есть точка пересечения двух миров: в котором он чувствует себя порабощенным; в котором он ждет освобождения

Человеческое сознание подвержено разнообразным иллюзиям в понимании отношения между этим миром, в котором человек чувствует себя порабощенным, и иным миром, в котором он ждет освобождения. Человек есть точка пересечения двух миров. Одна из иллюзий заключается в понимании различия двух миров, как различия субстанций. В действительности, это есть различие по модусу существования.

Человек переходит от рабства к свободе

Человек переходит от рабства к свободе, от раздробленности к целостности, от безличности к личности, от пассивности к творчеству, то есть переходит к духовности. Этот мир есть мир объективации, детерминизма, отчужденности и вражды, закона. «Иной» мир есть мир духовности, свободы, любви, родственности. Другая иллюзия сознания заключается в том, что отношения между двумя мирами понимаются, как абсолютная объективированная трансцендентность.

Мир духовности созидается и человеческим творчеством

При этом переход из одного мира в другой пассивно ожидается и активность человека не играет роли. В действительности, иной мир, мир духовности, царство

Божие, не только ожидается, но созидается и человеческим творчеством, есть творческое преображение мира, подверженного болезни объективации. Это есть духовная революция. «Иной» мир не может быть создан только человеческими силами, но не может быть создан и без творческой активности человека. Это приводит нас к проблеме эсхатологической, к проблеме конца истории и, значит, освобождения человека от рабства у истории.

Николай Бердяев

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ*

Аннотация. *Обсуждаются: смерть и бессмертие как проблема онтологической этики; смерть как самый глубокий и самый значительный факт жизни; жизнь благородна тем, что в ней есть смерть; смерть как явление жизни; смерть имеет положительный смысл, есть злой результат греха; смерть очищает прошлое и кладет на него печать вечности; любовь ко всему живущему есть борьба со смертью; трагедию смерти можно сознать лишь при остром сознании личности. Значительны идеи «бессмертен и вечен в человеке элемент духовности; бессмертная и вечная жизнь человеческой личности возможна; в рождении вечно торжествует жизнь; никакая цветущая жизнь вновь рожденных не преодолевает трагизма смерти; смерть отдельного человека есть выход из времени; вечная жизнь может раскрываться в каждом мгновении; смерть существует извне как некоторый натуральный факт, наступающий в будущем; смерть личная и смерть мировая есть торжество бессмыслицы и торжество смысла; нечувствительность к личности и ее вечной судьбе; смерть нужно свободно и просветленно принять».*

Ключевые слова: *смерть; жизнь; бессмертие; смерть как ужас и зло; смерть как благо и ценность; обыденность; бессмертие бесконечного; смерть личная; смерть мировая; нечувствительность к смерти.*

Abstract. *Death and immortality as a problem of ontological ethics as well as death as the most profound and significant event in the life are discussed in the article. The life is noble by the fact that there is death in it; death is a phenomenon of life; death has a positive meaning, is an evil result of sin; death cleans the past and puts the grief of eternity on it. Love for every living thing is a struggle with death; tragedy of death could be understood only under acute person's consciousness. The ideas "element of spirituality in a man is immortal and eternal; life always triumphs in birth; no blooming life of newly borns could overcome the tragedy of death; the death of a single man is withdrawal from time; eternal life could be revealed at every moment; the death exists from without as a natural event of a future; personal and world's death is a triumph of nonsense and triumph of sense; death is insensible to person ant his eternal destiny; one should freely and inspiredly accept the death" are significant.*

Keywords: *death; life; immortality; death as a horror and evil; death as good and value; ordinariness; immortality of eternity; personal dearth; world's death; insensibility to death.*

* *Бердяев Н. А.* Смерть и бессмертие // О назначении человека. – М., 2006. – С. 579–599.

Идея бессмертия

Обычные философские этики не имеют завершительной эсхатологической части. И если они и трактуют о проблеме бессмертия, то без углубления проблемы самой смерти и преимущественно в связи с нравственной ответственностью человека, с наградами и наказаниями и в лучшем случае с потребностью завершения бесконечных стремлений человеческой личности. Идея бессмертия обосновывалась при помощи натуралистической метафизики, признания души субстанцией. Тут не было никакого прикосновения к глубочайшей проблеме смерти, основной для сознания религиозного, и особенно христианского.

Проблема смерти есть проблема онтологической этики

Проблема смерти есть не только проблема метафизики, она также есть проблема более углубленной, онтологической этики. Это понимают такие мыслители, как Киркегардт и Гейдеггер. Проблема смерти приобретает центральное значение и у Фрейда. И центральной является именно проблема смерти, связанная неразрывно с проблемой времени. Проблема же бессмертия уже вторична, и она обычно неверно ставилась. Самое слово «бессмертие» не точно и означает отрицание таинственного факта смерти. Вопрос же о бессмертии души принадлежит совершенно устаревшей метафизике.

Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни

Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни. И только факт смерти ставит в глубине вопрос о смысле жизни. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь лишена была бы смысла. Смысл связан с концом. И если бы не было конца, то есть если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы. Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира, и обретение смысла предполагает конец в этом мире. И замечательно, что люди, справедливо испытывающие ужас перед смертью и справедливо усматривающие в ней предельное зло, окончательное обретение смысла все же принуждены связывать со смертью.

Смерть как ужас и зло

Смерть – предельный ужас и предельное зло – оказывается единственным выходом из дурного времени в вечность, и жизнь бессмертная и вечная оказывается достижимой лишь через смерть. Последнее упование человека связано со смертью, столь обнаруживающей власть зла в мире. Это есть величайший парадокс смерти. По христианской вере смерть есть результат греха и последний враг, который должен быть побежден, предельное зло.

Смерть в нашем греховном мире есть благо и ценность

И вместе с тем смерть в нашем греховном мире есть благо и ценность. И она вызывает в нас невыразимый ужас не только потому, что она есть зло, но и потому, что в ней есть глубина и величие, потрясающие наш обыденный мир, превышающие силы, накопленные в нашей жизни этого мира и соответствующие лишь условиям жизни этого мира. И чтобы быть на высоте восприятия смерти и должного к ней отношения, нужно необычайное духовное напряжение, нужно духовное просветление. Можно сказать, что смысл нравственного опыта человека на протяжении всей его жизни заключается в том, чтобы поставить человека на высоту в восприятии смерти, привести его к должному отношению к смерти.

Платон учил, что философия есть не что иное, как приготовление к смерти

Платон был прав, когда учил, что философия есть не что иное, как приготовление к смерти. Но беда лишь в том, что философия сама по себе не знает, как нужно умереть и как победить смерть. Философское учение о бессмертии не открывает пути. Можно было бы сказать, что в высочайших своих достижениях этика есть в большей степени этика смерти, чем этика жизни, ибо смерть обнаруживает глубину жизни и раскрывает конец, который только и сообщает смысл жизни.

Жизнь благородна только потому, что в ней есть смерть

Жизнь благородна только потому, что в ней есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен к другой, высшей жизни. Она была бы подлой, если бы смерти и конца не было, и она была бы бессмысленной. В бесконечном времени смысл никогда не раскрывается, смысл лежит в вечности. Но между жизнью во времени и жизнью в вечности лежит бездна, через которую переход возможен только лишь путем смерти, путем ужаса разрыва. В этом мире, когда он воспринимается как замкнутый, самодостаточный и законченный, все представляется бессмысленным, потому что все тленное, преходящее, то есть смерть и смертность всегда в этом мире и есть источник бессмыслицы этого мира и всего в нем происходящего. Такова одна половина истины, открытая для ограниченного и замкнутого кругозора. Гейдеггер прав, что обыденность (das Man) парализует тоску, связанную со смертью*.

Обыденность вызывает низменный страх перед смертью

Обыденность вызывает лишь низменный страх перед смертью, дрожание перед ней как перед источником бессмыслицы. Но есть другая половина истины, скрытая от обыденного кругозора. Смерть есть не только бессмыслица жизни в этом мире, тленность ее, но и знак,

* См.: «Sein und Zeit», главу «Das moegliche Ganzsein des Daseins und das Scin zum Tode».

идущий из глубины, указующий на существование высшего смысла жизни. Не низменный страх, но глубокая тоска и ужас, который вызывает в нас смерть, есть показатель того, что мы принадлежим не только поверхности, но и глубине, не только обыденности жизни во времени, но и вечности.

Вечность не только притягивает, но и вызывает ужас и тоску

Вечность же во времени не только притягивает, но и вызывает ужас и тоску. Тоска и ужас вызываются не только тем, что кончается и умирает дорогое нам, к чему мы привязаны, но в большей степени и еще глубже тем, что разверзается бездна между временем и вечностью. Ужас и тоска, связанные со скачком через бездну, есть также надежда человека, упование, что окончательный смысл откроется и осуществится. Смерть есть не только ужас человека, но и надежда человека, хотя он не всегда это сознает и не называет соответственным именем. Смысл, идущий из другого мира, действует опаляюще на человека этого мира и требует прохождения через смерть. Смерть есть не только биологический и психологический факт, но и явление духа. Смысл смерти заключается в том, что во времени невозможна вечность, что отсутствие конца но времени есть бессмыслица.

Смерть есть явление жизни

Но смерть есть явление жизни, она еще по ею сторону жизни, она есть реакция жизни на требование конца во времени со стороны жизни. Смерть нельзя понимать только как последнее мгновение жизни, после которого наступает или небытие, или загробное существование. Смерть есть явление, распространяющееся на всю жизнь. Наша жизнь наполнена смертью, умиранием. Жизнь есть непрерывное умирание, изживание конца во всем, постоянный суд вечности над временем.

Жизнь есть постоянная борьба со смертью и частичное умирание

Жизнь есть постоянная борьба со смертью и частичное умирание человеческого тела и человеческой души. Смерть внутри нашей жизни порождается невозможностью вместить полноту во времени и в пространстве. Время и пространство смертоносны, они порождают разрывы, которые являются частичным переживанием смерти. Когда во времени умирают и исчезают человеческие чувства, то это есть переживание смерти. Когда в пространстве происходит расставание с человеком, с домом, с городом, с садом, с животным, сопровождающееся ощущением, что, может быть, никогда их больше не увидишь, то это есть переживание смерти.

Тоска всякого расставания есть тоска смерти

Тоска всякого расставания, всякого разрыва во времени и пространстве, есть тоска смерти. Я помню мучительный опыт тоски, которую я переживал мальчиком при всяком расставании. Это носило столь всеобъемлю-

щий характер, что тоска смерти переживалась мною оттого, что я никогда больше не увижу лица постороннего и чуждого мне человека, никогда не увижу города, через который я случайно проехал, комнаты, в которой останавливался на несколько дней, никогда не увижу этого дерева, этой случайно встреченной мною собаки и т. д. Это, конечно, есть опыт о смерти внутри жизни.

В жизни торжествует смерть

В пространстве и времени, не вмещающих полноты, обрекающих на разрывы и расставания, всегда в жизни торжествует смерть, и смерть говорит о том, что смысл лежит в вечности, в полноте, что жизнь, в которой восторжествует смысл, не будет знать разрыва и расставаний, не будет знать тления и умирания человеческих чувств и мыслей. Смерть наступает для нас не только тогда, когда мы сами умираем, но и тогда уже, когда умирают наши близкие. Мы имеем в жизни опыт смерти, хотя и не окончательный. И мы не можем примириться со смертью, не только со смертью человека, но и со смертью животных, цветов, деревьев, вещей, домов. Стремление к вечности всего бытия есть сущность жизни. И вместе с тем вечность достигается лишь путем прохождения через смерть, и смерть есть участь всего живущего в этом мире, и, чем сложнее жизнь, чем выше уровень жизни, тем более ее подстерегает смерть. Горы живут дольше, чем люди, хотя жизнь их менее сложна и менее высока по своим качествам. Монблан представляется более бессмертным, чем святой или гений. Вещи относительно устойчивее живых существ.

Смерть имеет положительный смысл

Смерть имеет положительный смысл. Но смерть есть вместе с тем самое страшное и единственное зло. Всякое зло может быть сведено к смерти. Убийство, ненависть, злоба, разврат, зависть, месть есть смерть и сеяние смерти. Смерть есть на дне всякой злой страсти. Самолюбие, корыстолюбие, честолюбие смертоносны по своим результатам. Никакого другого зла, кроме смерти и убийства, и не существует.

Смерть есть злой результат греха

Смерть есть злой результат греха. Безгрешная жизнь была бы бессмертной, вечной. Смерть есть отрицание вечности, и в этом онтологическое зло смерти, ее вражда к бытию, ее попытки вернуть творение к небытию. Смерть сопротивляется Божьему творению мира, она есть возврат к изначальному небытию. Смерть хочет освободить тварь через ее возвращение к изначальной свободе, предшествующей миротворению. Тварь в грехе, сопротивляющаяся Божьей идее о ней. Божьему замыслу, имеет один выход – смерть. И смерть отрицательно свидетельствует о силе Божьей в мире и о Божьем смыс-

ле, обнаруживающимися в бессмыслице. Можно даже сказать, что мир осуществил бы свой безбожный замысел бесконечной (не вечной) жизни, если бы не было Бога, но так как есть Бог, то этот замысел неосуществим и кончается смертью. И Сын Божий, Искупитель и Спаситель, абсолютно безгрешный и святой, должен был принять смерть, и этим освятил смерть. Отсюда двойное отношение христианства к смерти.

Двойственное отношение христианства к смерти

Христос смертью смерть попрал. И вольная смерть Его, порожденная злом мира, есть благо и высшая ценность. В почитании креста мы почитаем смерть, освобождающую, побеждающую смерть. Чтобы ожить, нужно умереть. В кресте смерть преображается и ведет к жизни, к воскресению, И вся жизнь этого мира должна быть проведена через смерть, через распятие. Без этого она не может прийти к воскресению, к вечности. Смерть не окончательна, и не ей принадлежит последнее слово, когда она принимается как момент мистерии жизни. Бунт против смерти есть богопротивление в нашем мире. И вместе с тем со смертью нужно героически бороться и смерть нужно победить как последнее зло, вырвать жало смерти. Дело Христа в мире есть прежде всего победа над смертью и уготовление воскресения и вечной жизни. Добро, благо есть жизнь, сила и полнота жизни, вечность жизни.

Смерть как величайший парадокс в мире

Смерть оказывается величайшим парадоксом в мире, который невозможно рационально постигнуть. Смерть есть безумие, ставшее обыденностью. Сознание обыденности притупило чувство парадоксальности и иррациональности смерти. И в последних рационализированных своих результатах социальная обыденность пытается забыть о смерти, скрыть ее от людей, хоронить умерших незаметно. В социальной обыденности торжествует дух, противоположный христианской молитве о том, чтобы нам была дана память о смерти. В этом люди современной цивилизации стоят несоизмеримо ниже древних египтян.

Парадокс смерти – этическое и эстетическое выражение

Парадокс смерти имеет в мире не только этическое, но и эстетическое свое выражение. Смерть уродлива, и она есть предельное уродство, разложение, потеря лица, потеря всякого облика и лика, торжество низших элементов материального мира. И смерть – прекрасна, она облагораживает последнего из смертных и ставит его на одну высоту с самыми первыми, она побеждает уродство пошлости и обыденности. Есть момент, когда лицо покойного бывает красивее, гармоничнее, чем оно было у живого. И вокруг умершего проходят, исчезают урод-

ливые, злые чувства. Смерть – это предельное зло, благороднее жизни в этом мире. Красота, прелесть прошлого, связана с облагораживающим фактом смерти.

Смерть очищает прошлое и кладет на него печать вечности

Именно смерть очищает прошлое и кладет на него печать вечности. В смерти есть не только разложение, но и очищение. Испытания смерти не выдерживает ничто испортившееся, разложившееся и тленное. Это испытание выдерживает лишь вечное. И как это ни страшно признать, но значительность жизни связана со смертью и она раскрывается лишь перед лицом смерти. Нравственная значительность человека проявляется в испытании смерти, смерти, которой полна и самая жизнь человека.

Борьба со смертью во имя вечной жизни

И вместе с тем борьба со смертью во имя вечной жизни есть основная задача человека. Основной принцип этики может быть формулирован так: поступай так, чтобы всюду во всем и в отношении ко всему и ко всем утверждать вечную и бессмертную жизнь, побеждать смерть. Низко забыть о смерти хотя бы одного живого существа и низко примириться со смертью. Смерть самой последней, самой жалкой твари непереносима, и если в отношении к ней она не будет побеждена, то мир не имеет оправдания и не может быть принят. Вся и все должно быть воскрешено к жизни, и к жизни вечной. Это значит, что не только в отношении к людям, но и к животным, к растениям и даже к вещам должно утверждать вечное онтологическое начало. Человек всегда и во всем должен быть подателем жизни, излучать творческую энергию жизни.

Любовь ко всему живущему есть борьба со смертью

Любовь ко всему живущему, ко всякому существу, превышающая любовь к отвлеченной идее, и есть борьба со смертью во имя вечной жизни. Любовь Христа к миру и к человеку и есть подание жизни в изобилии, победа над смертоносными силами. Смысл аскезы в том, что она есть борьба со смертью в себе, против смертного в себе. Борьба со смертью во имя вечной жизни требует такого отношения к себе и к другому существу, как будто ты сам и другой человек может в любой момент умереть. В этом нравственное значение смерти в мире. Побеждай низменный, животный страх смерти, но всегда имей в себе духовный страх смерти, священный ужас перед тайной смерти. Ведь от смерти пришла людям самая идея сверхъестественного. Враги религии, напр. Эпикур, думают, что опровергли ее, признав ее источником страх смерти. Но им никогда не удастся опровергнуть той истины, что в страхе смерти, в священном ужасе перед ней приобщается человек к глубочайшей тайне бытия, что в смерти есть откровение.

Нравственный парадокс жизни и смерти выразим в этическом императиве

Нравственный парадокс жизни и смерти выразим в этическом императиве: относись к живым, как к умирающим, к умершим относись, как к живым, то есть помни всегда о смерти как о тайне жизни и в жизни и в смерти утверждай всегда вечную жизнь. Жизнь не в слабости своей, а в своей силе, напряженности и преизбыточности тесно связана со смертью. Это чувствуется в дионисизме. Это открывается в любви, которая всегда связана со смертью. Страсть, то есть проявление величайшего напряжения жизни, всегда чревата смертью. И принимающий любовь в ее преизбыточной силе и трагизме принимает смерть.

Слишком дорожащий жизнью и избегающий смерти бежит от рока любви

Слишком дорожащий жизнью и избегающий смерти бежит от рока любви, жертвует ею во имя иных задач жизни. В любви эротической дана высшая точка напряжения жизни, и она же влечет к гибели и смерти в мире. Любящий обречен на смерть и обрекает любимого. Во втором акте «Тристана и Изольды» Вагнер дает музыкальное откровение об этом. Социальная обыденность пытается ослабить эту связь любви со смертью, она хочет обезопасить любовь в мире и устроить ее. Но она не способна даже заметить ее. Социальная обыденность, организующая жизнь рода, знает лишь одно средство против смерти – рождение.

В рождении жизнь представляется побеждающей смерть, но победа рождения не хочет знать личности

В рождении жизнь представляется побеждающей смерть. Но победа рождения над смертью не хочет знать личности, ее судьбы и ее упований, она знает лишь жизнь рода. Всякий рождающий обречен на смерть и обрекает рожденного. Победа над смертью в рождении есть призрачная победа. Тайны победы над смертью не знает природа, она может прийти лишь из сверхприродного мира. На протяжении всей своей истории люди пытались бороться со смертью, и на этой почве возникали разные верования и учения. Иногда они боролись забвением смерти, иногда же идеализацией смерти и упоением гибелью.

Ряд философий проходят мимо факта смерти…

Бесплодна философская идея естественного бессмертия души, выводимая из ее субстанциальности. Она проходит мимо факта смерти, отрицает трагизм смерти. С точки зрения такого учения о бессмертии совсем оказывается ненужной борьба за вечную жизнь со смертью и тлением. Это совершенно бестрагическая рационалистическая метафизика. Школьный спиритуализм не есть решение проблемы смерти и бессмертия, это совершенно отвлеченная, кабинетная, нежизненная теория. Совершенно так же не только не решает, но и не ставит проблемы смерти и бессмертия идеализм. Идеализм, как он

выразился в германской метафизике, не знает личности, признает ее лишь функцией мирового духа и идеи и потому совсем не восприимчив в трагедии смерти.

Трагедию смерти можно сознать лишь при остром сознании личности

Трагедию смерти можно сознать лишь при остром сознании личности. Трагедия смерти ощутима лишь потому, что личность переживается как бессмертная и вечная. Трагична лишь смерть бессмертного, вечного по своему значению и назначению. Смерть смертного, временного совсем не трагична. Трагична смерть личности в человеке, потому что личность есть вечная Божья идея, вечный Божий замысел о человеке. Непереносима смерть целостной личности, в которой дано единство всех человеческих сил и возможностей. Личность не рождается от отца и матери, личность творится Богом. Естественного бессмертия человека как существа природного, рожденного в родовом процессе, естественного бессмертия его души и тела не существует. Человек в этом мире есть смертное существо. Но он сознает в себе образ и подобие Божье, личность, сознает себя принадлежащим не только к природному, но и к духовному миру. И потому человек почитает себя принадлежащим к вечности и стремится к вечности.

Бессмертен и вечен в человеке элемент духовный

Бессмертен и вечен в человеке не элемент душевный и не элемент телесный, сами по себе взятые, но элемент духовный, действие которого в элементе душевном и телесном и образует личность, осуществляет образ и подобие Божье. Человек бессмертен и вечен, как духовное существо, принадлежащее к нетленному миру, но он есть духовное существо неестественно и фактически, он есть духовное существо, когда он осуществляет себя духовным существом, когда в нем побеждает дух и духовность овладевает его природными элементами. Цельность и единство порождаются работой духа в душевном и телесном элементе и составляют личность. Природный же индивидуум не есть еще личность, и ему не свойственно бессмертие. Естественно бессмертным оказывается вид, род, а не индивидуум.

Бессмертие завоевывается личностью и есть борьба за личность

Бессмертие завоевывается личностью и есть борьба за личность. Идеализм учит бессмертию безличного или сверхличного духа, бессмертию идеи и ценности, но не бессмертию личности. Фихте или Гегель не знают личного человеческого бессмертия. Человеческая личность и ее вечная судьба приносятся в жертву идее, ценности, мировому духу, мировому разуму и т. п. В этом есть и верный элемент. Он заключается в том, что бессмертен и принадлежит вечности не естественный, эмпирический человек, а духовное, идеальное, ценностное в нем

начало. Неверность же идеалистического учения о бессмертии в том, что это духовное, идеальное, ценностное начало не образует личности на вечность, не преображает всех сил человека для вечности, а отделяется от человека, отвлекается в идеальное небо, образует безличный и бесчеловечный дух и предает человека, человеческую личность тлению и смерти.

Осуществленная и достигшая целостности личность бессмертна

Осуществленная и достигшая целостности личность бессмертна. Но в мире духовном нет замкнутой личности, личность соединена с Богом, с другими личностями, с космосом. Материализм, позитивизм и т. п. учения примиряются со смертью, узаконяют смерть и вместе с тем стараются забыть о ней, устраивая жизнь на могилах покойников. Эти учения не имеют памяти смертной, и потому они обыденны и лишены глубины и серьезности. Учение о прогрессе целиком занято будущим вида, рода, грядущих поколений и совершенно не чувствительно к личности и ее судьбе. Прогресс, как и эволюция, совершенно безличен, и учение такого рода есть имперсонализм. Смерть для прогрессирующего рода есть факт неприятный, но не глубокий и не трагический. Род знает свое бессмертие.

Глубока и трагична смерть лишь для личности и с точки зрения личности

Глубока и трагична смерть лишь для личности и с точки зрения личности. Учениям более благородным свойственна резиньяция перед смертью, примиренность, полная печали и меланхолии. В этом случае смерть замечается в своем трагизме и личность сознает себя, но она не имеет духовных сил бороться со смертью и победить ее. Отношение к смерти стоическое или буддийское бессильно перед ней и означает победу смерти, но оно благороднее родовых теорий, совершенно забывающих о смерти. Душевное, а не духовное отношение к смерти всегда печально и меланхолично, в нем всегда есть печаль воспоминания, не имеющего силы воскрешать. Только духовное отношение к смерти победно. Дохристианское отношение к смерти означает резиньяцию перед роком, несущим смерть. Только христианство знает победу над смертью.

Древнееврейскому народу была чужда идея личного бессмертия

Древнееврейскому народу была чужда идея личного бессмертия. Мы не находим ее в Библии. Личное самосознание еще не пробудилось. Еврейскому народу свойственно было сознание бессмертия народа, то есть рода, вида, а не личности. Только в книге Иова пробуждается сознание личной судьбы и ее трагизма. Лишь в эпоху эллинистическую, ко времени явления Христа в религиозном сознании иудаизма духовный элемент начинает освобождаться от власти элемента натуралистического, что означает высвобождение личности,

выход ее из растворенности в родовой, народной жизни. Но по-настоящему идея бессмертия раскрывается у греков, а не в еврействе*. Развитие идеи бессмертия души в Греции очень поучительно.

Изначально человек сознавался смертным существом

Изначально человек сознавался смертным существом. Бессмертны были боги, а не люди. Бессмертно не человеческое, а божественное начало. В человеке начинает раскрываться бессмертие, поскольку в нем обнаруживается божественное, сверхчеловеческое начало. Бессмертными оказываются не обыкновенные люди, а полубоги, герои, демоны. Грекам свойственна была раздирающая душу печаль, вызванная смертью человека. Этим полна греческая трагедия и поэзия. Человек примирялся с неизбежностью смерти, ему не дано бессмертие, которое целиком присвоили себе боги. Смертное человеческое начало и бессмертное божественное начало разорваны и соединяются только в героях, в сверхчеловеках, а не в человеке. Человек нисходит в подземное царство теней, и нет ничего печальнее его судьбы. Печаль греков, в такой форме не свойственная древнееврейскому, библейскому чувству жизни, связана с тем, что грекам дано было раскрывать человеческое начало, но не дано было соединять его с началом божественным. Человечность греков породила эту печаль. И именно от греков услышали мы слова, что человеку лучше было бы не родиться. Это не есть метафизический пессимизм Индии, отрицающий человека, признающий призрачность мира. Это – человеческая печаль, признающая и человека и мир реальностями. Греки – реалисты. Но греческий гений не мог бесконечно выносить того разрыва между человеческим и божественным миром, который обрекал людей на смертность, богам же предоставлял бессмертие. И началась борьба за бессмертие человека.

В мифологическом сознании Греции раскрывалось бессмертие божественного

В религиозном мифологическом сознании Греции раскрылось бессмертие божественного наряду со смертностью человеческого. Но мысль человека приобщается к бессмертию божественного начала, приобретает его себе, поднимается до него. Это есть мотив мистерий, орфизма, философия Платона. В человеческой душе есть божественный элемент, и он должен быть освобожден от власти материи. Тогда человек завоевывает себе бессмертие. Но обретение бессмертия божественного элемента души означает уход от низшего материального мира, а не преображение его.

* См. Erwin Rohde «Psyche, Sellenkult und Usterblichkeitsglaube der Griechen».

Бессмертие спиритуально и идеально

Бессмертие спиритуально и идеально. Бессмертно лишь то, что бессмертно по метафизической природе вещей, оно не завоевывается для смерти и тления, то есть смерть и тление не побеждаются. По орфическому мифу, душа нисходит в греховный материальный мир, и она должна от него освободиться, вернуться на свою духовную родину. Орфический миф о происхождении и судьбе души, который так повлиял на Платона, особенно в «Федоне», – один из самых глубоких мифов человечества. С ним связано и древнее учение о перевоплощении души – одна из немногих попыток понять судьбу души в ее прошлом и будущем, в ее генезисе и в ее эсхатологии. И в орфизме есть некая вечная правда. Христианство учит о воскресении, о победе над смертью для всякой жизни, для всего тварного мира, и этим оно бесконечно выше и могущественнее греческого учения о бессмертии, обрекающего значительную часть мира на тление и смерть. Но в христианском миросозерцании не раскрылась тайна генезиса души.

Раскрытие вечного элемента в душе означает вечность не только в будущем, но и в прошлом

Раскрытие вечного элемента в душе означает вечность не только в будущем, но и в прошлом. Возникшее во времени не может наследовать будущего. И если человеческая душа несет в себе образ и подобие Божье, если она есть Божья идея, то она возникает в вечности, а не во времени, в духовном мире, а не в природном мире. Но христианское сознание может понимать это динамически, а не статически, как платонизм. В вечности, в духовном мире происходит борьба за личность, за осуществление Божьей идеи. И наша природная земная жизнь есть лишь момент в духовном мире происходящего процесса. Это ведет к утверждению предсуществования в духовном мире, что совсем не связано с перевоплощением внутри земной действительности.

Принадлежность человека к вечному духовному миру не означает естественного бессмертия духа

Принадлежность человека к вечному духовному миру не означает естественного бессмертия духа. Наш природный мир есть арена борьбы за бессмертие и вечность, то есть за личность. И в этой духовной борьбе дух должен овладеть природными элементами души и тела для их вечной жизни, для воскресения вечной жизни. Христианство учит не столько об естественном бессмертии, не предполагающем никакой борьбы, сколько о воскресении, предполагающем борьбу духовных, благодатных сил с силами смертоносными. Воскресение означает религиозную победу над смертью, оно не хочет ничего предоставить тлению и смерти, как предоставляет отвлеченный спиритуализм. Учение о Воскресении исходит из трагического факта смерти и означает побе-

ду над ним, чего нет ни в каких учениях о бессмертии, ни в орфизме, ни у Платона, ни в теософии. Только христианство прямо смотрит в глаза смерти, признает и трагизм смерти, и смысл смерти и вместе с тем не примиряется со смертью и побеждает ее. Бессмертная и вечная жизнь человеческой личности возможна и есть не потому, что таков естественный состав человеческой души, а потому, что воскрес Христос и победил смертоносные силы мира, что в космическом чуде Воскресения смысл победил бессмыслицу. Учение о естественном бессмертии индивидуальной человеческой души отрывает судьбу человеческой души от судьбы космоса, от мирового целого. Это есть метафизический индивидуализм. Учение же о Воскресении связывает судьбу души, судьбу человека с космосом, с мировым целым. Воскресение моей плоти есть вместе с тем Воскресение плоти мира. Под «плотью» тут, конечно, понимается не материальный состав моего тела и тела мира, а плоть духовная. Но целостная личность связана и с плотью, и с вечной формой плоти, а не только с душой.

Если бы не было явления Христа и Воскресения Христа, то восторжествовала бы смерть

Если бы не было явления Христа и Воскресения Христа, то в мире и в человеке восторжествовала бы смерть. Поэтому учение о бессмертии есть парадоксия. Человек и смертей и бессмертен, он принадлежит и смертоносному времени и вечности, он и духовное существо, и существо природное. Смерть есть страшная трагедия, и смерть через смерть побеждается Воскресением. Но смерть побеждается не природными, а сверхприродными силами.

Два русских религиозных мыслителя высказали замечательные мысли о смерти и жизни

Два русских религиозных мыслителя высказали замечательные мысли о смерти и жизни, мысли полярно противоположные. Это В. Розанов и Н. Федоров. Для Розанова все религии делятся на два типа, в зависимости от того, кладут ли они в свою основу рождение или смерть. Рождение и смерть – самое серьезное и глубокое в жизни, и в опыте рождения, и в опыте смерти приоткрывается божественное. Иудаизм и все почти язычество для Розанова – религии рождения, христианство же есть религия смерти. Религия рождения есть религия жизни. Жизнь происходит от рождения, то есть от пола. Христианство же не благословило рождения, не благословило пола и заворожило мир красотой смерти. Розанов борется со смертью во имя жизни. Но смерть побеждается у него рождением.

В рождении вечно торжествует жизнь

В рождении вечно торжествует жизнь. Но смерть побеждается жизнью для вновь рождающихся существ, не для умерших. Розановская победа над смертью через

рождение возможна лишь при нечувствительности к человеческой личности и ее вечной судьбе. Для Розанова подлинной первореальностью и носителем жизни является не личность, а род. В рождении род торжествует над личностью, род живет бесконечно, личность же умирает. Но трагическая проблема смерти есть проблема личности, а не рода, и она переживается со всей остротой, когда личность переживает себя и сознает себя подлинным бытием и носителем жизни.

Никакая цветущая жизнь вновь рожденных не преодолевает трагизма смерти

Никакая цветущая жизнь вновь рожденных грядущих поколений не снимает и не преодолевает нестерпимого трагизма смерти хотя бы одного живого существа. Розанов не знает вечной жизни, он знает только бесконечную жизнь в деторождении. Это есть своеобразный половой пантеизм. Розанов забывает, что не от явления Христа пошла в мире смерть и что последнее слово христианства не смерть, не Голгофа, а Воскресение и вечная жизнь. Розанов спасается от ужаса смерти в стихии пола, в ее жизненной напряженности. Но падший пол и есть источник смерти в мире, и не ему дано победить смерть. Совершенно иначе ставит и решает проблему Н. Федоров. В истории человечества ни у кого нельзя найти такой боли о смерти, как у Федорова, и такой пламенной жажды вернуть жизнь всем умершим. В то время как Розанов думает о рождающихся детях, о жизни в будущем и находит в этом источник радости, Н. Федоров думает об умерших предках, о смерти в прошлом и находит в этом источник печали.

Для Н. Федорова смерть есть предельное зло

Для Н. Федорова смерть есть предельное зло, с которым нельзя пассивно мириться, и источник всех зол, единственное зло. Окончательная победа над смертью для него не в рождении новой жизни, а в воскрешении старой жизни, в воскрешении умерших предков. И эта воля к воскрешению умерших свидетельствует о необычайной высоте нравственного сознания Н. Федорова. Человек должен быть подателем жизни, он должен утверждать жизнь на вечность. Это есть высшая нравственная истина, независимо от того, как оценивать самый «проект» воскрешения у Н. Федорова. Но в отношении Н. Федорова к смерти была не только большая правда, но и большое заблуждение и неверное понимание тайны смерти. Н. Федоров был убежденный христианин, но как будто не понимал тайны Креста и Голгофы, не принимал искупительного смысла смерти. Смерть не была для него внутренним моментом жизни, через который всякая греховная

жизнь неизбежно должна пройти. Если В. Розанов не видит в христианстве Воскресения, то Н. Федоров не видит в христианстве Креста и его искупляющего значения. Оба хотели бороться со смертью во имя жизни, хотели победить смерть, один – рождением, другой – воскрешением. Правды больше у Н. Федорова, но правды односторонней.

Смерть нельзя победить, отрицая всякий за ней смысл

Смерть нельзя победить, отрицая всякий за ней смысл, то есть метафизическую ее глубину. Гейдеггер верно обосновывает возможность смерти заботой. Но это есть источник смерти, видимый из обыденного мира. Смерть есть также явление вечности в греховном мире. И вечность в греховном мире есть ужас и тоска. Тот парадоксальный факт, что человек может бояться умереть от заразной болезни или несчастного случая и не боится умереть на войне или мучеником за веру или идею, свидетельствует о том, что вечность менее страшна, когда человек поднимается от обыденности на высоту.

Ужас смерти есть ужас смерти мира

Ужас смерти есть не только ужас смерти личности, но и ужас смерти мира. Есть личный Апокалипсис и Апокалипсис мировой. Апокалиптическая настроенность есть настроенность, в которой память о смерти достигает предельного напряжения, но сама смерть переживается как путь к новой жизни. Апокалипсис есть откровение о смерти мира, хотя смерть в нем не последнее слово. Смертей не только человек, не только народы и культуры смертны, но и все человечество в целом, и весь мир, вся тварь. И поразительно, что тоска эта еще большая, чем тоска, связанная с предчувствием смерти личной. Судьба личности и судьба мира тесно связаны и переплетаются тысячами нитей. Человек тоскует не только потому, что его ждет смерть, но и потому, что смерть ждет весь мир.

Смерть смягчается чувством родовой жизни

Смерть человека в эпохи, которым чужда апокалиптическая настроенность, смягчается чувством родовой жизни и родового бессмертия, в котором выживают и сохраняются результаты его жизни и его деяний. Но Апокалипсис есть конец всякой перспективы родового, мирового бессмертия, в нем всякая тварь и все творение непосредственно поставлены перед судом вечности. Невозможно даже утешение, что в детях своих ты будешь бессмертен и бессмертны будут дела твои, наступает конец для всех утешений во времени. Апокалипсис есть не подлежащий рационализированию парадокс времени и вечности. Конец нашего мира наступает во времени, еще в нашем времени. Но он также есть конец наше-

го времени, и потому он за его пределами. Это одна из антиномий, подобных антиномиям Канта*.

Когда наступит конец, то времени больше не будет

Когда наступит конец, то времени больше не будет. И потому мы должны парадоксально мыслить конец мира и во времени, по ею сторону, и в вечности уже, по ту сторону. Конец мира, как и каждого отдельного человека, есть событие и имманентное, и трансцендентное. Ужас и тоска и вызываются этим непонятным для нас совмещением имманентного и трансцендентного, посюстороннего и потустороннего, времени и вечности. Для каждого из нас и для всего мира наступает катастрофа, скачок через бездну, непостижимый выход из времени, в самом времени совершающийся.

Смерть отдельного человека есть выход из времени

Смерть отдельного человека есть также выход из времени, во времени еще совершающийся. Если бы наш греховный мир в нашем греховном времени был бесконечным, не знал конца, то это был бы такой же злой кошмар, как и бесконечное продолжение во времени жизни отдельного человека. Это было бы торжеством бессмыслицы. И предчувствие наступления конца вызывает не только тоску и ужас, но и надежду и упование на окончательное раскрытие и торжество смысла. Суд, суждение, оценка всего, что в мире совершилось, есть окончательное раскрытие смысла. Страшный суд над личностью и миром во внутреннем своем понимании есть не что иное, как обретение смысла, как установка ценностей и качеств.

Парадокс времени и вечности существует и для судьбы личности

Парадокс времени и вечности существует не только для судьбы мира, но и для судьбы личности. Бессмертная и вечная жизнь объективируется, натурализируется, и тогда говорят о ней как о загробном существовании. Загробное существование представляется как бы природной сферой бытия, иной, чем наша сфера. В нее входит человек после смерти. Но бессмертная, вечная жизнь, не объективированная и не натурализированная, взятая изнутри, есть жизнь принципиально иного качества, чем вся природная и даже сверхприродная жизнь, она есть жизнь духовная, в которой вечность наступает уже во времени. Если бы жизнь человека целиком была взята в дух и претворена в духовную жизнь, если бы духовное начало окончательно овладело природной стихией, душевной и телесной, то смерти как натурального факта совсем не наступило бы, то совер-

* Учение Канта об антиномиях чистого разума – самое гениальное в его философии. См. «Kritik der reinen Vernunft». Die Antinomie der reinen Vernunft. Ester Wideestreit der transcendentalen Ideen».

шился бы переход в вечность без того события, которое мы извне воспринимаем как смерть.

Вечная жизнь наступает уже во времени, она может раскрыться в каждом мгновении

Вечная жизнь наступает уже во времени, она может раскрыться в каждом мгновении, в глубине мгновения как вечное настоящее. Вечная жизнь не есть будущая жизнь, а жизнь настоящего, жизнь в глубине мгновения. В этой глубине мгновения происходит разрыв времени. Поэтому этически ложна та установка, которая ждет вечности в будущем как загробного существования, ждет смерти во времени, чтобы приобщиться к вечной божественной жизни. В будущем, в сущности, никогда не наступит вечности, в будущем есть лишь дурная бесконечность. Так можно представить себе лишь ад. Вечность и вечная жизнь наступает не в будущем, а в мгновении, то есть выходе из времени, в прекращении вечной проекции жизни во времени. В терминологии философии Гейдеггера это означает прекращение той заботы, которая овременивает бытие.

Смерть существует извне как некоторый натуральный факт, наступающий в будущем

Смерть существует извне как некоторый натуральный факт, наступающий в будущем, и она означает овременение бытия, проекцию жизни в будущем. Изнутри, то есть с точки зрения, не проецированной во времени, с точки зрения вечности, раскрывающейся в глубине мгновения, смерти не существует, смерть есть лишь момент в вечной жизни, мистерии жизни. Смерть существует лишь по ею сторону, в овремененном бытии, в порядке «природы», и раскрытие духовности, введение человека в иной порядок бытия, утверждение вечного в жизни есть преодоление смерти и победа над ней. Нет преодоление смерти и победа над ней означает не забвение и не отсутствие чувствительности к ней, а принятие ее внутрь духа, когда она перестает уже быть натуральным фактом во времени и становится обнаружением смысла, идущего из вечности. Апокалипсис личный и Апокалипсис мировой обличает неисполнение вечной правды жизни и всегда есть торжество вечной правды во тьме, в темной стихии греха.

Смерть личная и смерть мировая есть торжество бессмыслицы и торжество смысла

Смерть личная и смерть мировая, как и смерть наций и цивилизаций, как и смерть исторических форм государства, общества и бытового уклада, означает катастрофическое напоминание смысла и правды о том, что они не исполнены и искажены. Таков и смысл всех больших революций, которые означают Апокалипсис внутри истории, таков смысл катастрофических событий внутри жизни отдельных людей. Откровение о грядущем явлении антихриста и его царстве указывает на неисполнение христианской правды, нежелание и неспособ-

ность реализовать ее в жизни. Таков закон духовной жизни. Если свобода не реализует Царства Христова, то необходимость реализует царство антихриста. Смерть наступает для жизни, которая не реализует себя по божественному смыслу и божественной правде. Торжество бессмыслицы означает явление смысла во тьме, в греховной стихии. Поэтому смерть, смерть человека и мира, есть не только торжество бессмыслицы, результат греха и возобладания темных сил, но и торжество смысла, напоминание о божественной правде, недопущение неправды быть вечной. Гипотетически Н. Федоров прав, что человек и мир перешли бы в вечную жизнь без катастрофы конца и страшного суда, если бы человечество объединилось братски для общего дела осуществления христианской правды и для воскрешения всех умерших*. Но человечество и мир уже далеко зашли на путях зла и неправды, и суд над ними уже совершается. Иррациональная, меоническая свобода препятствует осуществлению «проекта» Н. Федорова, он оптимистически недооценивал сил зла. Императивом же этики остается утверждение вечности, вечной жизни для каждого существа и для всего творения. Поступай так, чтобы для тебя раскрылась вечная жизнь и чтобы от тебя излучалась энергия вечной жизни на все творение.

Нечувствительность к смерти означает нечувствительность к личности и ее вечной судьбе

Этика должна стать эсхатологической. Для этики персоналистической вопрос о смерти и бессмертии является основным, и он присутствует в каждом явлении жизни, в каждом акте жизни. Нечувствительность к смерти, забвение о смерти, свойственные этике XIX и XX веков, означают нечувствительность к личности и ее вечной судьбе. Эта нечувствительность распространяется и на судьбу мира. В сущности, этика, в центре которой не стоит вопрос о смерти, не имеет никакой цены, она лишена серьезности и глубины. Такая этика хотя и оперирует с суждениями и оценками, но забывает об окончательном суждении и оценке, то есть о страшном суде. Этика должна строиться не в перспективе блага и счастья этой бесконечной жизни, а в перспективе неизбежной смерти и победы над смертью, в перспективе воскресения и вечной жизни.

Творческая этика призывает к творчеству вечных ценностей, способствующих победе над вечностью

Творческая этика призывает не к творчеству временных, преходящих, тленных благ и ценностей, способствующих забвению о смерти, конце и суде, а к творчеству вечных, непреходящих, бессмертных благ и ценностей, способствующих победе над вечностью и подготовляю-

* См.: «Философия общего дела» Н. Федорова.

щих человека к концу. Эсхатологическая этика совсем не означает пассивного отказа от творчества и активности. Пассивные апокалиптические настроения принадлежат прошлому, они означают упадочность и бегство от жизни. Наоборот, эсхатологическая этика, основанная на апокалиптическом опыте, требует небывалого напряжения человеческой активности и творчества. Нельзя пассивно, в тоске, ужасе и страхе ждать наступления конца и смерти человеческой личности и мира.

Человек призван активно бороться со смертоносными силами зла

Человек призван активно бороться со смертоносными силами зла и творчески уготовлять наступление Царства Божьего. Второе пришествие Христа предполагает напряженную творческую активность человека, приготовление человека и мира к концу, и самый конец этот зависит от творческой активности человека и определяется положительными результатами мирового процесса. Царства Христова нельзя пассивно ждать, как нельзя пассивно ждать царства антихриста, нужно активно и творчески бороться против царства антихриста и уготовлять Царство Божье, которое берется силой. Пассивное понимание апокалиптических пророчеств есть детерминизм, фатализм и отрицание свободы. Но пророчества никогда не означают детерминизма, и они всегда обращены к свободе духа. Пассивный детерминизм в отношении к апокалиптическим пророчествам есть их натурализация и рационализация, отрицание таинственного совмещения Божьего Промысла и человеческой свободы. Так же ложно пассивное отношение к собственной смерти, к смерти личности как к фатальному, детерминированному натуральному факту.

Смерть нужно свободно и просветленно принять

Смерть нужно свободно и просветленно принять, не бунтовать против ее бессмысленности, но свободное и просветленное принятие смерти есть творческая активность духа. Есть ложная активность, которая бунтует против смерти и не приемлет ее. Она порождает невыносимые страдания. Но есть истинная активность, которая есть победа вечности над смертью. В сущности, активный дух не страшится смерти. Смерти страшится лишь пассивный дух.

Активный дух может не только не бояться смерти, но может желать ее

Активный дух переживает страх и ужас безмерно больший, чем страх и ужас смерти. Активный дух, не отдающийся пассивно смерти, страшится не столько смерти, сколько ада и вечных мук. Активный дух переживает свою вечность, смерть для него существует лишь как внешний факт, внутренне для него смерти не существует. Но он испытывает ужас перед вечной судьбой, перед вечным судом. И тут мы встречаемся с психологи-

ческим парадоксом, который для многих остается неизвестным и непонятным. Активный дух, непосредственно и изнутри переживающий свою неистребимость и вечность, может не только не бояться смерти, но может желать ее и завидовать тем, которые не верят в бессмертие и убеждены, что со смертью все кончается. Ошибочно и легкомысленно думать, что так наз. вера в бессмертие всегда утешительна и что верующие в него поставили себя в привилегированное и завидное положение. Вера в бессмертие есть не только утешительная вера, облегчающая жизнь, она есть также страшная, ужасная вера, отягчающая жизнь безмерной ответственностью. Этой ответственности не знают те, которые твердо убеждены, что бессмертия нет, что смертью все кончается. С большим основанием можно было бы сказать, что неверующие больше облегчили себе жизнь, чем верующие. И неверие в бессмертие именно подозрительно своей легкостью и своей утешительностью. Они утешают себя тем, что в вечности не будет суда смысла над их бессмысленной жизнью.

Нестерпимый ужас не есть ужас смерти, а ужас суда и ада

Нестерпимый, предельный ужас не есть ужас смерти, а ужас суда и ада. Его не знают неверующие, его знают только верующие. Его редко переживает дух пассивный, его особенно остро и напряженно переживает дух активный, ибо активный дух склонен связать свою вечную судьбу, а следовательно, и суд и возможность ада с собственными творческими усилиями. Вопрос о смерти неизбежно ведет к вопросу об аде.

Победа над смертью не есть еще окончательная победа

Победа над смертью не есть еще последняя, предельная, окончательная, победа. Победа над смертью еще слишком обращена ко времени. Последняя, окончательная, предельная победа есть победа над адом, она уже обращена к вечности. И еще более радикальная задача, чем задача воскрешения умерших, поставленная Н. Федоровым, есть задача победы над адом, освобождение из ада всех тех. которые испытывают «вечные» адские муки, победа над адом не только для себя, но и для всей твари. Это и есть та предельная задача, к которой должна прийти этика: творческое освобождение всей твари от временных и «вечных» адских мук. Без осуществления этой задачи Царство Божье не может удаться.

Николай Бердяев

О САМОПОЗНАНИИ И ЕГО ПРЕДЕЛАХ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СЕБЕ*

Аннотация. *Рассматривается: самопознание как творение своего образа; идея о том, что государство есть плебейское учреждение; идея о том, что всякий иерархический порядок в мире есть объективация, то есть отпадение духа от самого себя; идея о том, что личности нет без изменения, но личности нет и без неизменности; идея о том, что в смерти, в убийстве, в ненависти есть предел чуждости; идея о поиске пути трансцендирования к преображенному и освобожденному миру.*

Ключевые слова: *самопознание; бессознательная хитрость; вера в человека; искренность; потенциальное преступление; духовный путь; асоциальность; социальность; смысл жизни; конфликт личности; индивидуальность; чуждость мира; страх отдаться потоку жизни; преодоление воли могуществу.*

Abstract. *Self-knowledge as a creation of one's image is examined in the article. Ideas that the State is plebeian institution; every hierarchical order in the world is objectification that is defection of a spirit from itself; there is no personality without changes; but there is no personality without constancy as well; there are limits for foreignness in death, murder and hatred; searching of ways of transcendence to transformed and free world are discussed.*

Keywords: *self-knowledge; unconscious ruse; trust in man; sincerity; potential crime; spiritual way; asociality; sociality; meaning of life; conflict of a person; individuality, foreignness of world; fear to go into life's stream; overcoming of will to power.*

Я созидаю свою личность... когда познаю себя

В «я» акт познания и предмет познания – одно и то же. Это хорошо понимал Фихте. Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность, созидаю ее и тогда, когда познаю себя; «я» есть, прежде всего, акт. Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию как пути к познанию мира. Но что это было за самопознание? Было ли это самопознание вот этого конкретного человека, единственного и неповторимого человека, было ли это его познание и познание о нем? Думаю, что это было не познание о нем, а познание о человеке вообще. Самопознающий субъект был разумом, общим разумом, пред-

* См.: *Бердяев Н.А.* О самопознании и его пределах. Заключение о себе // Самопознание / Опыт философской автобиографии. – М., 1991. – С. 315–333.

метом его познания был человек вообще, субъект вообще. Общее познавало общее, универсальное познавало универсальное. Сам познающий себя человек стушевывался, в нем оставались лишь общие черты, исчезало необщее выражение лица.

Греческая философия стремилась к познанию единого универсального

Греческая философия, несмотря на лозунг «познай самого себя», стремилась к познанию единого универсального и неизменного и отвращалась от множественного и подвижного мира. Греческая философия открыла разум, который стоит под знаком общего-универсального, и это открытие использовала вся европейская философия. Лишь изредка происходил прорыв к действительному самопознанию, например, в «Исповеди» блаженного Августина, у Паскаля, у Амиеля, у Достоевского, у Кирхегардта, у людей XIX и XX века, экзальтировавших субъект-личность на счет подавлявшей ее объективации.

Литература исповедей, дневников, автобиографий прорывается к экзистенциальной субъективности

Лишь литература исповедей, дневников, автобиографий и воспоминаний прорывается через эту объективность к экзистенциальной субъективности. Роман, раскрывшийся вполне лишь в XIX веке, был настоящим путем самопознания человека, и этим он приобретает философское значение. Более всего это, конечно, нужно сказать о Достоевском, творчество которого есть настоящая антропология и метафизика. Но когда познающий субъект направляется на самого себя, как на предмет познания, то возникают трудности, на которые много раз указывали и которые преувеличивали. Тут субъект слишком заинтересован в своем предмете, относится к нему страстно и пристрастно, склонен к самовозвеличению, к идеализации того самого «я», которое так часто бывает ненавистно.

О непереходимых границах самопознания

И для этой моей книги ставится для меня вопрос о правдивости и искренности, о непереходимых границах самопознания. В отношении ко мне самому, как познаваемому, исчезает объективация, отчуждение, поглощение индивидуального общим, и это великое преимущество, которое дает надежду, что познание будет экзистенциальным. Я сам, познающий – экзистенциален, и эта экзистенциальность есть вместе с тем не объективируемый предмет моего познания. Но объективация возникает всякий раз, когда я начинаю себя идеализировать или когда обнаруживаю смирение паче гордости, когда бываю не до конца, не до последней глубины, правдив и искренен.

«Я начинаю творить свой образ, возвеличенный или приниженный...»

На этих путях я начинаю творить свой образ, возвеличенный или приниженный, объективированный во вне. Я начинаю себя стилизовать, и мне самому

начинает нравиться мой стилизованный образ. Я создаю о себе миф. Иногда я вызываю в себе отвращение, le moi est haissable*. Но этот вызывающий отвращение собственный образ я тоже объективирую и стилизую. Во мне лично совсем нет актера, я никакой роли не хочу и не могу играть. Я очень хотел быть искренним и правдивым в этой книге, которую считаю опытом вполне личной, экзистенциальной философии. Но я совсем не уверен, что это мне всегда удавалось. Перечитывая книгу, я почувствовал, что она мне не удалась такой, какой я ее задумал. Она оказалась смешанной по своему типу, не выдержанной по стилю. Я, наверное, нередко идеализировал себя, объективируя свой образ для других, даже тогда, когда как будто говорил о себе плохое и унижал себя. Впрочем, мне не свойствен пафос самоуничижения, которое я считаю такой же объективацией, выбрасыванием во вне для других, как и самовозвеличение.

Последняя искренность и правдивость лежит в чистой субъективности

Последняя искренность и правдивость лежит в чистой субъективности, а не в объективности. Ницше говорит в «По ту сторону добра и зла»: «Что мы можем описать? Увы? Это всегда лишь то, что начинает увядать и портиться». Есть мучительное несоответствие между моей мыслью и ее словесным выражением. Время и память нас обманывают, и мы этого даже не замечаем. Сент-Бёв говорит по поводу мемуаров Шатобриана: «Il a substitue plus ou moins les sentiments qu il se donnait dans le moment ou il ecrivait, a ceux qu il avait reellement aux moments qu il raconte»**. И с этим почти невозможна борьба.

Человек есть существо бессознательно хитрое и недостаточно прямое

Человек есть существо бессознательно хитрое и недостаточно прямое, существо запутанное и не легко поддающееся пониманию. Я не молчащий, я говорящий. Но часто, часто вспоминаю гениальный стих, лучше всего выражающий мучительную тему:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне.
. . . . .

* Le moi est haissable – я себе ненавистен *(фр.).*

** «Он подменяет в какой-то степени чувства, которые действительно испытывает в те моменты, о которых рассказывает, чувствами, которые появляются у него в тот момент, когда он пишет» *(фр.)* (Шарль Огюстен Сент-Бёв (1804–1869) – французский критик. – С. 379).

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
. . . . .
Лишь жить в самом себе умей:
Есть целый мир в душе твоей
*Таинственно-волшебных дум...**

Человек может скрывать себя в своей мысли

В конце XIX и начале XX века считали огромным достижением в познании человека, в понимании писателей и разгадки написанных ими книг, когда открыли, что человек может скрывать себя в своей мысли и писать обратное тому, что он в действительности есть. Это открытие очень преувеличили и признали почти законом, что в своей мысли и своем творчестве человек всегда скрывает себя и что нужно думать о нем обратное тому, что он сам о себе говорит. Ницше, Кирхегардт со своей системой псевдонимов, роман психологического анализа и особенно школа психоанализа давали пищу такому пониманию: человек не то, за что он себя выдает. Очень злоупотреблял этим Л. Шестов и часто делал это мастерски. О человеке были сделаны большие разоблачения, было открыто подсознательное в нем, попытались увидеть его снизу, а не сверху.

Христианское учение о греховности человеческой природы

Христианское учение о греховности человеческой природы, которое очень легко делалось совершенно отвлеченным, конкретизировалось и приобретало наукообразный характер. Теории Маркса, Ницше, Фрейда, Гейдеггера, современный роман, ужасы войны и революции, вспышки древней жестокости и господство новой лживости – все сокрушает возвышенные учения о человеке. И все же я думаю, что наиболее правы Паскаль и Достоевский, которые не имели никаких иллюзий, но открывали человека как существо двойственное, низкое и высокое. Я имел много разочарований в людях, я видел много низости, лживости, злобы, жестокости, измен, много разочарований я испытал в человеческом общении и сам был виновником этого разочарования. Я не знаю ничего мучительнее этих изменений людей, вследствие приспособления к господству и силе, этих измен.

«И все же во мне сохранилась вера в человека»

И все же во мне сохранилась вера в человека, в Божий замысел о человеке. Вера в человека есть одно из

* *Молчи, скрывайся и таи...* – Бердяев не совсем точно цитирует стихотворение Ф.И. Тютчева «Silentium!» (1830, 1854). – С. 379–380. ***(прим. ред.)***

выражений веры в Бога и божественное. Всякая вера, вера в истину, в смысл, в ценность, в высоту есть лишь вера в Бога. Про себя могу сказать с большой искренностью, что я не очень благоприятный и не очень благодарный предмет для модного психоаналитического метода исследования (это нужно понимать гораздо шире Фрейда и современной психопатологии). Несмотря на скрытность моего характера, я ни сознательно, ни бессознательно не задавался целью скрывать себя в своей мысли и писать обратное тому, что я есть в своей глубина.

«Я, конечно, многое оставляю скрытым...»

В этой книге я, конечно, многое оставляю скрытым и даже не пытаюсь раскрыть. И это вполне сознательно, это сознательно поставленные мной границы самопознания. Я не пишу ни для исповедующего меня священника, ни для психоанализирующего меня врача или пишу для них как для обыкновенных людей. Я не задаюсь целью обнаружить себя в сыром виде, обнажить себя, я задаюсь целью совершить акт экзистенциального философского познания о себе, осмыслить свой духовный путь. Плохо лишь то, что я не выдерживаю стиля, пишу смешанно и слишком свободно.

А. Жид хочет быть почти маниаком искренности

А. Жид написал две книги, в которых он говорит о себе и обнажает себя: художественную автобиографию Si le grain ne meurt* и сравнительно недавно Journal. Известно, что проблема искренности для Жида основная, он хочет быть почти маниаком искренности, его point d'honneur** говорить о себе все самое плохое, некрасивое, отталкивающее. Удается ли это ему? Думаю, что не вполне. Искренность, доведенная до крайности, может оборачиваться рисовкой некрасивыми, уродливыми признаниями. Это искренность не непосредственная, а рефлектирующая, раздвоенная, не «наивная», а «сентиментальная».

В подсознательных погребах каждого человека есть безобразное, уродливое, потенциально преступное...

В подсознательных погребах каждого человека, в его низшем «я» есть безобразное, уродливое, потенциально преступное, но важно отношение к этому его высшего, глубокого «я». И все же «Journal» Жида дает много для познания человека, особенно для познания современного человека. Другой случай. Л. Толстой – один из самых правдивых писателей мировой литературы, он великий правдолюбец. Но его «Исповедь», очень интересная, совсем не есть настоящая исповедь его грехов. Он до крайности преувеличивает свои грехи, называя себя

* «Si le grain ne meurt». – «Если зерно не умирает» *(фр.)*. – С. 381.

** Point d'honneur – дело чести *(фр.)*. – С. 381.

убийцей, вором, прелюбодеем и прочее, но этим он говорит отвлеченно о предельных грехах человека вообще, а не о своих конкретных, может быть, мелких грехах.

«Исповедь» Л. Толстого есть рассказ о духовном пути искания правды

Его «Исповедь» интересна не как признание подлинных, конкретных, индивидуальных грехов, а как рассказ о духовном пути искания правды. Интересна попытка Гете написать о себе, озаглавив книгу «Поэзия и правда моей жизни». В ней есть правда, но есть и поэзия, выдумка, творчество о себе. «Исповедь» Руссо, хотя обозначает целую эру в обнаружении эмоциональной жизни человека, не есть искренняя исповедь. Он говорит о себе некрасивые, дурные вещи, в этом за ним последовал Жид, но он все-таки считает себя по природе добрым, хорошим человеком, как и вообще человека, и упоен собой. Моя тема совсем иная, и проблема искренности иначе ставится в отношении к этой теме.

Это не книга признаний, это книга познания смысла жизни

Повторяю, это не есть книга признаний, это книга осмысливания, познания смысла жизни. Мне иногда думается, что эту книгу я мог бы назвать «Мечта и действительность», потому что этим определяется что-то основное для меня и для моей жизни, основной ее конфликт, конфликт с миром, связанный с большой силой воображения, вызыванием образа мира иного. Вместе с тем это говорит о преобладании воображения над сердцем. Я скорее преуменьшил, чем преувеличил степень моего разрыва с миром социальной обыденности. Я с детства находился в состоянии восстания против «иерархического» порядка природы и общества и. никак не мог войти в этот порядок.

«Будучи асоциален… я был очень социален»

Я никогда не хотел и не мог чему-либо на свете подчиниться. Во всяком случае, хорошей стороной этого свойства была большая независимость. Парадокс моего существования в том, что, будучи асоциален и антисоциален в одном смысле, в другом смысле я был очень социален, так как стремился к социальной правде и справедливости, к социальному освобождению, к братской общности людей.

Конфликт личности, неповторимой индивидуальности, с общим и родовым

Я принадлежу к тому типу людей и к той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности, с общим и родовым. Было что-то личное мое в том, как я переживал этот конфликт. И своеобразие было в том, что я не могу быть назван в обычном смысле «индивидуалистом» и что я всегда критиковал «индивидуализм». Тема эта, основная для моей жизни, есть не только тема о столкновении личности с обществом, но и о столкнове-

нии с мировой гармонией. Судьба неповторимой индивидуальности не вмещается ни в какое мировое целое. Для острой постановки этой темы огромное значение имеет Достоевский, и в этом я его человек, продолжатель Ивана Карамазова, который наполовину есть сам Достоевский. И я не Бога не принимаю, а мира Божьего не принимаю. Я недостаточно подчеркнул это в своей книге о Достоевском. В известный момент моей жизни я также очень воспринял Ибсена и именно в этой теме, он помог мне найти самого себя. В какой-то точке я более соприкасался с Л. Шестовым, чем с другими русскими мыслителями начала XX века, хотя между нами была и большая разница.

Я не чувствовал себя по-настоящему и глубоко гражданином мира

Я не чувствовал себя по-настоящему и глубоко гражданином мира, гражданином общества, государства, семьи, профессии или какой-либо группировки, связанным единством судьбы. Я соглашался признать себя лишь гражданином царства свободы. В этом я не своевременный человек. Я принужден, жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти *общего*, коллективной реальности, государству, нации. Сейчас более чем когда-либо я чувствую себя человеком, выпавшим из-под власти общего, общеобязательного, как любят говорить Кирхегардт и Шестов. Я никогда не мог примириться с родовым миросозерцанием, которое лежит в основании «правых» и «левых» социализированных направлений, вдохновленных все равно национализмом, этатизмом, клерикализмом, семейственностью или всевластной общественностью, коллективностью, всеобъемлющим тоталитарным коммунизмом или космизмом.

«Я не знаю ничего банальнее националистического миросозерцания»

Родовое миросозерцание мне всегда казалось банальным, и я не знаю ничего банальнее националистического миросозерцания. Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос – все представляется мне вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности. Я никогда не соглашался сделаться частью чего бы то ни было. Но в то же время я очень остро и часто мучительно переживал основной парадокс личности. Я стремился не к изоляции своей личности, не к ее замыканию в себе и не к самоутверждению, а к размыканию в универсум, к наполнению универсальным содержанием, к общению со всем. Я хотел быть микрокосмом, каким и является человек по своей идее.

Макс Штирнер был прав, когда говорил, что весь мир есть «собственность» «единственного», то есть меня. Но это связано у него было с совершенно ложной философией. Учение М. Штирнера о «единственном и его собственности» можно признать бледным отражением и вырождением в материалистическом веке идей германской мистики.

«Весь мир должен быть моей собственностью»

Весь мир должен быть моей собственностью, и ничто не должно быть внешним, внеположным для меня, экстериоризированным, все должно быть во мне. Солнце должно быть во мне. Но феноменальный, эмпирический мир не есть моя собственность, он экстериоризирован в отношении меня, и он меня внешне насилует, и я не микрокосм, каким должен быть, солнце светит извне. Сознание границ моей личности, обостряющее личное сознание, есть, вместе с тем, сознание моего рабства у чуждого мне мира и моего восстания против него. Экстериоризированная природа и общество не являются моей собственностью, моя собственность лишь очень частична и мала в отношении к ним, и моя индивидуальность неуловима для законов природы и законов общества, не говоря уже о законах государства. Но я согласен подчиниться и слиться лишь с той природой и тем обществом, которые будут моей собственностью, которые войдут в мой микрокосм или в меня, как микрокосм.

«Я выпадаю из экстериоризированного для меня “общего”»

Я выпадаю из экстериоризированного для меня «общего», притязающего быть для меня общеобязательным законом. Я человек, восставший в отношении ко всему экстериоризированному. Это совсем не есть то, что обыкновенно называют индивидуализмом, хотя внешне это может казаться крайним индивидуализмом. Индивидуалист не стремится к универсальному содержанию. Тут скрыто противоречие личности, которое я очень остро изжил и которое связано с самым существом личности. Отношение между личностью и сверхличной ценностью парадоксально. С этой основной для меня темой связано полное отсутствие у меня всякого иерархического чувства, всякой способности почитать какой-либо иерархический чин или ощущать себя иерархическим чином. Мне свойствен прирожденный аристократизм, но я думаю, что этот аристократизм как раз и отрицает иерархические чины и положение в обществе.

«Я всегда думал, что государство есть плебейское учреждение…»

Я всегда думал, что государство есть плебейское учреждение и что так называемая аристократическая организация общества есть плебейская организация. Иерархическое чувство связано с чувством принадлеж-

ности к какому-то целому, в котором каждый занимает свое особое место, соподчиненное другому. Это все та же идея мирового порядка и мировой гармонии, за которыми признается примат над личностью. Но я не согласен, чтобы моя ценность и ценность другого существующего определялась порядком целого, общего. Я думаю, что трудно найти человека, у которого было бы не только отсутствие, но и глубокое противление всякому иерархическому порядку, Я никогда не мог вынести, чтобы отношения людей определялись по иерархическим чинам. Во мне вызывало отвращение, когда говорили, что кто-нибудь занял положение в обществе. Я совершенно не выносил, когда меня рассматривали как хозяина дома, главу семьи, редактора журнала, председателя Религиозно-философской академии и тому подобное.

«Все иерархические чины... всегда представлялись мие лишь маскарадом...»

Все иерархические чины этого мира всегда представлялись мне лишь маскарадом, лишь внешней одеждой, которую я охотно содрал бы. Мне всегда думалось, что подлинные качества и достоинства людей не имеют никакого отношения к их иерархическому положению в обществе и даже противоположны. Гении не занимали никакого иерархического положения в обществе и не были иерархическими чинами, как и пророки и святые. И когда Бог стал человеком, то занял самое последнее положение в обществе. Мессия должен быть распят.

«Мне неприятен всякий мундир... всякий условиый знак почитаиия людей в обществе»

Мне неприятен всякий мундир, всякий орден, всякий условный знак почитания людей в обществе. И мне ничто не импонирует. Чины академические, общественные или революционные мне также мало импонируют, как и чины церковные, государственные, консервативные. В моем мироощущении есть своеобразный пессимистический анархизм. Иерархизм есть объективация, и он покоится на оптимистическом коллективизме, который свойствен был всем человеческим обществам. Мне смешно, когда коммунисты или национал-социалисты с гордостью говорят, что они создают новый мир коллективности, основанный на господстве общества над личностью, коллективно-общего над индивидуальным. Но, ради Бога, освежите свою историческую память. Ваш новый мир есть самый старый, с древних времен существующий мир. Личное сознание, личная совесть всегда была лишь у немногих избранников. Средний человек, средняя масса всегда определялась коллективностью, социальной группой, и так было с первобытных кланов. Всякая посредственность есть существо вполне коллек-

тивное, отлично социализированное. Совершенно новый и действительно не бывший мир был бы мир, созданный персоналистической революцией. Но такая революция была бы концом нашего мира.

§

«Я… вижу предназначение»

И в моей собственной жизни я не чувствую иерархического порядка, не вижу осуществления плана, хотя вижу предназначение. Я ничего никогда не добивался в жизни, не стремился к осуществлению целей. Жизнь всегда мне представлялась сложившейся иррационально. У меня сохранилась большая благодарность к доктору Мотту, Г. Монбризону и С. Либерману, людям, которые поддерживали мою жизнь, когда мне особенно была необходима материальная поддержка, и преклонение перед той Высшей Силой; которая ей водительствовала, когда она была наиболее угрожаема. Но в моей жизни не было иерархической гармонии. Я думаю, что это отчасти связано с тем, что у меня не было полного доверия к реальности так называемой «действительности». Жизнь в действительности слишком часто напоминала мне сновидение и иногда кошмарное сновидение, но с прорывами дневного света. Я ведь не верю, не признаю и по своему непосредственному чувству, и по сознательному своему миропониманию, что «объективность» есть подлинная реальность, первореальность.

«Всякий иерархический порядок в мире есть объективация, то есть отпадение духа от самого себя»

Объективность есть объективация, то есть порождение известной направленности духа и субъекта. Но всякий иерархический порядок в мире есть объективация, то есть отпадение духа от самого себя, экстериоризация, совершаемая субъектом. Субъект и объект соотносительны. Рабство у объективности есть рабство, порожденное самим субъектом. Вспоминая свою молодость, я прихожу к тому заключению, что я был сравнительно мало внимателен к «эмпирической действительности» и мало ее знал. Молодость ко многому невнимательна и не имеет зоркости взгляда. Я был «идеалистом» не только в хорошем, но и в плохом смысле слова. Но это давало мне чувство свободы.

«Свобода есть нежелание знать необходимость»

Свобода совсем не есть познанная необходимость, как хочет Гегель и за ним марксизм, свобода уж скорее есть нежелание знать необходимость. Но «эмпирическая действительность» есть необходимость, ограничение и утеря свободы. Впоследствии у меня очень возросло внимание к эмпирической действительности и знание ее. Меня обогатил рост внимания. У меня возросло внимание в перечитывании старых книг. Но я очень почув-

ствовал горькость внимания «действительности». Есть истинный и ложный идеализм, как есть истинный и ложный реализм. Есть реализм, который есть не что иное, как порабощенность призрачным, иллюзорным миром грезящего субъекта.

«Мир делается все менее и менее таинственным»

Мир делается все менее и менее таинственным. Но истинное сознание в том, что тайна отодвигается в глубину. Для тех, для кого тайна совсем исчезает, мир должен представляться совсем плоским, двухмерным. Самое страшное, когда в иные минуты думается, что все плоско и конечно, нет глубины и бесконечности, нет тайны. Это и есть развержение небытия. Но эти короткие минуты побеждает чувство глубины, тайны, бесконечности. В детстве все таинственно, таинствен темный угол комнаты. Сфера таинственного потом суживается. Мир объективный, или, вернее, объективированный, делается все менее и менее таинственным, не таинственны даже бесконечные звездные миры.

«Для человека, не порабощенного объективностью, таинственность мира не исчезает»

Но для человека, не порабощенного этой объективностью, таинственность мира не исчезает, она лишь переходит в другую сферу. Тогда самое возникновение лишенного таинственности объективного мира делается таинственным. И разгадка этой тайны лежит в субъективном мире, который совсем не сводим к психическим состояниям человека, как хотел позитивизм. Самое горькое знание, которое приобретается с возрастом, есть возрастание недовольства собой, самокритика. Моя европейская и даже мировая известность, то, что многим представляется славой и так их пленяет, оценка и почитание людей, не только не увеличила во мне самомнения, но скорее, наоборот, увеличила самокритику и недовольство собой.

«Я… не принадлежу к славолюбивым и честолюбивым людям»

Для понимания сложности и хитрости человеческой души нужно прибавить: у меня это было вроде того, как богатый человек чувствует, что совсем не дорожит материальными средствами. Но я все-таки решительно не принадлежу к славолюбивым и честолюбивым людям, не в этом мой главный соблазн. Может быть, тут играет роль гордость и равнодушие (плохое) и любовь к независимости и свободе (хорошее). Это не значит, конечно, что я совершенно равнодушен к оценке своей мысли, но я не глубоко задет моей известностью и даже никогда не мог себя почувствовать человеком с очень известным и оцененным именем. Должен сказать что-то очень важное и характерное для меня. Я решительно не могу и не хочу почувствовать себя лицом солидным и почтенным. Меня шокирует и даже обижает, когда меня считают

лицом почтенным. Почтенность не соответствует моему нуменальному существу. В почтенности есть что-то общеобязательное (Allgemeingultig), во мне же очень мало общеобязательного. Я скорее основываюсь на исключении, чем на правиле. Я не учитель жизни, не отец отечества, не пастырь, не руководитель молодежи, ничего, ничего подобного.

«Я остаюсь мечтателем, каким был в юности…»

Я продолжаю воспринимать себя юношей, почти мальчиком, даже в зеркале, за чертами своего постаревшего лица, я вижу лицо юноши. Это мой вечный возраст. Я остаюсь мечтателем, каким был в юности, и врагом действительности. Во мне нет старческой мудрости, и от ее недостатка я страдаю. Во мне, часто больном и физически ослабевшем, остается слишком большая впечатлительность и страстность. Я остаюсь в своем вечном возрасте юности. Старости духа нет, в духе есть вечная юность. Есть лишь старость тела и той части души, которая связана с телом. Есть старческие чудачества. Есть раздражительность в отношении к действительности. Но мысль еще более обостряется. Все обновляется для мысли. Очень увеличивается возможность сравнений, сравнений не только впечатлений от людей и событий, но и впечатлений от книг.

«Самое главное – достигнуть состояния подъема и экстаза»

По-прежнему я думаю, что самое главное – достигнуть состояния подъема и экстаза, выводящего за пределы обыденности, экстаза мысли, экстаза чувства. Моя всегдашняя цель не гармония и порядок, а подъем и экстаз. Мир не есть мысль, как думают философы, посвятившие свою жизнь мысли. Мир есть, прежде всего и больше всего, – страсть и диалектика страсти. Страсть сменяется охлаждением. Обыденная действительность и есть это охлаждение, когда начинают господствовать интересы и борьба за существование. Ошибочно противополагать страсти – мысль, мысль есть тоже страсть. Мысль Ницше или Достоевского так волнует потому, что это страсть. И Христос хотел низвести огонь с неба. Но страсть сопрягается с тоской. Тоска вызывается не только смертью, которая ставит нас перед вечностью, но и жизнью, которая ставит нас перед временем.

«Личности нет без изменения, но личности нет и без неизменности»

Так как жизнь есть прежде всего движение, то основная проблема жизни есть проблема изменения, изменения собственного и изменения окружающих. В связи с движением и изменением происходят переоценки. Личности нет без изменения, но личности нет и без неизменности, верного себе субъекта изменения. «Все, что изменяется, пребывает, а меняется только его состояние», – говорит Кант в первой аналогии опыта. Изме-

нение может быть улучшением, восполнением, восхождением, но может быть и ухудшением, может быть изменой. И вся задача в том, чтобы изменение не было изменой, чтобы в нем личность оставалась верной себе. Тут мы встречаемся с одним из самых тяжких явлений человеческой жизни – с разочарованием в людях. Люди узнаются лучше всего в испытаниях, в катастрофах, опасностях, это стало истиной банальной. Так как мне пришлось жить в эпоху исторических катастроф и порожденных ими ужасов жизни, то я был свидетелем больших изменений и трансформаций людей. Я не знаю ничего более мучительного, чем трудность узнать хорошо известных людей, вследствие изменений, которые они пережили от приспособления к новым условиям после катастрофы. Я это видел в катастрофах, пережитых Россией, я это слыхал о Германии, я это вижу во Франции. Мне это трудно понять вследствие отвращения, которое я испытываю к каждой данной действительности и к тем, которые в ней господствуют. Но я был свидетелем и обратного.

«Были люди, которые поражали меня своей высотой в испытаниях и опасностях»

Были люди, которые поражали меня своей высотой в испытаниях и опасностях. Часто я не ожидал этого от них. Более всего меня поражали некоторые женщины, которые, в общем, выносливее и устойчивее мужчин. Я стал относиться к женщинам лучше, чем в молодости. Обратной стороной одиночества была для меня всегда проблема общения. Я всегда очень мечтал об общении и всегда очень плохо умел его осуществлять. И тут я опять сталкиваюсь с проблемой изменения. Иногда характер общения у меня изменялся, и оно даже совсем прекращалось, вследствие изменения во мне самом или в других людях. Это изменение во мне могло быть улучшением, обогащением, тем, что называют «развитием». Но вследствие развития личности могла происходить измена. И в этом есть что-то очень тяжелое. Я это переживаю, как забвение, забвение, происшедшее от того, что сознание сосредоточилось на другом.

Обогащение личности, развитие ее в широту и высоту может порождать обеднение в человеческом общении

Обогащение личности, развитие ее в широту и высоту может порождать обеднение в человеческом общении, разрыв с людьми, с которыми раньше был связан. Меня всегда неприятно шокировало, как Гете в «Поэзии и правде моей жизни» описывает свои романы. Для него каждый пережитый им роман был обогащением, способствовал его развитию. Женщину же, которая способствовала его развитию, он забывал, сохранял, впрочем, благодарную память за то, что она развила его. Таким образом, человек превращается в орудие саморазвития, и

отношение к нему не имеет ценности в себе, как не имеет этой ценности и другой человек. В этом есть что-то совершенно антиперсоналистическое.

«Я был разом и в глубине жизни... и вместе с тем как бы вне ее»

Я совсем не говорю в своей книге о самых глубоких общениях моей жизни, с которыми связаны большие обогащения моей жизни, но вместе с тем и драматизм ее. Я имел более глубокий и обширный опыт жизни, чем многие, восклицающие о любви к жизни. Я был разом и в глубине жизни, более, чем бывают философы, и вместе с тем как бы вне ее. Но мне гораздо легче говорить об общении с моим любимым котом Мури и с моими собаками, которых нет уже. Мне не только легче говорить об этом, но, как я говорил уже, мне самое общение с миром животных легче, и тут легче может выразиться мой лиризм, всегда во мне сдавленный. Говорить же о своих интимных чувствах публично, в литературе, мне всегда казалось недостатком стыдливости, нецеломудренным. Лирическая стихия, которою я никогда не обладал способностью выразить, для меня очень связана с музыкой, более, чем со словом.

«С музыкой связан у меня огромный эмоциональный подъем»

С музыкой связан у меня огромный эмоциональный подъем. Странно мое отношение к музыке. Я очень мало музыкальный человек и не имею достаточных познаний в музыке. У меня плохой слух, плохая музыкальная память, от меня ускользают оттенки в исполнении. Я не могу поддерживать разговора о музыке, который поддерживают музыкальные люди и музыкальные критики. Впрочем, о последних должен сказать, что они вряд ли способны наслаждаться музыкой, так как слишком заняты разлагающей критикой музыкального произведения и его исполнения. Критики вообще не наслаждаются искусством, наслаждаются гораздо более те, которые совсем не специалисты по искусству и мало компетентны судить о нем. И вот, несмотря на мою немузыкальность, музыка глубоко потрясает мое существо, преодолевает подавленное настроение. При этом я не столько погружаюсь в стихию данной музыки, сколько испытываю творческий подъем моего существа, я как бы перехожу в иной мир. Но с этим связана и моя критика роли музыки в человеческой цивилизации. Эта роль не только положительная, но и отрицательная. Европейская буржуазия, благодаря музыке, получает возможность быстро и без всяких усилий, за 20 франков, переходить в царство небесное, а потом с такой же быстротой обратно переходить в стихию своих неприглядных, низменных земных дел. Музыка сама по себе тут, конечно, не виновата.

«Творческие подъемы гения (Бетховена)... уходят в Царство Божье»

Трагический и страдальческий Бетховен не творил для праздных часов наслаждений европейской буржуазии. Творческие подъемы гения, так часто связанного с несчастной жизнью на земле и не признанного, уходят в Царство Божье. Тем же, что остается на земле от гениальных творческих актов, пользуются менее всего этого достойные. В этом трагедия искусства, посмертная трагедия великих творцов. Я вижу смысл искусства в том, что оно переводит в иной, преображенный мир. Оно освобождает от гнетущей власти обыденности и тогда, когда художественно изображает обыденность. Я называю буржуа по духовному типу всякого, кто наслаждается и развлекается искусством как потребитель, не связывая с этим жажды преображения мира и преображения своей жизни. Должен отметить еще одну особенность своей биографии.

«Я предпочитал по многу раз перечитывать произведения великих писателей»

Я всю жизнь и при всех условиях читал романы и драмы. Я не любил читать произведения современных второстепенных и третьестепенных писателей, я предпочитал по многу раз перечитывать произведения великих писателей (я неисчислимое количество раз перечитал «Войну и мир») или читать исторические и авантюрные романы. Моя оценка романа связана со способностью автора заставить меня войти в свой мир, иной, чем окружающая постылая действительность. Я всегда очень живо переживаю жизнь героев романов, которые читаю. Я люблю кинематограф, потому что он создает иллюзию, уводящую меня от действительности, но огорчаюсь, что так редко бывают хорошие фильмы.

Поучения от русской литературы XIX века

С особенной любовью перечитываю я русскую литературу XIX века и всегда получаю от нее поучение. Многое я переоценил в моем отношении к литературе. Русская литература XIX века осталась для меня неизменной и любимой, я еще более ее оценил. Но русская литература начала XX века при перечитывании вызывает во мне разочарование, в ней мало вечно пребывающего, она слишком связана с временем, с годами. То же и с писателями Запада. Диккенса я люблю более, чем раньше. Совершенно неизменно люблю Ибсена, которого перечитываю с любовью, волнением и всегда новым поучением. Всегда готов перечитывать греческую трагедию, Сервантеса, Шекспира, Гете, хотя и не все. Но не могу полюбить специально Данте. Я очень оценил Пруста, которого перечитываем вместе, ценю Кафку и <...> Генри Миллера. Я очень много читаю книг по истории, особенно много биографий исторических деятелей. Это для меня важно, как для историософа, и это есть пища

для моих эсхатологических размышлений. Я говорил уже о значении для меня музыки, она как бы компенсирует недостаток лиризма во мне самом. Но я думаю, что лирическая стихия не отсутствует во мне, а лишь подавлена и вытеснена, прикрыта моей сухостью и ищет того, что ее побеждает.

Страдание, связанное с всеобъемлющей брезгливостью

Если бы меня спросили, отчего я более всего страдаю не в исключительные минуты, а во все минуты жизни и с чем более всего принужден бороться, то я бы ответил – с моей брезгливостью, душевной и физической, брезгливостью патологической и всеобъемлющей. Иногда я с горечью говорю себе, что у меня есть брезгливость вообще к жизни и миру. Это очень тяжело. Я борюсь с этим. Борюсь творческой мыслью и это более всего, борюсь чтением, писанием, борюсь жалостью. И опять возвращаюсь к брезгливости и содрогаюсь от нее. Она направлена и на меня самого. Я часто закрываю глаза, уши, нос. Мир наполнен для меня запахами. Я так страстно люблю дух, потому что он не вызывает брезгливости. Люблю не только дух, но и духи. Моя брезгливость есть, вероятно, одна из причин того, что я стал метафизиком. Очень важно для меня, что я всегда очень любил смех и смешное. В смехе я видел освобождающее начало, возвышающее над властью обыденности. Любил очень остроумие, и это, может быть, французская во мне черта.

§

Противоречивость человеческой природы

Я думаю еще об объяснении противоречий, которые во мне замечали окружающие люди, и противоречий, которых не замечали. Это представляет интерес для понимания противоречивости человеческой природы вообще. Человеческая природа противоречива. Это понимает современная психология и особенно психопатология. Так, например, во мне совмещается духовная революционность с большой ролью привычки в моей жизни, анархизм по чувству и убеждению – с любовью к установившемуся порядку в своей жизни. Думаю, что эти противоположные свойства проистекают из другого источника.

Значение привычек

Привычка имеет для меня значение по двум основаниям. Мне необыкновенно трудно все, связанное с устроением обыденной жизни, с материальным миром, я очень неумел во всем этом и боюсь тратить мои силы на эту сторону жизни. Поэтому я всегда стремлюсь к автоматизации всего направленного на внешнюю жизнь, к доведению до минимума усилий, которые по моей неприспосо-

бленности максимальны. Это достигается путем привычки, которая всегда стремится избежать усилия. Я затрачиваю так много сил на мышление и творчество, что у меня остается очень мало сил для всего остального. Я старался выйти из затруднения путем привычки, которая, создавая иллюзию как бы освобождения от материального мира, в действительности освобождает лишь от усилий, которых требует сопротивление материального мира. Но есть еще более метафизическое основание для роли привычки в моей жизни.

Мучительная чуждость мира сопровождала Н. Бердяева в жизни

Я уже не раз говорил о мучительной чуждости мне мира, этого мира в этом его состоянии. Эта чуждость всегда вызывала во мне жгучее чувство тоски, сопровождающей большую часть моей жизни. Привычка есть одна из форм борьбы с чуждостью мира. Я имею в виду привычку, созданную мной, а не навязанную мне. Я пытаюсь создать вокруг себя привычный мир, ослабляющий тоску чуждости. Поэтому я очень люблю свой кабинет, свои книги. Всякое расставание, не только с людьми, но и с местом и вещами, обостряет тоску наступающей чуждости.

В смерти, в убийстве, в ненависти есть предел чуждости

Чуждость вызывает не страх, а тоску. В смерти, в убийстве, в ненависти есть предел чуждости. Зло может быть очень свойственно человеку, но в зле есть чуждость. Человек, одержимый злой страстью, в сущности, одержим силой, чуждой ему, но глубоко вошедшей в него и ставшей как бы его природой. Зло есть самоотчужденность человека. Все религии стремились к преодолению чуждости. Мир не окончательно мне чужд только потому, что есть Бог. Без Бога он мне был бы совершенно чужд. Привычка может быть борьбой с чуждостью в плане обыденной внешней жизни. В сумерки меня охватывает тоска чуждости. Но если в час сумерок я привык делать что-нибудь определенное, ритмизировать свою жизнь, то тоска чуждости ослабевает.

«Объективность, объектность и чуждость» значили для Н. Бердяева одно и то же

Моя революционно-анархическая настроенность хотела бы совершенно опрокинуть этот чуждый мир. Объективность, объектность и чуждость значат для меня одно и то же. Но эта настроенность совмещается во мне с большой привязанностью к близким, беспокойством о них и заботой, часто нелепой. В этой привязанности побеждается чуждость. И эта связь должна остаться, когда чуждый мир будет разрушен. Иногда противоречия говорят об одном и том же свойстве. Думая о своем отношении к жизни, я прихожу к заключению, что я всегда боялся жизни. В этом у меня родство с Ибсеном. Как понять это?

Считая себя храбрым, Н. Бердяев «боялся отдаться потоку жизни»

Я имею основания считать себя человеком храбрым, во мне нет трусости. Но я боялся отдаться потоку жизни. И это потому, что видел конфликт между потоком жизни и моим творчеством. Поток жизни меня иногда уносил, но потом побеждала творческая мысль. Я никогда не обладал искусством жить, моя жизнь не была художественным произведением. Я никогда не разыгрывал своей жизни.

§

Философ счел существенным духовным достижением преодоление в себе соблазнов, связанных с историческим величием, с волей к могуществу

Я хотел заключить мыслью, для меня жизненно очень важной. Вот что я считаю существенным достижением моего духовного пути. Я окончательно преодолел в себе соблазны, связанные с историческим величием, со славой царств, с волей к могуществу. В этих соблазнах я никогда не мог стать вполне самим собой. Я сделал усилие освободить свой культ человеческого творчества от этих элементов и направить его в другую сторону. И я философски осмыслил для себя эту тему. Только осмысливая ее, я пришел к философии, которая меня вполне выражает. Путь исторического величия и могущества есть путь объективации, путь выбрасывания человека во вне и самопорабощения. Этот путь влечет к царству антихриста, которое есть царство античеловеческое. Подлинное же творчество человека должно в героическом усилии прорвать порабощающее царство объективации, кончить роковой путь ее и выйти на свободу, к преображенному миру, к миру экзистенциальной субъективности и духовности, то есть подлинности, к царству человечности, которая может быть лишь царством богочеловечности.

Путь трансцендирования к преображенному и освобожденному миру

Значение своей экзистенциальной мысли я вижу именно в этом предчувствии, в этом сознании двух путей, лежащих перед человеком, – пути объективации, экстериоризации, заковывания в призрачном могуществе и массивности и пути трансцендирования к преображенному и освобожденному миру, Божьему миру. Очень важно для меня, что я никого не хочу посылать в ад. Не только творческая мысль, но и творческая страсть, страстная воля и страстное чувство должны расковать затверделое сознание и расплавить представший этому сознанию объективный мир. Я удержался в жизни, ни на что не опираясь, кроме искания божественной истины. Мое главное достижение в том, что я основал дело своей жизни на свободе.

Н. Бердяев всю жизнь искал правды, она была как бы a priori его духовного пути

Я не должен представляться каноническим типом верующего. Я чувствую, что ко мне очень мало применимы такие выражения, как «он обратился», «он стал веру-

ющим» или «его вера поколебалась», «он потерял веру». Для меня никогда не существовало ортодоксального «или-или», я не мог бы быть и ортодоксальным скептиком. Все иначе у меня определяется, в более глубинном слое, где не может быть изменений, и я не знаю, сумел ли я дать это почувствовать в своей книге. Я всю жизнь искал правды, которую я изначально нашел, она была как бы a priori моего духовного пути. Существует Сущая Правда, она не походит на мир и на все, что в мире, но она должна открываться и вочеловечиваться. В последний час моей жизни я, наверное, вспомню о моих многочисленных грехах, слабостях и падениях, но, может быть, и дана будет мне благодатная возможность вспомнить, что я принадлежал к алчущим и жаждущим правды. И это единственная из заповедей блаженства, к которой и я могу иметь отношение.

Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Анатолий Арсеньев

ПРОБЛЕМА ЦЕЛИ В ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. *Обсуждаются философские основания развития личности: проблемы образования и перспективы его развития; цели научного образования и воспитания личности; вопросы взаимоотношения науки и нравственности; две логики (объекта и субъекта) в воспитании и образовании; роль коллектива в формировании личности; духовно-нравственное отношение к миру; проблемы взаимоотношения морали и нравственности в развитии этического сознания личности.*

Ключевые слова: *личность; индивид; нравственность; мораль; цели; воспитание; образование; вещное мышление; вещные отношения; внутренний конфликт; рефлексия; трансцендирование.*

Abstract. *Philosophical basis for development of personality along with problems of education and perspectives of its development are discussed in the article. The goals of scientific education and person's upbringing and the problems of interrelation of science and morality are examined. Two logics (subject's and object's) in upbringing and education, the role of collective in person's forming as well as spiritual and moral attitude to world, problems of interrelation between morality and morals in development of person's ethic consciousness are argued.*

Keywords: *personality; individual; morals; morality; goals; upbringing; education; thing thinking, proprietary relationships; inner conflict; reflexion; transcendence.*

Цель в воспитании личности

Цели определяют выбор средств

Цели и задачи, которые ставит перед собой педагог, определяют выбор средств, то есть форм, методов, приемов, которые он применяет в процессе воспитания и обучения. Эти цели должны также определять, кого, чему и как учить.

В процессе воспитания и обучения должен быть достигнут некий результат. Ожидаемый результат определяет педагогический процесс, включая программы, учебники, методики, профессиональные знания учителя и т. д. Эти компоненты выступают по отношению к цели как средства ее осуществления. Если мы хотим, чтобы в результате освоения школьного курса математики ученик был подготовлен к изучению курса математики в любом техническом вузе, это одна цель, и для ее достижения должны быть выбраны и проанализированы с учетом детской психологии, теорий познания, задач технического вуза соответствующие педагогические средства. Если мы желаем, чтобы он был подготовлен к профессии программиста, то это другая цель, требующая другого подбора средств. Можно в качестве цели выбрать овладение стилем современного математического мышления, но это опять-таки будет иная цель. Каждая из этих целей будет требовать соответствующих средств и определенной организации педагогического процесса.

Диалектика взаимоотношения цели и средства

Диалектика взаимоотношения цели и средства ее осуществления необычайно сложна. Например, ближайшие и частичные цели играют роль средств по отношению к цели более отдаленной и общей, которая их детерминирует. В то же время ближайшие частичные цели, в силу их непосредственной связи с эмпирическими ситуациями наличного бытия и потребностями сегодняшнего дня, имеют тенденцию заслонять собою или даже подменять цели более отдаленные и фундаментальные. Такая подмена обычно происходит при отсутствии теоретического анализа, когда работает рассудочный здравый смысл, подчиняющийся логике эмпирической целесообразности, то есть в конечном счете непрерывно занятый поисками выхода из тех или иных ситуаций, возникающих в наличном бытии. В своих экстраполяциях, в придании смысла своим мыслям и действиям рассудок находит самооправдание и самоутешение, представляет сам себя хозяином положения, хотя в действительности такое поведение определяется наличными эмпирическими обстоятельствами.

Цель может присутствовать в мышлении как некий идеал

Иногда общая цель присутствует в мышлении как некий идеал, а реальные действия все же определяются целиком эмпирией наличного бытия. В этом случае возникает неадекватность цели и средств. Поэтому общетеоретический анализ целей деятельности представляется необходимым. Особенно важным он оказывается в области, где предметом изучения и формирования является человек. Следовательно, надо начинать с философского (поскольку философия и есть область всеобщего) анализа целеполагания человека в соотнесении с общими целями его деятельности на современном этапе его развития. Мы попытаемся рассмотреть понимание некоторых целей и задач воспитания и образования с позиций теории К. Маркса.

Мы начнем с краткого изложения основных принципов марксовой концепции целей, а затем попытаемся их конкретизировать применительно к рассматриваемым проблемам.

Основные принципы марксовой концепции целей человеческой деятельности

О свободе и необходимости

Начнем изложение марксовой позиции с его известного высказывания в «Капитале» о свободе и необходимости: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [1, с. 386–387].

Превращение человека в средство разрушает его как личность

Попробуем пояснить исторический и логический смысл этого высказывания К. Маркса, исходя из задач педагогического процесса. В философии, особенно в немецкой классической философии, за исключением Гегеля, человек рассматривался как самоцель, как цель в себе, а не как средство для чего-то вне его лежащего, будь то производство, наука, культура, абсолютный дух и т. д. Превращение человека в средство, подчиненное внешней цели (внешней целесообразности), разрушает его как личность, заставляет рассматривать его в нечеловеческой (вещной) функции. Например, если в качестве цели рассматривается производство, то человек выступает не как личность, а как рабочая сила. Если как цель полагается социальная структура или какие-либо «социальные интересы», то индивид неизбежно

определяется не как личность, а как набор социальных ролевых функций и т. д.

Личность – универсальное существо

В качестве личности человек выступает лишь как индивид, развивающий в себе универсальные потенции рода, как «непосредственно родовое существо». Поэтому личность не может определяться никакими внешними целями (внешней целесообразностью), то есть быть средством, но должна быть самоцелью. Как самоцель, как личность человек может быть теоретически представлен лишь как универсальное существо, то есть существо, способное переходить любые конечные границы в себе и во внешнем мире. Именно как универсальное существо рассматривал человека К. Маркс: «Универсальность индивида не в качестве мыслимой и воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений. Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как *процесса...*» [2, с. 35].

«Универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю, являются продуктом не природы, а истории» [3, с. 105]. «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек» [4, с. 120].

Коллективность, где преодолена внешняя целесообразность

Высказываний К. Маркса об универсальности, целостности человека, о человеке как самоцели достаточно много, но мы считаем важным обратить внимание на следующее: являясь потенциально универсальным существом, человек может развивать эту потенцию в таком коллективе, где преодолены формы внешней целесообразности, господствующие над индивидом, как его же «родовые силы», отчужденные от него и ему противопоставленные. Проблема коммунизма для К. Маркса и есть проблема такой коллективности, которая не является внешней для индивида.

Человек как родовое существо

Говоря о человеке как о родовом существе, К. Маркс имел в виду, что индивид, становясь личностью, воплощает в себе потенции рода, оказывается эквивалентным роду, рассматриваемому в историческом развитии. Относительно этого развития все исторические социальные формы выступают как конечные и преходящие, подлежащие в процессе развития снятию и преобразованию. Преобразование этих форм осуществляют индивиды в направлении создания более адекватных всестороннему развитию личности социальных условий. Коммунистическое общество мыслилось К. Марксом как такое, где вследствие уничтожения общественного раз-

деления труда отсутствует господство над индивидом вещных отношений («вещное отчуждение индивидов»), препятствующее превращению индивида в личность.

Критерий развитости общества – становление индивида как личности

Для К. Маркса критерием развитости общества и общественных отношений явилось то, насколько общество способствует становлению индивида как личности. Внешняя целесообразность может принимать различные формы. В условиях становления и развития капиталистического общества (общественного разделения труда в машинном производстве) господствующей становится внешняя целесообразность в форме зависимости человека от мира вещей и вещных отношений. Поскольку сам этот мир создан человеческим трудом, представляет собою накопленный овеществленный, кристаллизованный труд, постольку эта вещная зависимость может рассматриваться как господство труда, накопленного над трудом живым, выступающим как целесообразная деятельность. Это, следовательно, есть господство причины над целью, прошлого над будущим. К. Маркс показал, что в создавшихся условиях социальная структура, социальные отношения, общественная деятельность и т.д. принимают вещный характер, разворачиваются в форме «человек – вещь – человек».

Форма отношений «человек – человек»

Форма «человек – человек», то есть собственно человеческая, оказывается вытесненной в узкую сферу внеобщественных отношений индивидов. «Эти *вещные* зависимости в противоположность *личным* и выступают так (вещное отношение зависимости – это не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие, по видимости, независимым индивидам, то есть их производственные отношения друг с другом, ставшие самостоятельными по отношению к ним самим), что над индивидами теперь господствуют *абстракции*, тогда как раньше они зависели друг от друга» [3, с. 107–108]. «Единственное, что отлично от *овеществленного* труда, есть труд *неовеществленный*, но находящийся еще в процессе овеществления, *труд* как субъективность. Другими словами, *овеществленный труд*, то есть *труд, наличествующий в пространстве*, может быть противопоставлен *труду, протекающему во времени*, также и в качестве *прошлого труда*» [Там же, с. 222].

Основания для господства вещных отношений

Основания для господства вещных отношений (а следовательно, и внешней целесообразности над человеком) К. Маркс видел в становлении и развитии товарно-капиталистической формы общественного разделения труда, которая находит свое материальное воплощение и закрепляется в системе машинного про-

изводства. Поэтому «превращение личных сил (отношений), благодаря разделению труда, в силы вещественные не может быть уничтожено тем, что индивиды выкинут из головы общее представление о нем, а только тем, что они снова подчинят себе эти вещественные силы и уничтожат разделение труда» [5, с. 75].

Общественное разделение труда нарушает целостность человека

Общественное разделение труда нарушает целостность человека и человеческих отношений. Человек развивается при этом как носитель какой-либо одной или нескольких ограниченно-определенных функций («абстрактный», «частичный» человек) и как таковой используется в качестве рабочей силы, рассматривается как полезный член общества и т. п. Отношение же полезности есть вещное отношение, то есть внечеловеческое. «Способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, *вещное*, на нечто такое, что, в свою очередь, может быть обменено на все *без разбора*, то есть развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) – тождественна всеобщей продажности, коррупции. Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления» [3, с. 106].

«Полезный член общества» представлен в виде набора полезных функций

Поэтому «полезный член общества» как цель воспитания означает, что мы вынуждены представлять человека в виде набора полезных функций. Кроме того, она означает, что индивид должен приспосабливаться к налично-существующим социальным условиям, то есть подчиняться внешней целесообразности.

Вещно-рациональный стиль мышления

Вместе с развитием системы вещных отношений исторически возникает и развивается вещно-рациональный стиль мышления. Систематизированной формой такого мышления становится наука как знание о вещах и вещных отношениях, знание мира в его «вещной проекции». При этом возникает тенденция рассматривать весь мир, включая человека, как мир вещей. Такой способ рассмотрения предполагает причинно-структурную вещную логику (цель сводится к причине, свобода – к необходимости, время – к пространству, процесс – к структуре и т. д.), по которой построить теорию какого-либо предмета – это выявить его простейшие структурные элементы и затем мысленно сконструировать, построить идеальную модель изучаемого предмета. Эта модель, естественно, предполагает детерминацию целого его частями [6].

Логика вещных отношений разрушает целостность человека как личности

В науке, согласно логике вещных отношений, объяснить что-либо – значит представить объясняемое как структуру, состоящую из связанных между собой элементов. Так, молекула выглядит как структура, построенная из атомов, атом – как структура из элементарных частиц и т. д. Заимствуя методы и логику точных наук, современная психология вынуждена сводить область психического либо к области социального, либо к области биологического, либо к смеси того и другого. Возникает, с одной стороны, проблема психического как самостоятельного предмета психологии, с другой – пресловутая проблема социального и биологического в человеке, неизбежно приводящая к представлению о человеке как некоем кентавре. Проблема целостности человека как личности на этом пути представлена быть не может.

Цель воспитания – человек как самоцель

Общественное разделение труда, как и задача его преодоления, есть характеристика реальных условий социалистического общества, и в этих условиях находятся и воспитуемые, и воспитатели. Ни педагог, ни психолог, желающие быть марксистами, не могут не учитывать наличных условий, усложняющих задачу воспитания и ставящих ряд трудных проблем. Без учета противоречий наличной ситуации правильный выбор и рассмотрение цели воспитания весьма затруднены. При этом необходимы анализ и оценка ситуации с позиций будущего, то есть желательного ее изменения.

Согласно К. Марксу, такое изменение состоит в создании условий, снимающих социальные противоречия, препятствующие развитию индивида в гармоническую личность, то есть препятствующие человеку стать непосредственной самоцелью. Следовательно, основной целью воспитания должен стать человек как самоцель. Вещные цели, пока они еще остаются, должны рассматриваться как подчиненные этой главной цели, анализироваться с позиций реальных возможностей развития человека как целостной личности.

Антиномичиость целей научного образования и воспитаиия личиости. Проблема их взаимоотношения в педагогическом процессе

Зависимость цели от запросов общества

Нет недостатка в попытках сформулировать цель воспитания, а следовательно, и цель школы, исходя из некоторых объективных социальных потребностей. Часто встречаются рассуждения о том, что цель воспитания и обучения представляет собой отражение объективных потребностей, складывающихся в результате развития общественного производства, и обусловлена

социально-экономическими и политическими запросами общества. При этом авторам подобных рассуждений кажется, что такая формулировка отвечает и требованиям практики, и духу марксистской теории, и гуманистическим целям создания коммунистического общества. Остается лишь выяснить «запросы», или «потребности», общества и сформулировать представление об индивиде, отвечающем этим потребностям. Это и будет цель воспитания.

Цели педагогического процесса объективно антиномичны

С точки зрения приведенного выше философского понимания целей деятельности все выглядит гораздо сложнее. Попробуем это пояснить. Воспитание призвано формировать тех, кто будет изменять и преобразовывать существующее наличное бытие, поэтому воспитание в своих целях не может просто следовать тенденциям наличного бытия. Вместе с тем оно не может и не следовать им, поскольку они в основном определяют ближайшее будущее, в котором должны жить воспитуемые. Воспитывая человека, не адаптированного к наличной социальности, мы рискуем затруднить ему жизнь. Воспитывая слишком адаптированного члена общества, мы закрываем возможность целенаправленного изменения этого общества. Например, чтобы человек мог поставить проблему уничтожения общественного разделения труда, оно должно восприниматься им как фактор, мешающий его саморазвитию, он должен выйти за пределы наличной социальной ситуации, то есть не быть адаптированным к ней.

Развиваясь как личность, человек должен иметь в качестве цели самого себя

Человек, чтобы развиваться как личность, должен иметь в качестве цели себя самого. Однако он не может делать это, не преобразуя социальные условия своего бытия, а последнее связано с вещными целями (например, с целями развития производства, организации и обеспечения быта). Уже такая постановка вопроса показывает, что цели педагогического процесса достаточно противоречивы. Воспитывать ли человека как личность или как рабочую силу, как культурно-исторического субъекта или как специалиста-профессионала?

Чаще всего ответ таков: «А зачем противопоставлять эти цели? Надо их сочетать». Однако в действительности эти цели *объективно* антиномичны, то есть их противопоставленность не зависит от желания педагогов.

Проблема сочетания педагогических целей

Проблема сочетания педагогических целей оказывается непростой. Например: как реально сочетать формирование личности и формирование частичного человека?

Видимо, на этот вопрос нельзя ответить призывом сочетать в процессе обучения и воспитания две цели:

подготовку учащегося к профессиональным функциям и всестороннее развитие его личности. Само по себе обучение основам наук, получение учащимися соответствующих знаний, умений и навыков обычно не имеет прямой связи с развитием творческих способностей, а в условиях поныне существующих в школе методов обучения может даже препятствовать этому развитию. Общественное разделение труда у нас существует и будет существовать в ближайшем будущем, а следовательно, будет существовать и монотонный нетворческий труд, и потребность производства в человеке как в рабочей силе, а не как в личности [7]. Частичное же «умеренное» осознание себя как личности может только помешать человеку выполнять функции рабочей силы, сохраняя при этом хорошее психическое самочувствие.

Принципы современного образования

Известно, что принципы современного образования сложились в эпоху европейского Просвещения, когда знание о вещах в форме науки одерживало первые блистательные победы, возникла первая научная картина мира и научное знание представлялось панацеей от всех бед. Представление о построении научного знания как движения от частей к целому, от эмпирии путем обобщения к теории было перенесено в школу и зафиксировано в дидактических принципах. Этот характер школьных знаний, логики их изложения и методов преподавания в основных чертах сохранился до сих пор.

В рамках вещного мышления невозможно построение творческой гипотезы

Вещное мышление обладает тем свойством, что оно обеспечивает разработку и построение эмпирико-рассудочных знаний, но не самих его истоков, то есть в его рамках невозможно, например, построение творческой гипотезы. Последнее предполагает выход за пределы вещного мышления, в область мышления диалектического. То обстоятельство, что в рамках рассудочно-вещного мышления творчество нового невозможно, отмечали многие ученые, например А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Л. де Бройль и другие. Приведем на этот счет высказывания А. Эйнштейна: «Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия. Его деятельность, таким образом, разбивается на два этапа. Во-первых, ему необходимо отыскать эти принципы, во-вторых, – развивать вытекающие из этих принципов следствия. Для выполнения второй задачи он основательно вооружен еще со школы. Следовательно, если для некоторой области, то есть для совокупности взаимозависимостей,

первая задача решена, то следствия не заставят себя ждать. Совершенно иного рода первая из названных задач, то есть установление принципов, могущих служить основой для дедукции. Здесь не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения цели» [8, с. 5]. При этом «никакой логический путь не ведет от наблюдения к основным принципам теории» [Там же, с. 10].

Воспитание творческих способностей связано с воспитанием личности

Интересно отметить, что, касаясь современного обучения, А. Эйнштейн говорил: «В сущности, почти чудо, что современные методы обучения еще не совсем удушили святую любознательность...» [Там же, с. 138].

Таким образом, цель воспитания у школьников творческих способностей и цель формирования у них рассудочно-вещного мышления суть разные цели. Следование второй из них приучает человека действовать в рамках логики вещных отношений, в то время как реализация первой цели должна воспитывать у ребенка способность выходить за рамки этой логики. Первая цель непосредственно связана с воспитанием личности.

Творческое мышление выходит за пределы вещной логики

Творческое мышление выходит за пределы вещной логики и вещного здравого смысла. И в какой бы области ни осуществлялся процесс творчества, человек в момент творчества выходит за пределы своей профессии, своей специальности и действует как человек *вообще*, как личность.

Не видя антиномичности этих целей, многие педагоги возлагают надежды на воспитывающий эффект самого обучения предметам школьного курса. Например: «В школе осуществляется воспитывающее обучение: воспитывают содержание изучаемого материала, логика его изложения, методы преподавания; весь процесс обучения во всех его формах; воспитывает и личность учителя, его увлеченность наукой» [9, с. 19]. Или: «Область нравственного воспитания в учебных планах советской школы не представлена в каких-либо особых учебных предметах. Все образование в целом служит целям воспитания научного мировоззрения и коммунистической морали» [10, с. 57].

Можно согласиться с авторами приведенных высказываний, тем более что ребенок настолько восприимчивое существо, что его воспитывает любое общение. Но остается открытым вопрос: как, в каком направлении воспитывает?

Даже «увлеченность учителя наукой», если она не подчинена увлеченности учителя личностью каждого ученика, то есть невещной цели, может, например, вос-

питать фанатика от науки, для которого взрыв в Хиросиме всего лишь великолепный научный эксперимент.

Цель личностного воспитания антиномична цели научного образования

Мы можем констатировать, что цель личностного воспитания в условиях господства вещных отношений и вещного мышления оказывается антиномичной цели научного образования, а педагогический процесс не предусматривает специальных средств, обеспечивающих воспитание личности.

Общая характеристика положения дана у Э. Г. Юдина: «При таком подходе к проблеме (соотношение науки и учебного предмета) оказывается утерянным критерий, по которому можно формировать содержание образования... Когда содержание обучения сводится к знаниям, то возникает еще один крупный изъян – эта проблема оказывается оторванной от проблемы формирования человека как социальной личности, именно игнорированием проблемы человека как социальной личности, проблемы целостности этой личности, ее отношения к миру можно объяснить факт, который... выражается в том, что у нас так или иначе происходило и, на мой взгляд, продолжает происходить разрушение общего образования... А это, в свою очередь, основывается на отсутствии у нас научно разработанного и детализированного представления о целях образования. Сейчас у нас нет общесоциологических критериев, которые позволяют говорить об общем образовании как факторе формирования и развития личности» [11, с. 19–20].

Итак, мы констатировали антиномичность целей, которые стоят перед современным воспитанием. Вернемся теперь к основной, по нашему мнению, антиномии и попробуем поставить проблему возможного ее разрешения в современных условиях.

Личностное развитие носит случайный характер

Перед современной школой стоит двойственная задача: она должна готовить человека одновременно и как способного менять самого себя и наличное бытие, и как понимающего и принимающего задачи наличного бытия, способного жить и общаться внутри него. Эти две цели воспитания в широком смысле этого слова можно было бы обозначить как, с одной стороны, формирование личности, способной к творчеству и к универсальному общению и, с другой стороны, подготовка носителей социальных функций, способных обслуживать производство в качестве рабочей силы.

Ясно, что если эти две цели разделить между учебными заведениями разного типа, то это углубит социальные различия людей, а значит, будет содействовать развитию культуры элитарного типа, что, в свою очередь,

будет формировать сознание воспитуемых как социально-групповое, а не коммунистическое (всеобще-родовое) и тем самым препятствовать формированию полноценной личности в учебных заведениях обоих типов.

Многие цели антиномичны

Можно попытаться встать на упомянутую выше «умеренную» точку зрения: каждого индивида воспитывать немножко как личность, немножко как носителя социальных функций. Однако эти цели антиномичны. Поэтому попытка дать рабочему, стоящему у конвейера, немножко личностного развития, как правило, приводит к острому осознанию им своей ущербности, что может сделать его несчастным или привести к немотивированным действиям. Можно поступить и так, как фактически поступает общеобразовательная школа, считающая своей основной целью освоение учащимся некоторой суммы знаний, умений, навыков, в том числе освоение им основ наук. При этом его воспитание как нравственной личности, конечно, подразумевается, но как нечто второстепенное и обычно выносится во внеурочное время.

Пока что личностное развитие школьника носит случайный характер и в значительной степени зависит от того, в какой семье он воспитывался, какие учителя его учили в школе, каким оказался его круг общения и т. д.

Внутренний конфликт личности является следствием случайного характера личностного развития

Случайный характер личностного развития нередко приводит к острому внутреннему конфликту. Дело в том, что, обретя (что тоже не всякому удается!) ту или иную сферу личностного общения или полагая, что он нашел такую сферу (в чем он может и ошибаться), воспитуемый, прежде всего, воспринимает ее как сферу свободы, своего свободного индивидуального бытия и действия (в чем он тоже зачастую ошибается). Он немедленно противопоставляет ее сфере необходимости как ограничивающей его личность.

Негативное отношение к внешней целесообразности распространяется воспитуемым на все, что идет извне и не связано с найденной им (хотя бы лишь в воображении) и зачастую ложно понятой сферой свободного общения. На самом деле сфера свободы противостоит внешней целесообразности как проявлению позиции воспитателей, рассматривающих ученика лишь как объект воспитания. Этот негативизм не обязательно выражен внешним образом. Воспитуемый может продолжать совершать действия, требуемые от него воспитателями, но внутренне он уже ушел от них и фактически формируется в соответствии с найденной сферой свободного общения. По-видимому, в этом кроется причина того,

что многие воспитатели и психологи жалуются, что они «упускают» старшеклассников, становящихся невосприимчивыми к их воспитательным усилиям.

Свобода положительная («для») и отрицательная («от»)

Только высокоразвитая личность может понять и принять как необходимый исторический момент господство внешней необходимости, преодоление которой в будущем зависит от ее действий в наличных условиях. Свое общение с другими индивидами она сможет строить как личностное (или, по крайней мере, будет пытаться осуществить его в пределах возможного в этих условиях).

В этом случае понимание свободы не связывается с отрицательным ее пониманием – как отсутствие внешних ограничений деятельности индивида, в том числе социальных норм и необходимостей, как свобода «от», оно связывается с положительным ее пониманием, то есть с принятием свободы «для».

Положительная свобода есть свобода принятия и творения действительности. Из нее вырастает индивидуальность, утверждающая себя в универсализме и истинной коммунистической коллективности, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Свобода «для» не может предписываться индивиду внешним образом

Содержание положительной свободы, свободы «для» не может предписываться или навязываться индивиду внешним образом. Нормы морали, правила поведения, различные обязанности, сами по себе, может быть, и нужные индивиду, с определенного момента его развития не принимаются им, если не могут быть выведены из его внутреннего представления о собственном «я». Он просто относит их к сфере внешнего принуждения («внешней целесообразности»).

Эстетическое и нравственное отношение к миру создают мироощущение личности

Мироощущение личности воспитывается лишь тогда, когда индивид осознает себя причастным к миру и роду (человечеству), ощущает свое единство с ним как свою собственную универсальную целостность. Формами такого мироощущения оказываются, например, эстетическое и нравственное отношения к миру.

На этот аспект этики как формы мироощущения указывал, в частности, С.Л. Рубинштейн: «Смысл этики состоит в том, чтобы не закрывать глаза на все трудности, тяготы, беды и передряги жизни, а открыть глаза человеку на богатство его душевного содержания, на все, что он может мобилизовать, чтобы устоять, чтобы внутренне справиться с теми трудностями, которые еще не удалось устранить в процессе борьбы за достойную жизнь... Показать человеку все богатство его жизни – этим больше всего можно его укрепить и ему душевно

помочь жить полной жизнью в *данных условиях»* (выделено мною. – *А. А.*) [12, с. 347].

Школа будущего должна быть ориентирована на воспитание личности

Отношение «человек – вещь – человек», где социальное общение людей опосредовано продуктом труда, в конечном счете, является *человеческим* отношением. Это означает, что, производя и совершенствуя мир вещей, человек, в *конечном счете,* производит и совершенствует самого себя. Но непосредственно в наличном бытии вещь все же заслоняет человека, что превращает индивида в «частичного человека». Школа, работающая на будущее, должна быть ориентирована на воспитание личности. Реализация этой программы предполагает коренную перестройку всей ее работы, содержания и методов преподавания, структуры учебных предметов вплоть до разрешения проблемы воспитания самих воспитателей [13].

Конечно, по многим социально-экономическим причинам такая перестройка не может быть произведена немедленно или в ближайшее время. Но также несомненно, что *начинать* ее надо сейчас, не откладывая на неопределенное благоприятное будущее, когда неким одним ударом можно будет якобы создать систему воспитания творческих личностей. Без повседневной нынешней работы такая цель невыполнима. Будущая структура системы образования может определиться лишь при развитии и разрешении противоречий современной структуры.

Разрешение основной антиномии воспитательно-образовательного процесса связано с формированием нравственной личности

Итак, разрешение основной антиномии воспитательно-образовательного процесса связано, по-видимому, с осознанием иерархии целей, в которой высшей целью является формирование нравственной личности. Если задачи школьного образования оказываются частичными по отношению к общей цели развития личности детей, то выбор средств образования (программ, учебников, методик) и их построение на основе только этих задач может противоречить общей цели воспитательного процесса.

Человек не может рассматриваться как набор некоторых качеств

Утверждение о том, что высшей целью является формирование нравственной личности, вызывает обычно такие возражения: во-первых, формирование у школьников умения учиться и применять знания как раз способствует развитию их личности, во-вторых, в этом случае учитываются современные социальные требования к школе и их удовлетворение позволяет учащимся стать полезными членами нашего общества.

Однако дело в том, что здесь в неявной форме человек рассматривается как набор некоторых качеств. Пред-

полагается, что соединение этих качеств в должной пропорции или гармонии и даст желаемый результат, то есть человеческую личность, что, воспитывая и развивая эти качества (включая сюда умение учиться, практические навыки, а также определенные моральные качества), можно постепенно строить из них личность.

Совершенствование различных форм учебной деятельности решает лишь частичные задачи образования

Представление о том, что различные формы учебной деятельности хотя и в разной степени, но развивают те или иные качества личности учащегося, и задача состоит, во-первых, в повышении эффективности этих форм (путем улучшения их содержания, методики, организации и т. д.), во-вторых, в соблюдении между ними определенных пропорций (например, между изучением гуманитарных и естественнонаучных дисциплин), с нашей точки зрения, решает важные, но частичные задачи образования.

По отношению к цели развития личности задачи научного образования, приобретения профессии и т. п. должны быть рассмотрены как средства, помогающие ее достижению.

Научиое образование и нравствеиное воспитание. Антииомичиость этического сознаиия и воспитаиия

Человек и природа эквивалентны друг другу

Что человеческая деятельность совершается с помощью орудий труда –положение, давно ставшее общим местом. Но, как зто часто бывает, именно общеизвестность истины создает иллюзию ее понятности. Вследствие зтого выводы, которые могут быть отсюда сделаны и которые имеют первостепенное значение для психологии и педагогики, обычно не делаются. Представим некоторые из них.

Развивая орудийную деятельность, человек использует силы природы и тем самым как бы заставляет ее рефлексировать, то есть воздействовать на саму себя. Это воздействие не имеет принципиальных ограничений, поскольку в потенции может включить в себя всю природу, во всей ее всеобщности (бесконечности). В зтом смысле человек есть рефлексирующая во всеобщей и бесконечной форме природа. Человек и природа должны быть признаны эквивалентными друг другу в своей всеобщности, то есть универсальности. Можно сказать, что человек «предопределен» к универсальности, и зта предопределенность в практической жизни выражена в форме исторического процесса, а в мышлении – в форме того, что называется логикой, то есть в том, что человеческое мышление не может иначе познавать, как только соотнося любое содержание с формами всеобщности.

Индивид рефлексирует в двух формах: конечной и бесконечной

Универсальность не есть готовая форма или структура, но разворачивающийся во времени бесконечный процесс трансцендирования, то есть выход за пределы любой конечной формы. Актуально же индивид рефлексирует в двух различных формах: в конечной (как член социальной группы, класса и т.д., включая социум в целом) и в бесконечной (как представитель человечества, непосредственно родовое существо). *Насколько тот или иной индивид способен выходить за пределы конечной формы, настолько он личность.* Существует сложное противоречивое отношение индивид – общество. Исследование диалектики этого отношения составило честь и заслугу немецкой классической философии, высоко оцененной К. Марксом [14, с. 537–538].

История как филогенез, а индивидуальное развитие как онтогенез личности

Индивид, непосредственно несущий определения рода, есть личность. С этой точки зрения история может быть рассмотрена как филогенез личности, а индивидуальное развитие – как онтогенез личности. Оба процесса оказываются бесконечными, принципиально незавершаемыми.

Личность должна одновременно принадлежать коллективу и выходить за его пределы

Остановимся на проблеме онтогенеза личности более подробно. Личность как «целое в себе» в процессе своего становления должна обособляться от коллектива. В то же время средства обособления индивид находит в коллективе, без которого он не может развиваться в личность. Личность, следовательно, должна одновременно принадлежать данному конечному коллективу и выходить за его пределы, трансцендировать. Это противоречие описано

К. Марксом [3, с. 18, 105, 486], отмечавшим исключительное значение для становления личности форм коллективности, в которых живет и воспитывается индивид.

Опуская докапиталистические формы коллективности, обратимся сразу к капиталистическому обществу. К. Маркс назвал его исторически первой, хотя и абстрактной, формой всеобщности. Эта всеобщность состоит в том, что индивид постепенно начинает ощущать себя принадлежащим к человечеству в целом и все меньше ощущает себя членом своего рода. Однако эта принадлежность носит для него лишь абстрактно-всеобщий характер.

В условиях капитализма индивид выступает как абстрактно-всеобщий индивид

В условиях капитализма индивид выступает как абстрактный индивид, осуществляющий абстрактный труд в необходимое рабочее время, а включение в трудовой процесс является для него формой внешней целесообразности, то есть необходимости (а не свободы).

Абстрактно-всеобщий индивид, попадая в абстрактно-всеобщее отношение использования, начинает рассматриваться с точки зрения его «полезности обществу», а его абстрактная всеобщность позволяет ввести абстрактно-всеобщие, то есть количественные, оценки этой его полезности и поставить его материальное положение, престиж и общественное мнение о нем в зависимость от этих оценок. Индивиду внушают, что принесение пользы обществу есть его высшая обязанность, тем более высоко оцениваемая, чем больше он жертвует ей своими индивидуальными (а, следовательно, и личными) интересами. На этом сошлись, при всем их различии, этические теории И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и многие другие.

Роль коллектива в формнрованин личностн неоднозначна

Схематическое изображение исторических форм коллективности, анализируемых К. Марксом, позволяет наметить самую общую и абстрактную основу понимания форм коллективности, в которых живет и развивается человек.

Роль коллектива в формировании личности весьма неоднозначна. Есть коллективы, препятствующие обособлению личности, и общественные институты, которые могут успешно функционировать лишь при условии однотипного поведения всех участвующих в их деятельности индивидов. В любом случае отношение индивид – коллектив оказывается сложным и диалектически противоречивым. Одностороннее решение этой диалектики в сторону примата коллектива над индивидом может оказаться пагубным для развития личности. Столь же пагубным может оказаться и обратное решение.

Отношение «нндnвид – коллектив» завнснт от тнпа коллектнва и характера конфлнкта между ним и нндивидом

По-видимому, отношение «индивид – коллектив» в каждом случае должно быть индивидуальным и зависеть от типа коллектива и характера конфликта между ним и данным индивидом. Индивид, выступая против коллектива, может оказаться прав, если, например, коллектив конституирован внешней целесообразностью. Надо понимать, что в своем развитии личность должна перейти рамки любой коллективности за исключением коллектива, способного трансцендировать в бесконечной всеобщей форме.

Если социальные механизмы, воздействуя на индивида, превращают его в часть социальной системы, в исправно функционирующую деталь данного социума, то для самой социальной системы индивид, трансцендирующий во всеобщей форме, не только бесполезен, но даже вреден. Для системы может оказаться желательным, чтобы он трансцендировал (то есть был творцом нового) в ограниченной области, напри-

мер в области научно-технической или каких-то других замкнутых областях; выражаясь философски, в тех областях, которые данный конкретный социум может превратить в средства своего бытия, но не в области развития человека как бесконечной цели, ибо эта цель не может быть превращена в средство, но может быть только самоцелью.

Мир индивида не только наличное, но и историческое бытие, культурно-исторический процесс

Мир индивида не только развернутое в пространстве наличное бытие, социальная структура, но также развернутое во времени историческое бытие, культурно-исторический процесс. Причем для понимания человека его бытие во времени оказывается определяющим, поскольку он трансцендирующее во времени существо. Именно поэтому современная психология, осваивая экспериментальный метод современного научного естествознания, исследующего мир наличного бытия, теряет возможность в рамках этого метода исследовать человека как целое. Фактически то, что она исследует, есть проекция на человека наличной социальности, а не сам человек, не личность.

Становление культурно-исторического субъекта

Индивид сохраняет свою целостность, свое «я», лишь как протяженное во времени. Развиваясь в личность, он расширяет свое бытие во времени, включая себя во время рода (человеческую историю) и время универсума, в бесконечное время. Осваивая свою родовую человеческую сущность в формах культуры, он становится культурно-историческим субъектом, делающим историческое прошлое *своим* прошлым и отвечающим перед будущим, как перед *своим* будущим. И этой двойной зависимостью определяется его деятельность в настоящем, его свобода и его ответственность. В этом случае он перестает быть просто социальным функционером, он становится личностью. При этом его социальное бытие (пространственная структура) неизбежно оказывается в противоречии с его культурно-историческим бытием (процессом во времени). Если индивид не формируется как личность, это противоречие не возникает.

В классовом обществе развитие личности связано с существованием в индивиде внутреннего конфликта

Внутренний конфликт может не осознаваться индивидом, пока не возникнет ситуация, в которой предъявляемые индивиду от имени социума нормы и правила поведения, называемые моралью, не окажутся в противоречии, например, с тем, что принято называть *совестью*. Чтобы отличить от морали всеобщую безусловную систему ценностей (с которой именно и связана совесть), назовем ее собственно нравственностью (для этого есть и философские основания, не рассматриваемые в данном случае).

Для ориентировки читателя приведем некоторые параметры, отличающие друг от друга эти стороны этического сознания.

Нравственность связана с потенциальной универсальностью человека

Нравственность связана с потенциальной универсальностью человека как трансцендирующего бесконечного существа, и поэтому ее принципы безусловны, безоговорочны и всеобщи.

Мораль связана с актуальной ограниченностью человека

Мораль связана с актуальной ограниченностью человека как члена той или иной социальной группы в их наличном бытии и представляет собой конечную систему норм и правил. Она есть нравственность, приспособленная к сохранению данного социального организма, нравственность «с оговорками», ограничениями. Она не общечеловеческая, а всегда групповая (сословная, классовая, национальная и т. д.).

Нравственность неотделима от содержания «я»

Нравственность формируется вместе с личностью, составляет принцип ее бытия и неотделима от содержания «я» индивида. Мораль в таком случае именно в готовом виде предписывается индивиду как то, что противостоит его «я» и чему это «я» должно себя подчинить. Поэтому мораль связана с внешней целесообразностью (необходимостью), а нравственность – с целеполаганием самого индивида (свободой).

Моралью можно пользоваться, в том числе в корыстных целях (и К. Маркс показывает, как это делают не только индивиды, но и целые классы); нравственностью пользоваться нельзя, она не может быть переведена в план отношения использования (полезности).

Награда за нравственное поведение не может иметь вещной формы и лежит в самосознании индивида; награда в области морали может иметь вполне ощутимые формы, начиная от похвалы и престижа, кончая материальными и иными выгодами.

(Продолжение следует)

---

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал // Собр. соч.: в 48 т. – 2-е изд. – Т. 25. – Ч. II. – М., 1974.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Глава о капитале (окончание) // Собр. соч.: в 48 т. – Т. 46. – Ч. II. – М., 1974.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Глава о капитале // Собр. соч.: в 48 т. – Т. 46. – Ч. I. – М., 1974.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономически-философские рукописи 1844 года // Собр. соч.: в 48 т. – Т. 42. – М., 1974.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Собр. соч.: в 48 т. – Т. 3. – М., 1974.

6. *Арсеньев А.С.* Наука и человек (философский аспект) // Сб. статей: Наука и нравственность. – М., 1971.

7. *Гордон Л., Клопов Э., Оников Л.* Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. – М., 1976; *Прус И.* После работы // Знание – сила. – 1978. – № 1. – С. 34–36

8. *Эйнштейн А.* Физика и реальность. – М., 1965.

9. *Верзилин Н.М., Корсунская В.М.* Общая методика преподавания биологии. – М., 1972.

10. Дидактика средней школы / Под ред. М.А. Данилова, М.Н. Скаткина. – М., 1975.

11. *Юдин Э.Г.* Наука и учебный предмет // Советская педагогика. – 1965. – № 7. – С. 3–25

12. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М., 1976.

13. *Арсеньев А.С.* Научное образование и нравственное воспитание // Сб. статей: Психологические проблемы нравственного воспитания детей. – М., 1977. – С. 30–58.

14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Собр. соч.: в 48 т. – Т. 1. – М., 1974.

Личность в контексте культуры

Иеромонах Мефодий (Зинковский)

СИСТЕМНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье предложено целостное представление о человеке как образе Божием, раскрывающемся в единой онтологии природы и личности. Отмечена ведущая роль личного начала в природно-личностной онтологии. Анализируются взаимосвязанные свойства личного начала: несводимость личности к природе и субъект-объектное единство; открытость и общение; свобода и нравственность; творческий потенциал личности и ее уникальность; имманентная динамичность и целостность; логосность личности и ее когнитивность.*

Ключевые слова: *природа; личность; образ Божий; единая онтология; свойства личности.*

Abstract. *A holistic approach to man as God's image which reveals itself in integrated ontology of nature and person is proposed in the article. The leading role of personal fundamentals is underlined. Such interdependent characteristics of personal fundamentals as irreducibility of personality to nature and subject-object wholeness; openness and communication; freedom and morality; person's creative potential and uniqueness; the inherent dynamism and integrity; person's cognition and «logos»-ness are analyzed.*

Keywords: *nature, person, image of God, united ontology, properties of person.*

В этой статье, посвященной рассмотрению свойств человеческой личности, термин «личность» мы будем воспринимать синонимичным терминам ὑπόστασις, persona, πρόσωπον, понимаемым в рамках святоотеческого богословского синтеза.

Личная сообразность Бога и человека

Человек как образ Божий

Образ Божий в человеке означает возможность соотнесения парных понятий «Божественная Сущность» – «человеческая природа» и «Божественная Ипостась» – «человеческая личность». Человек называется в святоотеческом умозрении и ὑπόστασις, и persona, и πρόσωπον,

и ἄτομον (индивидуум), мыслится личностью, обладающей воипостасной ей природой, определяющей многие тропосы существования этой частной природы, но одновременно и принадлежащей целостному роду себе подобных, единосущных личностей. «Различить же между собой природу и ипостась мы можем только потому, что бытие человека рассматриваем по аналогии с Богом, а не наоборот, как это происходит во всех ошибочных концепциях личности (в том числе и в современном экзистенциализме)» [1, с. 88]. «Без Бога сложность определения понятия "личности" делает ее легкой мишенью для деконструктивистских подозрений, что способствует нигилистическому взгляду на мир, ведущему к социальным и духовным катастрофам» [2, с. 72].

Единство личности и природы в человеке

Одни мыслители склонны отождествлять понятие личности с понятием индивидуума (своего рода «личностный аристотелизм»), другие имеют тенденцию отрывать, «высвобождать» личность человека от его природы (своего рода «личностный платонизм-экзистенциализм»). Но человек, как и Бог, не есть просто голая «природа» и не есть некий самостоятельный от тела абстрактный «дух-личность». Ошибочно сводить личность лишь к индивидуальной субстанции разумной природы, как это сделал Боэций («Persona proprie dicitur naturae rationalis individua substantia», А. Майнарди переводит эту фразу как «индивид с разумной сущностью») [3, 1343 С*; 4, с. 135], но неверно искать корень личностного бытия и его характерных свойств где-то в отрыве от природы, как в человеке, так и в Боге, как, например, в «герменевтике личности Луиджи Парейсона», помещающей «исходную "трагедию свободы" в самом Боге» за счет экзистенциального отрыва свободы от сущности даже в Абсолюте [4, с. 142].

Необходимость различения природы и личности как двух начал единой онтологии

Согласно взвешенному христианскому богословию, человек представляет собой совокупность, единство личного и природного начал, он «одарен Богом личным, ипостасным началом» [5, с. 355] наряду с природным. Надо отметить, что понятия «личность» и «природа», понимаемые то как «духовность», то как «рациональность», часто почти отождествляются при нестрого богословском характере дискурса. Примером может послужить размышление, что человеческие «зародыши – личности, поскольку у них очевидно есть имплицитная

---

* В ссылках на работы из этого издания вместо страниц даны номер и буква колонки.

рациональность» [6, с. 17]. Однако рациональность есть свойство высшей составляющей природы человека и не имеет собственного личного начала. Или: «начало личности становится центром человеческой природы, в которой в силу этого все личностно, т. е. все восходит к духовному средоточию в человеке» [7, с. 334]. Понятно, здесь подразумевается, что Бог, будучи абсолютным Духом, личностен, а потому личностность в человеке отражает со-образность нашу Богу как Духу. Тем не менее надлежит проводить последовательную различительную (но не разделительную) границу между понятиями «природа» (пусть даже высшей ее части – духа-ума) и «ипостась-личность». Рассмотрение характерных личностных свойств должно облегчить решение задачи различения двух начал единой онтологии.

Личностные свойства человека

Наш анализ приводит к выделению следующих взаимосвязанных парных свойств личного начала: несводимости личности человека к его природе и единства природно-личной онтологии; открытости, перихоретичности человеческой личности и общения; свободы человеческой личности и ее нравственности; творческого потенциала личности и ее уникальности; имманентной динамичности и целостности; логосности личности и ее когнитивности.

1. Несводимость личности человека к его биологической природе: единство природно-личной онтологии

Сообразность личностей Божественной и человеческой

Несводимость личности к природе, как общей, так и частной, вытекает из сообразности человеческой ипостаси-лица с Божественной. Как в Боге понятие ὑπόστασις несводимо к понятиям «общей» или «частной» природы, а понятие πρόσωπον несводимо к комплексу природных акциденций, так уже свт. Григорий Нисский отказывается применять термин «природа» к отдельной человеческой ипостаси, индивидууму. Общее ви́дение отцов Церкви состоит в единстве человечества по сущности, которое носит вовсе не абстрактно-отвлеченный характер, но не менее реальный, чем очевидная разобщенность человечества на индивидуумы.

Единая онтология природы и личности

Понятие личности в человеке, таким образом, оказывается прямо противоречащим экзистенциальной самоизолированности, сосредоточенности на своей индивидуальной природе (как, например, считает Т. Меррикс, отождествляя личность с ее телом, ее материальной природой [8, с. 707, 709–710]) или на своем «личном» самосознании. «Я» человека, в силу единосущия человечества, неразрывно с «я» других людей, но одновремен-

но не сводится к частной природе человека, которая является не чем иным, как проявлением природного начала в данной конкретной ипостаси-личности, которой она во-ипостасна, то есть принадлежит.

Таким образом, несводимость личности к природе отнюдь не означает ее оторванности от природы. Ὑπόστασις – πρόσωπον и οὐσία образуют единую и неразрывную онтологию, субъектно-объектное единство, ибо «ипостась-личность во-сущностна, а природа во-ипостасна», по слову преп. Иоанна Дамаскина [9, 1441 D].

Явленность и неуловимость личности

«Если мы сводимся к куче молекул и данных, закодированных в них, то вопросы о личном тождестве не всегда имеют объективные ответы» [6, с. 29–30]. Личная историческая самотождественность человека предполагает даже на интуитивном уровне некоторую несводимость ее к физической и душевной природным составляющим. «То, что превращает Другого в личность, не есть его тело, но и не может быть оторвано от тела! Здесь обнаруживается некая неснимаемая дифференция и вместе с тем – нерасторжимая связь» [10, с. 288–289]. Несводимость личности к природе означает некоторую одновременную экспериментальную явленность и неуловимость личности, являемой в опыте общения, благодаря «трансцендентальности этого опыта» [11, с. 216].

Неотделимость личностных свойств от природных

В силу единства личностно-природной онтологии, свойства личности неотделимы от природных свойств. И наоборот, природные свойства в Боге и человеке как Его образе неотделимы от личностных свойств. Подобная неотделимость свойств личностных и природных, тем не менее, не означает их слияния.

«Чистые» свойства личности в Боге

Только в Боге есть «чистые» свойства личности – нерожденность, рожденность, исхождение и «чистые» природные свойства. В тварном бытии эти свойства переплетаются, смежаются порой до кажущейся неразличимости, что ведет к усиленным спорам как о понятии личности в человеке как таковой, так и о ее свойствах.

Различие человеческих ипостасей по природным и личностным свойствам

Именно поэтому в тварном мире, согласно преп. Иоанну Дамаскину, «неотделимыми» свойствами-акциденциями и отличаются индивид от индивида, то есть одна ипостась от другой ипостаси (Κατὰ ταῦτα οὖν τὰ ἀχώριστα συμβεβηκότα, ἄτομον ἀτόμου, τουτέστιν ὑπόστασις ὑποστάσεως διαφέρει) [12, 576 C], хотя понятие «ипостась» человека ставится в один логический ряд с «ипостасью» в Троице, во Христе и не может быть отождествлено с «частной природой». Различие ипостасей существует также и по ипостасным свойствам: отец и сын – рож-

дающий и рожденный. Таким образом, человеческие ипостаси различаются и по природным признакам (рост, цвет, характер и проч.), и по ипостасным (рождение и рожденность) [13, 104 А].

«Монархия» личностного начала в человеке: аналогия с «монархией» Бога-Отца

Можно говорить об определенной «монархии» личностного начала в целостной онтологии человека по аналогии с монархией ипостаси Отца в Троице, вводящей одновременность троичности и единства ипостасей и не нарушающей, но вводящей их равенство.

Монархия Отца в Троице буквально соответствует монархии Адама в человечестве, которая вводит множественность и единство в человеке одновременно. Монархия относится не к природе, в силу ее единства, но к ипостаси-личности.

Явление личности в тропосах и воипостасных природных энергиях

В рамках понятия «лица»-πρόσωπον мы можем сказать, что личность человека являет себя в различных тропосах и образах воипостасных ей природных энергий и проявлений, однако не сводится к сумме наблюдаемых проявлений. «Личность, с одной стороны, дана нам в качестве феномена, но одновременно в своей данности подразумевает некий дефицит феноменальности. Личное бытие дано и одновременно ускользает от нас» [10, с. 286].

Призвание личности к максимизации проявления себя

Однако ошибочным является мнение, что сущность личности состоит в «ускользании» или «сопротивлении тому, чтобы стать чем-то вполне зримым и присутствующим в настоящем» [Там же]. Наоборот, личность по своей онтологической неразрывности с природой как раз являет себя в зримом и настоящем, но несводима к сколь угодно большой выборке-сумме своих явлений. Кроме того, в результате грехопадения она зачастую сокрыта за комплексом акциденций, частных природных свойств. Задача личности состоит как раз в постепенной максимизации своего проявления, что возможно не за счет обособления, но только посредством постепенного раскрытия личности к целости всей природы, ко всем гомогенным ей личностям. Это неразрывно связано с такими свойствами личности, как перихоретичность и общение.

Связь несводимости личности к природе с другими личностными свойствами

Несводимость личности к природе, наряду с единством природно-личностной онтологии, открывает возможность говорить и о таких свойствах личного начала, как свобода и нравственная ответственность, реализуемых в определенных поведенческих тропосах по отношению к собственной природе, к гомогенным личностям и к Богу; творчество и уникальность, актуализируемые в явлениях личного встраивания и сохранения собственной уникальности в иерархической совокупности иных личностей; динамизм и цельность, являемые в человеческой целе-

устремленной «порученности самому себе» [11, с. 217], субъективной личной активности, обладающей синтетическими свойствами как во внутреннем, так и во внешнем аспектах деятельности; логосность и когнитивность – в силу несводимости слова к разумно-природному началу и неразрывности самосознания человека со своей природой, а также в силу отличия от других личностей.

2. Открытость, перихоретичность человеческой личности

Связь открытости и перихоретичности личности с общением

Открытость и перихоретичность личности означают ее естественную способность и постоянную бытийную потребность пребывать в природно-энергийном общении с иными личностями – как гомогенными, так и гетерогенными. Это сфера синергийного богословия и синергийной антропологии, «антропологии коммуникации» [14–16].

В человеческом плане открытость и перихоретичность означают, выражаясь словами Н. О. Лосского, «преодоление разделения на "я" и "не-я" без утраты свободы и самостоятельности личности» [17, с. 253].

Открытость ипостасного начала есть устремленность к включению в свое бытие бытия других ипостасей, отражаемая в непрерывном тропосе взаимных природно-энергийных отдачи-приема, которому соответствует новозаветный и святоотеческий термин κοινωνία – «кинония-общение». Кинония личностей осуществляется посредством единой природы у гомогенных ипостасей или посредством общения воипостасных энергий гетерогенных природ.

Личностный перихоресис человечества в Царствии Божием и в Церкви

Очевидно, что человеческий род в силу греховной раздробленности не реализовал до сих пор свое таинственное Богоподобное единосущие, и потому полноценный личностный перихоресис является задачей, которая будет качественно решена в Царстве Божием, но может и должна начать свое осуществление внутри реальности Церкви Христовой. Вспомоществуемое таинством Евхаристии и напояемое благодатью Духа Святого христианское сообщество личностей способно максимально в рамках земных реалий воплотить в себе перихоретический тропос взаимообщения, предполагающий и максимальное жертвенное общение частных природ, доходящее в своем пределе до уровня «отдачи» своей «частной», индивидуальной природы для обладания ее энергиями, воипостазирования ее энергий другими личностями общины.

Осуществление личностного перихоресиса в Церкви. Жертвенное служение святых

Понятны и очевидны ограничения, налагаемые несовершенством христиан на реализацию столь высокого идеала перихоретической личной жертвенности.

Однако духовные чувствования и жертвенные служения святых Церкви подтверждают возможность жизненного воплощения подобного тропоса существования. Здесь можно привести примеры старцев, горячо желавших раздать себя по частичкам людям, если бы это принесло последним пользу («Если бы можно было, самого себя растерзал бы всем по кусочку и, всех собрав, обнял бы разом») [18, с. 267, 323], принести свою жизнь в жертву за другого (прмц. Мария Скобцова и др.), служить заразным больным смертельно опасными болезнями (прмц. Елизавета и ее сёстры) и др.

Необходимость совместимости гетерогенных ипостасей в личностном перихоресисе

Ипостасная открытость не означает, тем не менее, включения внутрь ипостасного бытия или воипостазирования всего тварного мира, что было бы неким аналогом пантеизма на человеческом уровне – панантропизма. Личностный перихоресис касается гетерогенных ипостасей не всякого рода, но лишь «совместимых» в своей гетерогенности, то есть позволяющих совместное обладание природой. Ипостаси людей могут и призваны вступать в личный перихоресис, но сюда не относятся роды ипостасей, не обладающие избирательной (προαιρετικὴν) и самодвижной (αὐτοκίνητον) способностями, не имеющие самодеятельного (αὐθέδραστον или αὐτουργὸς) существования [19, 876 A; также 20, 876 D; 21, 68 D; 21, 1049 D, 1385 D].

Невозможность приложения ипостасного языка к неживой природе

На первый взгляд, формально оперируя понятиями, можно применить язык ипостаси-природы к любому роду тварных существ, включая неживую природу, что и делает ряд современных богословов, усиленно «вписывающих» Аристотеля и Платона чуть ли не во все святоотеческие тексты. Однако с богословской точки зрения, в силу единства ипостасно-природной онтологии, в неживой природе очевидно качественное понижение уровня «ипостасности» бытия, снижение смыслового содержания понятия «ипостась» и неприменимость, в строгом смысле, ипостасного языка, не позволяющего для человека свести «ипостась» к «частной природе», к тварным существам низшего порядка, созданным для человека, но не составляющим его Богообразную природу.

Способность к кенозису как условие перихоресиса

С другой стороны, также совершенно очевидной натяжкой будет попытка применения к любому роду тварных существ языка лица-природы, несущего еще более яркую смысловую нагрузку субъектной активности и способности к осуществлению бытия в кенотичном общении. Библейские олицетворения неживой природы в свете этого вопроса являются лишь образными выражениями, не допускающими буквального понимания, но отражаю-

щими личное отношение Творца и человека ко всему сотворенному и способность неживой природы к некоторому «отклику», некоторой обратной связи, благодаря пронизанности мира нетварными воипостасными энергиями Творца, не сливающимися, однако, с самим миром.

Различия пан-антропизма и пан-антропоэнергизма

Перихоретичность и открытость ипостасно-личного бытия человека по отношению к окружающему его космосу и миру означает, таким образом, отнюдь не пан-антропизм, но пан-антропоэнергизм. То есть личность человека по образу Троицы способна в синергии с себе подобными личностями в соборном делании, вдохновленном и освященном Духом Божиим, оформлять бытие Вселенной, о-живляя и о-человечивая ее, но вовсе не во-человечивая. Человеческая личность способна и призвана придавать особый «аромат» бытию мира, но как человек, о-боживаясь, не «во-боживается», не становится частью Божественной природы, так и мир, о-человечиваясь, не во-человечивается. Субъективно-личностная активность личностей человеческого рода в соборном перихоретическом согласии призвана проявить себя в принесении Творцу непрестанно обновляемой человеком не только его собственной, но и окружающей его внешней природы.

Ошибочные представления об образовании личности в общении и в отношениях

Глубоко ошибочными с богословской точки зрения являются представления об образовании собственно личности в человеке посредством общения, попытки определения личностной природы как «структуры отклика, выработавшегося в процессе... общения» [22, р. 90], будь то с другими людьми или с Богом. Неверными оказываются схожие концепции кардинала Й. Ратцингера и митрополита И. Зизиуласа, согласно которым личность по своей природе состоит из отношений и абсолютно определяется ими. Таким образом, делается ложный шаг отождествления либо образа/тропоса существования, либо частных природных свойств, формируемых в процессе общения, с понятием ипостаси – личности. Тем временем личность есть одно из двух исходных начал единой природно-ипостасной онтологии, она составляет в человеке исходную данность, вступающую в общение с другими личностями и зависящую от него, но сохраняющую всегда свою самостоятельность и самодвижность. Личность человека не образуется в процессе некоего «кеногенеза», о котором говорил прот. Г. Флоровский как о генезисе человеческой личности «из ничего», но, скорее, активно реализует себя в процессе неистощаемого кенотического бытия, осуществляемого посредством природно-энергийной самоотдачи.

Связь ипостасной открытости и общения с другими свойствами личности

Ипостасная открытость и общение как личные свойства перекликаются с другими парами личных свойств: с несводимостью личности человека к его природе и единством природно-личной онтологии – в плане невозможности замкнутости на своей частной природе и реализации перихоресиса с другими личностями посредством воипостасных энергий; свободы человеческой личности и ее нравственности – в свете управляемости степенью открытости и неизбежной включенности в сферу бытия себе подобных личностей, обладающих комплексом своих стремлений, с которыми необходимо гармонизировать собственные; творческого потенциала человеческой личности и ее уникальности – в силу реализации и усиления творческих возможностей как по отношению к личной уникальности, так и по отношению к другим личностям лишь посредством личного соборно-иерархичного перихоресиса с ними; имманентной динамичности и целостности – в свете динамической природы самого перихоресиса и благодаря обретению целостности и осмыслению целосообразности личности в этом процессе; логосности личности и ее когнитивности – в свете смысловой, логосной, познавательно-сознательной природы личного общения.

3. Свобода человеческой личности и ее нравственность

Свобода Ипостасей Св. Троицы в общении единой Сущности

«Тварная ипостась-персона является богообразным центром: Творец относится к нему не как к Своему акту, но как к некоему факту даже для Него» [23, с. 255].

Свобода ипостаси «в своей сущности» есть и свобода ипостаси «по отношению к своей сущности» в Боге, поскольку заключается в свободной отдаче Сущности-природы двум другим Ипостасям или в предоставлении реализации свободы двух других, обладающих той же Сущностью. Неконфликтность, гармония, симфония трех Ипостасей в единой Сущности связана именно со свободой ипостаси «по отношению к своей сущности». При этом речь идет не об экзистенциальном отрыве ипостаси от сущности, но об обладании ею не «для себя». Здесь мы должны подчеркнуть ипостасный аспект свободы, исключаемый в чистом монизме и неразрывный от общения личностей в дискурсе о полиипостасном абсолютном и тварном бытии.

В поле обладания каждой Ипостасью своей природой не возникает никакого конфликта, никакой несвободы в совместном владении тремя Ипостасями единой Сущностью. Это свойство открытости, внутренней свободы каждой из Ипостасей по отношению к другим двум

в общении единой Сущности связывает свободу межипостасного общения и свободу отношения к собственной сущности.

Реализация свободы в Св. Троице в существовании каждой Ипостаси для других

Личная свобода в рамках такого дискурса, очевидно, не может быть даже сравнима с произволом. Как в свободном отношении Ипостасей между друг другом, так и даже в своем отношении к твари каждая Ипостась связана своей любовью. Существует и понятие чистого выбора (философское), которое, однако, выглядит бездушным – «без интереса к объекту» выбора [24, с. 39–40]. Божественная свобода коренится гораздо глубже, чем в понятии абстрактного «чистого» выбора, власти и превалирования над другой личностью. В Троице Ипостасей взаимная свобода реализуется в существовании «для» других Ипостасей, в условном смысле каждая Ипостась свободна от собственной Сущности в нравственном свете обладания своей воипостасной Сущностью не для себя.

Свобода Бога в отношении к творению, проявляемая как определяющий творческий импульс

В отношении к творению свобода Бога также глубже, чем просто в нетварно-энергийной власти над природным бытием творения, хотя эта власть, естественно, принадлежит Богу в полной мере. Но Его свобода – в определяющем творческом импульсе (Бог мог бы и не сотворить мир и человека, Он абсолютно свободен в собственном акте творения), дающем бытие свободным личностям, в непрерывном «одобрении» поддержания бытия всего сотворенного при сохранении ответственности и свободы за тварными личностями, в инициации свободного общения с каждым из свободно-личных творений, в «отдаче» Своей энергии в пользование сотворенным личностям, в воплощении Сына Божия и отдаче Им Своего человеческого тела ради спасения людей, в освящении мира Духом Святым, сопровождаемом личным кенозисом Духа, во всем одновременно едином и трехличном домостроительстве.

Совершение домостроительства Лицами Св. Троицы в единой синергии

Все домостроительство – от творения до обожения – вершится Тремя Ипостасями в единой синергии, что подчеркивает еще раз ипостасный аспект свободы Бога в обладании единой энергией Тремя Личностями, так же как и в обладании Ими единой Сущностью. Таким образом, свобода есть ипостасно-синергийное понятие, неразрывно связанное с понятием «кинония-общение». Она существует именно в поле общения гомогенных и гетерогенных ипостасей. Главный принцип свободы в общении ипостасей – нераздельное «разделение», гармоничное совместное обладание природой (-ами) и энергией (-ями).

Единство в свободе как свойство отношений Ипостасей и отношений ипостаси и природы

Межипостасная свобода также не предполагает «отвязанности» ипостасей друг от друга, как и свобода ипостаси по отношению к природе своей не предполагает никакого разрыва единой и целостной ипостасно-природной онтологии. Ипостась неразрывно связана с гомогенными ипостасями по природному единосущию, но и свободна по отношению к ним в том смысле, что является самостоятельным «со-центром» бытия, самоипостасным началом, обладает полнотой общей природы (или призвана к такому обладанию в случае разумного творения) и может «распоряжаться» ею в нравственном согласии с другими ипостасями и «для них».

Самодвижность и избирательная сила как ипостасные составляющие свободы

Свобода, хотя присутствует и в природе (свобода воли, принадлежащей природе, αὐτεξουσία, усваивается преп. Иоанном Дамаскиным природе, «θεία φύσις, θελητικὴ καὶ αὐτεξούσιος καὶ ἀναμάρτητος καὶ ἄτρεπτος») [25, 161 B], однако имеет и ипостасную составляющую, опирающуюся на ипостасную самодвижность, и решающую способность [26, 792 D – 793 A, 805 B, 828 C, 948 B], или избирательную силу (προαιρετικὴν δύναμιν) [27, 13 D, 17 C] в Троице. О человеке свт. Иоанн Дамаскин говорит, что избирательное начало относится в нас к ипостасному началу: как хотеть и чего именно (предмет, цель хотения). Если сама способность хотеть природна, то предмет хотения того или другого – ипостасен и избирателен [25, 152 C].

Самовластие как проявление ипостасного начала

Самовластие, присущее логосной, разумной природе человека, не может быть рассмотрено вне ипостасного начала, вне контекста ипостасно-природного онтологического единства. Личность-ипостась является «управляющим центром» природы и определяет направленность ее энергий, образ использования ее самовластия. Поскольку ипостасность не устраняется в обожении, но даже обостряется ее уникальность, то и самовластие не устраняется в поле нетварных энергий Творца. Ипостасно определяемые тропосы движения и пользования энергиями, хотя и подчиняются свободно и радостно воле Божией, но, тем не менее, не становятся вынужденными, не теряют свободы в своей сущности. Разумные человеческие личности сохраняют невынужденность движений принадлежащей им разумной энергии [28, 293 B]. Движение энергий человеческой личности (ἀνθρωπίνην κίνησιν) не противопоставляется Богу и не является лишь пассивным, но называется св. Максимом Исповедником и особенностью (ἰδιότητα), и различием (διαφοράν), как присущее конкретной ипостаси [28, 349 D – 352 A].

Включение тропосов святых в «симфонию произволений» Св. Троицы

В обоженных святых их богоподобие позволяет говорить о некоторой «симфонии произволений» (γνώμης σύμπνοια) [29, 76 B], о которой упоминает свт. Григорий Богослов в применении к Троице, но в которую (симфонию) асимптотически «включаются» или «прививаются», никогда до конца, конечно, не преодолевая грань тварности, и обоженные ипостаси.

Власть ипостаси над энергией в состоянии обожения

В состоянии обожения воля человека не просто механически направлена, куда ее, как сильный магнит, влечет нетварная энергия, но, принадлежа неустранимой тварной ипостаси, навсегда сохраняет свою уникальность как в своем непрестанном «согласии» отдавать предпочтение Божией воле, делая ее своей, так и в ипостазировании нетварной энергии в себя. Последнее не может не происходить без некоторой власти ипостаси над даруемой ей «в пользование» энергией.

Максимальная реализация свободы в отказе от обладания природой для себя

Свобода человека реализуется максимально тогда, когда он по образу Троичному отказывается от обладания своей индивидуальной природой «для себя», начиная «отдачу» себя Богу и другим человеческим ипостасям посредством своей частной природы. Индивидуальная природа, теряя приобретенную через грехопадение самоцентричность, раскрываясь навстречу своему «роду» и Богу, обретает себя, свой логос и тем укрепляет внутреннюю свободу данной ипостаси.

Свобода и индивидуально-природные характеристики человека

Поскольку ипостасные и частно-природные свойства переплетены в человеке (в отличие от Троицы), то свобода, как и другие ипостасные свойства, оказывается связанной с ограниченностью природного плана и комплексом индивидуально-природных характеристик, которые должны не поработить их обладателя, а стать средством, орудием процесса обретения подлинной ипостасно-природной свободы. Например, индивидуальная красота в ее разных аспектах или гениальность человека могут поработить их обладателя самим себе, а могут быть посвящены служению другим и Богу и раскрытию потенциальной ипостасной свободы.

Ограниченность и раздельность тварных ипостасей как препятствие к обретению свободы: проблема гномического выбора

Именно ограниченность и раздельность тварных ипостасей порождает теоретическую возможность различия в выборе (γνώμη) [25, 157 A], вплоть до греха и противления Богу. Укрепление ипостасного начала, увеличивая единство ипостаси с другими, уменьшает гномический выбор, однако при этом свобода возрастает, поскольку она коренится в со-образности свободе Троичного ипостасного начала, которая не может противиться природе Бога, но абсолютно не связана необходимостью, а является добровольным и сознательным образом бытия.

Свобода «от» в телесно-материальной и умственно-психологической сферах

В повседневном человеческом сознании свобода означает, прежде всего, внешнюю неограниченность действий, решений, поступков и мыслей индивидуума – назовем такую свободу внешнеиндивидуальной, *свободой «от»,* от внешних обстоятельств, то есть возможность их контролировать *и свободой от кого-то* – от людей, их мнений и желаний. Поскольку в этом мире к такой неограниченности хотя и стремятся многие, но не достигают ее, то часто, разочаровываясь в самой возможности достигнуть оной, они начинают искать выход во «внутренней», назовем ее *психологической,* свободе – свободе мысли, фантазий, воспоминаний. Человек уходит в свой внутренний мир, во многом абстрагируясь от окружающей реальности. Поэтому и этот тип свободы можно определить как *свободу «от».* В обоих подходах при внимательном рассмотрении можно уловить схожесть: попытку рассматривать свободу как неограниченность движений, действий, актов, энергий, осуществляемых в двух разных, часто противопоставляемых сферах – телесно-материальной и умственно-психологической. Однако в обеих сферах человек физически не обретает полной искомой им свободы, как в силу природной взаимосвязи с миром и другими людьми, так и в силу своей ограниченности.

Внутриличностная и внутриприродная свобода

С богословской точки зрения человек представляет собой, с одной стороны, воипостасное единство тела и души, а с другой стороны, он неотделим от себе подобных человеческих индивидуумов. В свете этого свобода человека с богословской точки зрения может быть сформулирована как состоящая: 1) в способности владеть и управлять своей индивидуальной душевно-телесной природой – образом мышления, чувствования и действия в определенной независимости от внешних, часто неконтролируемых нами обстоятельств (назовем такую свободу *внутриличностной*); 2) в способности преодолевать наши человеческие различия в осознании нашего бытийного «единства в различии», не обособляясь, но, наоборот, объединяясь с себе подобными. При этом уникальность и свобода человека не стираются и не подавляются, но еще более проясняются и отшлифовываются, базируясь не на комплексе индивидуальных особенностей (в принципе, теоретически всегда повторимом в определенной степени), но на личной неповторимости, реализуемой лишь в единстве с другими людьми. Такая свобода тоже может быть названа *внутричеловеческой, внутриродовой или внутриприродной.*

Обретение внутриприродной свободы как путь к усвоению нетварных энергий

Этот аспект свободы связан с открытостью ипостасного начала и способностью его посредством общения включать в свое существование бытие иных ипостасей – тварных и нетварных, выходя за пределы индивидуальной своей природы, соединяя в этой единой реальности человеческое и Божественное.

Отказ от обладания индивидуальной природой для себя есть обретение целостной природы в соборном и синергийном многоипостасном образе нашего человеческого бытия и открытие посредством этого тропоса существования своей личности к усвоению нетварных энергий.

Свобода «от» и свобода «для»

Власть над своей частной природой обретается в той степени, в какой человек способен мыслить, ощущать и реализовывать бытийное свое единство с остальным человечеством. Включая в «свое» бытие существование других личностей, человек все более обретает личную внутреннюю свободу. Можно определить эти две составляющие свободы как *свободу «для»,* свободу существования для других личностей, причем как во внутреннем, так и во внешнем аспектах существования.

В рамках земного бытия, зараженного грехом, освобождение невозможно вне аспекта познания Истины Троичного бытия и вне Креста Христова. *Свобода «от»* боли, страдания, напряженности и трагичности бытия другого человека иллюзорна и, по сути, бытийно невозможна. *Свобода «для»* освобождения других от боли, страдания, греха – единственный, хотя и далеко небезболезненный, путь освобождения и себя самого.

Свобода «для» во Христе и во внутри-Троичном бытии

Эта *свобода «для»* явлена нам, прежде всего, во Христе, в Его произвольном страдании для нас, ради нас и в Его откровении о внутри-Троичном бытии: *Я живу Отца ради* (κἀγὼ ζῶ διὰ τὸν πατέρα, Ин 6. 57). Греческий предлог διὰ столь же важен в рамках темы личности, как и πρὸς в *Прологе Евангелия* от *Иоанна.* Оба предлога выражают внутритринитарные, внутрисущностные, абсолютно свободные и одновременно абсолютно взаимосвязанные отношения ипостасей, трех Божественных субъектов, направленных друг *к* другу, и их единую жизнь, осуществляемую друг *через* друга.

Свобода «для» как единственная подлинная свобода

В человеческом роде, сообразном Троичному бытию, *свобода «к», «для» и «через»* не только возможна, но и является качественно единственно возможной подлинной свободой, которую призвана реализовать каждая персона нашего тварного рода. В отличие от Божественного бытия, мы в результате греховного разделения скорее подобосущны, чем единосущны, почему подлинное

освобождение и предполагает преодоление разделенности на всех уровнях – умственном, душевно-чувственном и материальном. Всякие действие, ощущение, мысль, молитва, направленные на обретение этого единства, и есть одновременно усилие к обретению себя, своей собственной свободы.

Заблуждения персонализма XX в. о конфликте природы и личности в человеке

Распространенный в философском и даже богословском персонализме XX в. тезис о том, что природа порабощает присущей ей необходимостью, а личность способна выводить из этого плена, глубоко неверен. Природа человека заключает в себе возможность – а не необходимость – реализации совершенной свободы. Однако если в Боге нет различия между возможностью и ее осуществлением, то в человеке как тварном ограниченном существе, конечно, есть.

Единство природы и личности в достижении свободы

Природа человека, не ограничиваясь индивидуальной сущностью, способна содержать и сохранять свободное и богоподобное устремление человека к Богу. Ипостась постепенно освобождается тогда, когда следует логосу своей природы. Предел свободных возможностей ипостаси (на данный конкретный момент времени) есть ее частная природа, но открытость ипостаси позволяет ей непрерывно включать в свое бытие возрастающий объем энергий иных, гомогенных и гетерогенных, ипостасей.

Открытость, общение и самоотдача как условия свободы тварных ипостасей

Таким образом, свобода тварного ипостасного начала состоит в возможности непрестанного роста посредством открытости в общении и самоотдаче, поскольку открытость не может быть односторонней – только в сторону принятия. «Понятие свободы личности с точки зрения чистого расширения, с точки зрения свободы потребления не укрепляет свободу, а делает просто невозможным созидание личной идентичности» [24, с. 39].

Нравственность личности

Добро, правда и свобода

Свобода личности может реализоваться в том, что, «отрешаясь от стремлений ради собственной личности, ставит предметом своего попечения своих собратий, переносит на них центр своей деятельности и заботится о другом так, как бы о себе самом» [30, с. 520]. Только будучи укорененным в свободе, добро может быть в действительности добрым, а правда – правдивой [4, с. 129].

Общение как условие осуществления нравственного идеала

«Нравственный идеал осуществляется каждым христианином не обособленно, вне всякого соприкосновения с другими людьми, и в общем царстве личностей» [30, с. 519–520]. «Невозможно вести какой-либо дискурс

о человеческой свободе, если он не учитывает тот факт, что существует также отвергнутая и отчужденная свобода» [24, с. 39].

Мораль как личностная категория

В богословском плане не существует бердяевских «сверхличных ценностей» [31, с. 93]. Н. О. Лосский говорит о конкретной этике и о «любви к индивидуальной личности» как высшем проявлении нравственной жизни. Мораль является исключительно личностной категорией, характеризуя нормы и тропосы отношения личностей. При этом Н. О. Лосский подчеркивает невозможность сформулировать некое общее, сколь угодно сложное правило нравственного поведения, которое бы охватывало все конкретные случаи жизни и не допускало бы нарушений его. Так, например, он приводит характерный пример «нравственного императива» И. Канта, который при формальном исполнении ведет к безнравственным поступкам – предательству и т. д. [32, с. 250, 255, 257].

Добродетель как личностное свойство: проявление личного начала в нравственном выборе

Добродетель – тоже личное свойство, поскольку сотворенная природа не зла, но лишь несет в себе повреждения тропосов существования как следствие человеческого греха. А понятия святости и греха, добра и зла коренятся в лично-ипостасном начале. Так, преп. Иоанн Дамаскин говорит о том, что именно личное произволение – προαίρεσις порождает добродетель или зло. То, что происходит естественно, по природному закону, добро само по себе, ибо логосы природы несут в себе отражение благости и добродетели Творца. Именно на уровне личного начала происходит нравственный выбор, который либо венчается, либо осуждается – в том числе от самого закона как личной и общечеловеческой, так и окружающей природы.

Укорененность нравственных категорий в Боге

Любовь, радость и другие нравственные чувства существуют между ипостасями в Боге. Так, Отец радуется о Сыне, а Сын – об Отце. Благоволение и любовь Отца – в Сыне единородном и Его воплощении [33, 572 D]. И сотворенные ипостаси ангелов и человеков предназначены для взаимной радости [25, 132 B].

Связь свободы и нравственности с другими ипостасными свойствами

Свобода и нравственность личного начала связаны с другими ипостасными свойствами: несводимостью личности человека к его природе и единством природно-личной онтологии, в силу обладания ипостасью природой, но не «для себя»; открытостью, перихоретичностью человеческой личности, реализуемым именно в свободном взаимообщении; творческим потенциалом человеческой личности и ее уникальностью по причине сохранения и даже отшлифовывания уникально-творческого

субъектного начала в выборе тропоса *свободы «для»* других; имманентной динамичностью и целостностью в свете возрастания личной целостности в динамике свободно-нравственного со-существования с иными личностями; логосностью личности и ее когнитивностью, в силу важности самотождественности самосознания [6, с. 16] и сознания свободы деятельности как условий нравственной ответственности личности.

4. Творческий потенциал человеческой личности и ее уникальность

Основание творческих способностей человека в его сообразности Богу-Творцу

Творческая способность личности человека базируется, прежде всего, на со-образности ее Триипостасному Богу, творчески являющему Себя в творении мира, а также на том факте, что наши ограниченные личности в отношениях между собой способны проявлять творческий потенциал, хотя в Боге внутренние отношения Лиц, по сути, не относятся к дискурсу творения, и на вверенности собору человеческих личностей всего тварного мира.

Способность порождать другие ипостаси в Боге и в человеке

Способность порождать-производить другие ипостаси и производиться от другой ипостаси – тоже ипостасно-личностное свойство, хотя представляется в человеческом опыте чисто природным свойством – рождать себе подобных. В частности, отличие живой природы от неживой – в способности производить единосущные ипостаси и производиться от единосущных ипостасей, причем сохраняя целостность рождающего и рожденного. Однако если «произведение» нового индивидуума-ипостаси в твари однократно, то рождение Сына и исхождение Духа в Боге – вечные акты, в которых осуществляется непрерывная передача полноты бытия, всего того, что имеет Отец, Сыну и Духу. Если в Боге это ипостасно-природное явление, то очевидно, что должно быть отражение этого феномена в жизни богоподобной твари.

Творческая составляющая в рождении от Духа и в рождении по плоти

Рождение человека по плоти несет в себе, конечно, относительно мало «творческой» нагрузки как со стороны производящих, так и со стороны производимого. Но Св. Писание говорит о возможности «рождения от Духа» (Ин 1. 13), «рождении благовествованием» («я родил вас во Христе Иисусе благовествованием», 1 Кор 4. 15). Здесь «рождение» как ипостасное свойство относится к ипостаси «возбудителя» и ипостаси «возбуждаемого». Конечно, таковое рождение соответствует свободно-проэретическому формированию нового тропоса бытия (по мысли св. Максима Исповедника, рождение от Духа невозможно без соизволения рождаемого) [34, 280 С – 281 А В] и

указывает не на первоначальное образование новой ипостаси в тварном мире, но на растянутое во времени «возрождение» и «со-образование», согласно замыслу Бога, прежде всего, именно индивидуально-личностного начала. В противоположность этому, у митр. И. Зизиуласа и Х. Яннараса, например, мысли доходят именно до «образования» некоей новой ипостасности в процессе «духовного» роста-становления.

Иконы ипостасного отечества и сыновства в человечестве

Бытие «для другого», «ради другого» человека, ради его обращения к Богу и вечного благобытия является в человеческой жизни некоей иконой ипостасного отечества в Троице. Способность открыться, «услышать» и свободно «усвоить» от другой личности ее духовный опыт, сделав его своим, является иконой ипостасного рождения в Боге.

Значение «проэресиса» в рождении от Духа

Свт. Григорий Нисский говорит о духовном рождении человека от всех Трех Ипостасей Троицы во святом крещении и подчеркивает свободу выбора (προαίρεσις) рождаемого в своем рождении/нерождении в отличие от плотского рождения [27, 97 D – 100 A B]. Наш личный προαίρεσις становится «повивальной бабкой» нашего рождения от Духа [35, p. 348]. Преп. Максим Исповедник и свт. Григорий Палама также говорят о рождении от Духа и уподоблении Богу, согласно личному произволению [36, 1389 C; 21, 1345 D].

Таким образом, личное рождение от Духа есть ипостасное свойство, дающее возможность реализовать творческий личный потенциал в ту меру, в какую реализуется свобода целеустремления προαίρεσις'а, относимая к выбору субъектно-ипостасному и позволяющая личности творчески встраивать себя в комплексную иерархию сотворенного бытия.

Уникальность

Основа уникальности – индивидуально-ипостасное начало в Боге

Индивидуальное, частное и отличительное начало в тварном бытии вообще и в человеке в особенности хотя и кажется, исходя из человеческого опыта, обыкновенным бытием аристотелевских «первых (в том числе именно по восприятию нашему первых) сущностей», однако бытийно опирается на реальность индивидуально-ипостасного начала в Боге и на творческий акт, устрояющий весь спектр сотворенного личного бытия.

Отсутствие бытийного обоснования уникальности в античности

По замечанию А.Ф. Лосева, «человеческое в античности есть телесно-человеческое, но отнюдь не *личностно*-человеческое. Человек здесь – это отнюдь не неповторимая личность; он, согласно античным представлениям, *природно повторим* во всей своей индивидуально-

сти. «Вечное возвращение», «круговорот душ» – любимая античная идея [37, с. 51]. И далеко не случайно, что Зенон в платоновском *Пармениде* приводит логическое доказательство того, что «*многое не существует*» (апория предикации). Подлинную множественность невозможно обосновать там, где нет бытийного обоснования уникальности личного существования.

Обедненность уникальности в области психоматериального бытия

По мысли Н.О. Лосского, «в царстве психоматериального бытия содержание действий обеднено, многие из них повторяются однообразно и могут быть вполне выражены какой-нибудь группой общих отвлеченных понятий», поскольку относятся «к области *относительно индивидуального*», то есть имеют индивидуальное значение не сами по себе, а по своему положению в мировом целом» [32, с. 255–256].

Творчество личности в христианской антропологии

В христианской антропологии «понимание человека происходит из сознания его своеобразия и отличия» [24, с. 29] как от окружающей природы, так и от себе подобных. Отличие и уникальность, с одной стороны, даны каждому из нас изначально, а с другой стороны, заданы. Подлинное творчество личности направлено, прежде всего, на себя и призвано максимально осознать и реализовать собственную уникальность. Однако, в силу сообразности человека Троичному Богу, это невозможно совершить в отрыве от других личностей, но лишь в синергическом со-творчестве. Поэтому личностная творческая способность призвана реализовать себя и в способствовании становлению уникальности других человеческих личностей. Творческие способности и силы получают ускоренное развитие именно при «снятии обособленности лиц друг от друга» [32, с. 249], что одновременно не означает слияния личностей в единообразную массу, но динамичный рост уникальности и персоналистической ценности [5, с. 151] каждой из личностей, включенных в соборно-творческий процесс.

Взаимодействие творческой способности личности с другими личностными свойствами

Творческо-субъектная деятельность личности распространяется, в силу несводимости личности человека к его природе, прежде всего, на свою собственную природу, но, в силу единства природно-личной онтологии, это творчество не предполагает выхода за пределы природных логосов и за рамки замысла о нетоталитарной иерархии бытия. В свете открытости, перихоретичности человеческой личности творческий потенциал может реализоваться только в общении с другими личностями и достичь апогея креативности, благодаря ипостасной открытости, воипостазированию нетварных энергий Бога и общению свойств единоипостасных природ. В

плане свободы человеческой личности и ее нравственности творчество раскрывается как комплекс уникальных тропосов существования «для других» личностей и деятельности, гармонизированной с природными логосами. Имманентная динамичность и целостность личности выражают непрерывность творчества, осуществляемого посредством воипостасных личности природных энергий и имеющего целевую направленность к совокупной гармонии бытия. Логосность личности и ее когнитивность находят свое отражение в осмысленности подлинного творчества и стимуляции как самопознания, так и других познавательных процессов.

5. Имманентная динамичность и целостность

Основание всякой ипостасной динамичности в бытии и домостроительстве Св. Троицы

Вечные рождение Богом Отцом Сына и изведение Духа являются первым основанием ипостасного характера всякой динамичности, имманентной творению, и особенно в образе Божием – человеке. Творение Троицей ипостасей человека из ничего, приведение в бытие из небытия посредством троичной межличностной синергии есть второе основание динамики развития тварных личностей.

Связь динамики и цельности в святоотеческих воззрениях

Если платонической и оригенистско-евагрианской мысли свойственно неизбежное отождествление всякой динамики и изменения с деградацией и повреждением целостности бытия, то святоотеческая мысль постулирует возможность целеполагающей, позитивно-холической тварной динамики «в непрерывном выборе абсолютного Блага, ведущем к бесконечному преображению личности» в обожении [38, p. 156]. «Как неопределимый венец всего человека, "персона" предоставляет стабильное основание для динамического образа бытия». Именно ипостасный «динамизм в принципе содержит элемент бесконечности (как противоположность статичной конечности)» [39, с. 104].

Развитие через общение как свойство кинетичности личности

Онтологическая кинетичность личности состоит в непрерывном развитии личности через общение с другими личностями посредством принадлежащих им природ, но предполагает одновременно неопределяемость этим общением, несводимость к нему.

Различное понимание динамичности в античности и в христианстве

Динамичность – понятие популярное ныне и одновременно одно из древнейших понятий. Но важен характер динамики, ее цель и импульс. Эллинская мысль созерцала гармонию внешней динамики космоса, пытаясь вписать в нее и человека как составной элемент космоса. Христианское видение динамики человека носит принципиально иной характер.

Несовместимость понимания развития личности в неоплатонизме и в христианстве

Некоторые современные исследователи считают, например, что «христианская концепция личности может быть поддержана платонической традицией, в которой процессуальное подобие Благу... есть главная цель», и что можно говорить о «христианско-неоплатонической логике» [40, с. 8; 38, p. 164] вечного прогресса человеческой личности. Однако мы не можем согласиться с этим положением, поскольку в неоплатонической мысли, хотя и присутствует определенное развитие, но отнюдь не личности, понимаемой богословски, ибо в своем пределе неоплатонизм устремлен к уходу от индивидуальности в Единое, в котором нет места никаким различениям. А это есть смерть личности.

Парадокс динамики и покоя в эсхатоне

Мысль свт. Григория Нисского, автора *Ареопагитик*, преп. Максима Исповедника и других церковных авторов неоднократно возвращается к парадоксу динамики и покоя в эсхатоне. Покой нашего личного произволения в Боге как в высшем Благе делает человека в святоотеческом видении максимально открытым и способным к динамике личных добродетелей [41, 405 C]. Преп. Максим в рамках антиоригенистско-евагрианской полемики подчеркивает, что благая стабильность-устойчивость воли человека зависит не только от свободного личного выбора, но опирается и на не искаженные грехом природные логосы, с которыми исправленное человеческое произволение (κατωρθωκότων προαίρεσις) [19, 901 D] должно свободно согласоваться. В обожении покой реален, но относителен, означая стабилизацию в Боге и преображение естества, неразрывно связанных с динамикой личного роста. И, что особенно важно для нас, преп. Максим указывает, что на определенной стадии обожения естественные силы, достигая своих пределов, прекращают в определенном смысле свое натуральное действие и «превосходят» себя, не теряя, впрочем, своей человеческой природности. Это происходит лишь благодаря ипостасной открытости, предполагающей возможность ипостасного единства тварной природы человека и нетварных энергий Бога в каждой конкретной личности. Свобода личного произволения не только сохраняется, но и вступает во все более тесное и активное «взаимное сотрудничество» с Божественной Триипостасной волей [38, p. 164].

Обогащение личности в христианстве: динамичное включение в личностное бытие других

Христианская концепция развития, изменения индивидуума-личности предполагает не просто количественный рост причастия нетварным энергиям, не просто приближение к Абсолюту и уход от мнимо «тягостного» многообразия мира, но умножение внутреннего

богатства и разнообразия бытийного содержания с одновременным возрастанием целостной синтетичности бытия. При этом предполагается даже не просто сохранение «личной, самостоятельной и вечно-сущей жизни» [5, с. 314], но и качественное возрастание в уникальности-инаковости, заложенных в каждую человеческую личность изначально причем за счет динамичного, ипостасного по характеру, включения в личное бытие существования иных неповторимых личностей.

Неповторимость и целостность в Боге и в человеке

Абсолютные инаковость, отличность, уникальность и неповторимость наряду с абсолютной целостностью имеют место лишь в Ипостасях Троицы. Но и тварные ипостаси призваны к доброй перемене [42, 616 C D] и, в асимптотическом стремлении, к подобной абсолютной неповторимости, которая подразумевает одновременно и целостность.

Ошибочность теории эпигенеза

Однако динамичность в развитии личной уникальности вовсе не должна означать ее так называемого эпигенеза. Повторяя высказанные еще в XIX в. идеи, ряд современных мыслителей выдвигает идею рождения-эпигенеза личности в динамическом процессе становления человека. Так, у прот. Г. Флоровского, митр. И. Зизиуласа, Х. Яннараса и у других находим мысли о том, что «личность – не предзадана, но она есть результат процесса, в котором центральное место занимает отношение к Богу», ибо «после грехопадения человек неспособен исполнить собственное призвание стать личностью» [40, с. 8; 4, с. 136; 43, с. 231–232]. Прот. С. Булгаков также понимал ипостасность как не реализованную еще вполне человеком возможность стать личностью [44, с. 319; 45, с. 10]. Однако эта мысль не соответствует богословскому видению отцов Церкви, для которых ипостасность тварного человеческого бытия есть исходная данность, хотя и динамического порядка.

Личность как неотъемлемый принцип существования человека

«Само выражение “потенциальное бытие личности” самопротиворечиво», поскольку если «личностный аспект в бытии человека» может отсутствовать до определенного момента развития, то «он мог появиться лишь откуда-то извне» [1, с. 88] и не составляет в принципе необходимого условия бытия человека. Личность в человеке отнюдь не возникает в какой-то момент его развития, будь то внутриутробное формирование или некий «качественный рост» духовного плана! Она составляет неотъемлемый принцип существования человека, несущий в себе и динамическую составляющую, но такую, которая не может нарушить сам логос-замысел своего же ипостасного бытия.

Неуничтожимость личности и в грехопадении: деактуализация потенциала личности во грехе

Личность-ипостась неотъемлема даже по грехопадении [40, с. 5]. Неверно говорить об уничтожении личности от грехопадения или во грехе. Ошибочно и относить поврежденность собственно к логосам природы. Повреждению подвергается в грехопадении целостное ипостасно-природное бытие, нарушается образ существования, принимая уродливые противоприродные формы, дискоординируется личное произволение не только с волей Божией, но и с собственной Богозданной природой. Опасным представляется то, что некоторые авторы онтологию греха связывают более с природой, чем с личностью, делающей выбор. Рассуждая об «онтологическом искажении», или об «онтологической испорченности» [46, p. 143], мы должны относить это понятие не к повреждению логосов природы и не только к природе как таковой, но к нарушению гармонии целостного природно-личного бытия. Поэтому можно говорить об актуализации или деактуализации, степени раскрытия или сокрытости потенциала личностного начала.

Реализация динамичности личности через природу

Динамичность личности реализуется посредством общения через неотъемлемую от нее, принадлежащую ей природу, естественно включая все природные уровни – умственный, душевный и телесный. Даже «телесность» может быть описана как один из «исходных языков личности». «Телесность-чувственность – это среда межличностно совершающегося общения. Тело есть выражение, а потому – язык» [10, с. 291].

Целостность

Основания целостности в верном понимании конечного смысла жизни

Под целостностью мы понимаем взаимосвязь цельности, синтетичности личности и ее целеустремленности. Можно сказать, что цель личного человеческого бытия состоит в постепенной реализации цельности бытия, но без нарушения свободы и уникальности личности. Потеря целостности бытия человеческой личности всегда связана с «выхолащиванием смысла жизни» и разрывом между разными видами человеческой деятельности и «конечной целью человека». Так, например, современный мир все больше «гонится за логикой эффективности, которая обретает свое значение в самой себе, независимо от личности» [24, с. 38] и ее целевых функций.

Связь и взаимозависимость целостности и уникальности

В сотворенном мире по мере роста степени организации и целостности бытия, степени единения той или иной природы возрастает и степень индивидуальной уникальности. Так, у камня или у пригоршни воды степень единства с камнями и морем достаточно услов-

ная – схожесть химического состава и свойств материи. У растений уже возможен их симбиоз, а у человека единство не мнимое, но духовно-физическое, природное признавалось отцами Церкви абсолютно реальным, хотя и не абсолютным, как в Боге. Наряду с реальностью и максимальностью, в тварном мире единства человечества имеет место максимально реализуемый именно в человеке и принцип уникальной индивидуальности-личностности. Человек в мире – максимально целостно-един и уникально-личностен одновременно. Причем каждая ипостась призвана, по слову свт. Григория Нисского, явить в себе полноту общей природы.

Смешение личности и природы в тварном бытии

В тварном бытии нет «чистой» личности, как и «чистой» единоприродности. Понятия личности и частной природы перекрываются в области индивидуальных особенностей, которые одновременно принадлежат и выражают как природу, так и личность.

Ведущая роль ипостасного начала – в преодолении разделений в тварном бытии

Можно сказать, что задача динамичного преодоления разделений в сотворенном космосе, стоявшая перед Адамом и усугубленная первородным грехом, состояла как раз в «отшлифовывании» ипостасного начала, как отличного от природного. По мере преодоления разделений природных должно было расти природное единство, но это возможно только за счет более яркого проявления, проступления ипостасного начала. Все более и более ипостасное начало должно дистанцироваться от возможности отождествления с природными частными особенностями, условная уникальность которых важна на низком уровне развития ипостасного начала (порой даже стремящегося само-отождествиться именно с ними – линии лица, формы тела, жесты и манеры поведения и проч.). «Человеческая личность должна быть способной на развитие, помогающее утверждать нашу идентичность» в глубинном смысле понятия идентичности. При этом личность «неизменна в изменении» [2, с. 69, 70, 72], то есть не теряет саму себя, сохраняя само-тождественность и приобретая в этом процессе обогащенное содержание.

Парадокс роста природного начала по мере роста ипостасной уникальности

По мере роста подлинно ипостасной уникальности, все менее отождествляемой с природными идиомами и образом существования или образом реализации потенций, парадоксально (для нашего ума) возрастает и природное начало – возрастает по степени своей «незамкнутости», «необособленности», единства с другими единоприродными ипостасями (людьми), а потом и гетеро-природными (Бог, ангелы, природа). Комплекс индиви-

дуальных акциденций расширяется и обогащается, теряя свою «узость» или, условно выражаясь, «претензию на исключительность», включая все большее число новых свойств. Так, Логос вместил в Свою ипостась новые свойства, характерные человеческой природе в результате воплощения.

Увеличение согласованности и единства энергий по мере роста ипостасной уникальности

Свт. Григорий Палама подчеркивает, что различие ипостасей и энергий в Троице никак не уменьшает простоту единства Божества [47, 101 A]. Рассуждая энергийным языком свт. Григория Паламы, энергия в Боге абсолютно едина по абсолютному единосущию ипостасей, а в человеческом роде энергии, исходя из частных сущностей и будучи управляемы ипостасью (ἐνεργῶν δὲ, ὁ κεχρημένος τῇ ἐνεργείᾳ, ἤτοι ἡ ὑπόστασις) [48, 1212 B], различаются по причине отсутствия абсолютного единосущия. Согласно свт. Григорию Нисскому, различие в избирательной воле означает различие частных природ выбирающих [49, 388 A]. Однако ипостасные энергии «подобны» (μία ὡς ὁμοία ἡ ἐνέργεια, καθάπερ ἐφ' ἡμῶν) [48, 1217 C]. Свт. Г. Палама даже говорит о единой энергии человеческих ипостасей по причине их реального, но все-таки неполного единосущия. Исходя из этого факта, развитие ипостасного начала в человеке, развивающее единство, как мы сказали выше, по природе, будет развивать ее единство и согласованность по энергии, соответствующей согласованности по проэресису. Здесь кроется принцип соборного делания в Церкви.

Ипостась человека как связующее звено между всеми творениями Божиими

Нельзя не согласиться с высказыванием Т. Толлефсена о том, что бытие «вполне актуализированной человеческой ипостаси предполагает признание существенной онтологической связи между всеми творениями Божьими» [50, p. 125–126]. «Связывая тождество человеческой личности не только с функциональным единством ее сознания или самосознания, но и, в особенности, с дорефлективным ипостасным единством, составляющим онтологическую первооснову личности, византийские мыслители были уверены в том, что человеку как психосоматической целостности, являющейся уникальным способом личностного существования, уготована совершенно особая роль» в динамике вселенской литургии [51].

Целостность человека как возрастание внутренней цельности, гармоничности и согласованности его природы

Целостность личности подразумевает также и возрастание во внутренней цельности, гармоничности и целевой согласованности всех составляющих и энергий человеческой природы, в силу их «единоипостасности», включенности в единую ипостась и «взаимотождественности» «по логосу единой ипостаси» или «нераздельной личностной единичности» [1, с. 88].

Связь динамичности личности с другими личностными свойствами

Целостная динамичность личности отражает в себе упомянутые нами личностные свойства: несводимости личности к природе, ибо, «как целое», человек «не может быть объяснен при помощи моделей саморегулирующейся множественной системы, которыми по своей природе ограничены, в сущности, все частные антропологии» [11, с. 216], а также потому, что ипостасный динамизм позволяет включить и активизировать действие нетварных энергий в бытие твари; неразрывности ипостасно-природной онтологии, в силу реализации динамики посредством природных сил и включенности личной динамики в рисунок внутривидовой «динамической мозаики»; открытости человеческой личности и общения, в силу прямой зависимости личностного динамизма от характера и образа личных отношений с Триипостасным Творцом и ипостасями других людей; свободы человеческой личности и ее нравственности, в силу подчиненности вектора динамики личности личному произволению и одновременно невозможности выйти из поля жизненных интересов и стремлений других людей и необходимости осознанно учесть эти интересы в поле собственного бытия; креативности и уникальности, в силу неповторимости траектории личного развития каждого человека по направлению к гармоничному и благому бытию и отсутствия динамического «механизма», что предполагает активно-творческий подход каждой личности к собственной динамике развития и участию в тварной иерархии существования; логосность-словесность личности и ее когнитивность, которая отражается в красоте осмысленного «языка» многоуровневой природной динамики личности и в познании другими личностями посредством динамического языка или языков самого целостного «говорящего» субъекта, а также в осознании и самополагании личностью своих целей: «личность должна выбрать нечто, в чем она признает реализацию своей жизни» [24, с. 39].

6. Логосность-словесность личности и ее когнитивность

Возникновение словесности в межличностном общении Ипостасей Троицы

Само именование Сына Божия Логосом, Словом Божьим, подчеркивает ипостасную, личностную природу словесности. Ни Бог Отец, ни Дух Святой не именуются Логосом, хотя единосущны с Ним. Таким образом, словесность возникает в межипостасном общении, в первую очередь, в общении ипостасей Бога Отца и Его Логоса, а значит – и в общении всех ипостасей Троицы. Слово

обладает уникальностью и вечно рождается-произносится Богом Отцом.

Имя Христос преп. Максим Исповедник относит не к природам, а к ипостаси («Имя Христа обозначает Его ипостась» [52, 488 B]). Речь идет об ипостасных именах, ибо есть и имена природные. В данном случае именование призвано подчеркнуть уникальность личности или ее *непередаваемость* [2, с. 67].

Словесность как выражение личности и сознания человека

У человека слово не представляет собой личность, но является выражением его личности и самосознания по аналогии с тем, как Логос выражает и являет нам Отца, Его Ипостась. При этом слово человека направлено к слушающей личности. Как Слово направлено к Отцу в Троице, так слово человека является категорией межличностного общения. Подчеркнем здесь еще раз, что межличностное общение есть не то же самое, что межиндивидуальное общение, хотя они и переплетены, по причине несводимости личности к частной, индивидуальной природе.

Несводимость слова к рациональности и выражение им внутреннего бытия личности

Логос служит выражением отношения личности человека и Личностей Отца, Сына и Духа и отражает начало и развитие синергии человека и Бога. Слово несводимо к рациональности, скорее, разум является своеобразным энергоносителем и энерговыразителем слова-мысли. И хотя принято относить словесность к уму человека, но она не может быть сведена к одной лишь сфере разума. Слово всегда включает в себя еще и отношение говорящего к именуемому. Можно лишь приблизительно попытаться выразить рациональным описанием содержание, доносимое словом, его звучанием и настроением от личности к личности, но это в любом случае будет некоторой аппроксимацией, проекцией слова, сформулированного в многоуровневом сознании человека, на плоскость его разума. «Человеческий язык и предназначен-то, прежде всего, для выражения личностного содержания. Слово нарушает замкнутость отдельной личности» и выводит-являет «внутреннее бытие личности» наружу [1, с. 90].

Не случайно, что анализ авторских текстов приводит к выводу, что «отдельные элементы текста скрепляются в единое целое вовсе не главной идеей, а личностью автора», а «сознание автора, в отличие от сознания героя, есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир сознания» [53, с. 39].

Слово Бога, обращенное к человеку, – Личность Сына

Когда Бог обращает к человеку свое слово, то оно в своей кульминации есть само по себе Личное Слово – Личность Сына. Три Лица Троицы со-участвуют в посла-

нии Слова в мир и создании условий принятия и усвоения этого Слова людьми. Имеет место личностная синергия ипостасей Троицы в звучании и преподании Слова, обращенного к собору человеческих личностей.

Природно-энергийный способ словесного общения

Словесное общение людей осуществляется также природно-энергийным способом (от языка говорящего, руки пишущего, посредством воздуха, бумаги, текста и т. д. – к уху, глазу воспринимающего), но при этом словесный диалог, или «полилог», могущий включать более двух собеседников, связует именно личности-субъекты общения, а природы их служат средством их общения и передачи словесно-идейного содержания речи личностей. То есть человеческое слово субъектно-энергийно, имея своим источником субъект-личность, выражаясь посредством природных сил и энергий и будучи направлено к иным личностям – Бога или человека.

Обратное влияние слова на порождающий его субъект

В человеческом измерении рождаемое сознанием слово имеет также обратное влияние на порождающий субъект. Природно-энергийное состояние личности, оформляемое словесным содержанием, в силу единой онтологии оказывает обратное воздействие на источник слова. Если в Боге его словесное выражение всегда абсолютно соответствует Его Благой Природе, то в человеке, в результате греховного ипостасно-природного разбалансирования слово может противоречить логосам природы и вносить усиление в уже существующую дисгармонию, а может способствовать ипостасно-природной гармонизации.

Когнитивность

Возможность различения личностей посредством именования

Слово позволяет отличить один предмет от другого, отличить одну личность от другой посредством именования. Определенный ряд имен, далеко не исчерпывая тайну ипостасно-природной онтологии, позволяет указать на парадоксальное различие в единой Троице, тем самым укореняя гносеологию в личностном различии. В тварном мире, очевидно, гносеология опирается на познание посредством наблюдения комплекса природных свойств индивидуумов, однако этим не исчерпывается, устремляясь к познанию уникальности ипостасных начал, стоящих за «букетом акциденций».

Сознание как знание себя

Сознание как одно из свойств личности также связано со знанием, принадлежащим личности-субъекту познания, но уже знанием самого себя, что означает знание своей собственной природы и отличение себя от других личностей. Полнота ведения единой Сущности принадлежит всем трем Ипостасям в Троице. В отличие

от тварного мира знание себя, отличие лицом себя от других лиц в Боге нисколько не затруднено абсолютным тождеством лиц по природе, но лишь подчеркивает чисто ипостасно-личностную природу сознания.

Основания сознания и движения мысли в личностном бытии

Сознание человеком себя как личности на элементарном уровне сводится зачастую к отождествлению себя со своей индивидуальной природой. В более развитом состоянии самосознание может иметь склонность ограничить себя своей разумной природой, ибо «мысль может произвести иллюзию собственной самозамкнутости». Действительно, словесность и самосознание часто принято относить к уму человека, сводя их лишь к явлениям плоскости разума. Однако слово, мысль, как уже отмечено выше, всегда включают в себя еще и отношение говорящего и мыслящего к предмету мысли, к именуемому, несут в себе бóльшую или меньшую личностную окраску. Движение мысли особенно ярко, хотя и не в отрыве от динамики остальных составляющих сложного естества человеческого, «опирается на свое основание – бытие самого мыслящего, то есть личностное бытие» [1, с. 89].

Заблуждения Л. А. Фейербаха и Ф. В. Ницше

Если для Л. А. Фейербаха даже «в религии нет ничего отличного от того, что кроется в человеческом сознании», то естественно, что и «Сам Бог, конкретизированный, как данность человеческого разума, будет обречен на исчезновение» и «“смерть Бога”, предсказанная Ф. В. Ницше как начало новой эпохи завершит этот процесс» [24, с. 29–30]. Но за этим стоит и смерть человека как богообразной личности!

Ипостасная природа сознания

Ипостасная, личностная природа сознания направляет мысль не к отождествлению человеческой личности (или даже Божественной) с той или иной частью природы (будь то человеческие тело, душа или ум) и не к экзистенциальному отрыву «я» от природы, но, во-первых, к познанию несводимости субъектного «я» ни к одной из частей сложно-составной человеческой природы, а во-вторых, к познанию неразрывности и выражении «я» от/посредством этой природы, причем не только индивидуальной, а и общечеловеческой, принадлежащей и множеству других гомогенных человеческих личностей.

Взаимодействие сознания и познания личности с другими личностными свойствами

Подлинное личностное самосознание и самопознание невозможны вне сознания и познания природного единства человеческих личностей и из познавательных способностей. В силу взаимосвязи всех личностных свойств, мы можем различить и в личностном сознании, и в познании свойства открытости и коммуникативности, имманентной динамичности и целостности,

творческой природы и уникальности сознания, свободы и неизбежный нравственный характер познавательного процесса.

Временная непрерывность самосознания

Личная открытость и коммуникативность познания означают, что познавательный процесс возможен лишь при открытости к общению с другими личностями. Имманентная динамичность и целостность познания подразумевают присущее антропологической гносеологии стремление к постоянному расширению области знания и построению внутренних смысловых связей между различными элементами этого знания. В отношении к личному самосознанию целостность означает также временную непрерывность самосознания. Творческая природа и уникальность познания отражаются в личном выборе «познавательной траектории» и креативном преломлении и синтезировании знания, своеобразном усвоении, структуризации и практической реализации накопленного объема знаний.

Свобода и нравственный характер познавательного процесса подразумевают возможность свободной интерпретации знаний, ненасильственность процесса познания, свободное внутреннее отношение к тому или иному знанию, вплоть до возможности отказа верить даже в очевидное, личное доверие/недоверие источнику знания, а также неотъемлемый нравственный аспект знания, которое всегда подразумевает другие личности, вовлеченные в определенные отношения к этому же знанию или к практическому значению для них этого знания.

---

1. *Кушнаренко С.П.* Онтология личности по учению Максима Исповедника и философская герменевтика Г. Гадамера // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 84–92.

2. *Ролник Ф.А.* Человеческая личность в свете тринитарных аналогий / Пер. И. Глазовой // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М., 2013. – С. 65–72.

3. *Boethius.* Liber de persona et Duabus naturis // Patrologia Latina (PL). In 221 vols. Accurante Migne J. P. – Paris, 1844–55. – Vol. 64.

4. *Майнарди А.* Поиск абсолютной свободы. Несколько замечаний о русском и итальянском персонализме в XX в. / Пер. А. Заякина // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М., 2013. – С. 123–143.

5. *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. – М., 1986.

6. *Прусс А.Р.* Искусственный интеллект и тождество личности // Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива. Материалы Международной конференции, 6–8 ноября 2008, Вако (США, шт. Техас) / Под общ. ред. В.К. Шохина. – М., 2009. – С. 14–30.

7. *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии // *Его же.* Педагогические сочинения / Сост. Е.Г. Осовский, О.Е. Осовский / Ред. Е.Г. Осовский. – Саранск, 2002.

8. *Меррикс Т.* Воскрешение тела // Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Т.П. Флинт и М.К. Рей. – М., 2013. – С. 698–717.

9. *S. Joannes Damascenus.* Contra Jacobitas // Patrologia Graeca (далее – PG). In 161 vols. Accurante Migne J. P. – Paris, 1857–85. – Vol. 94.

10. *Венцлер Л.* Феноменальность и нефеноменальность человеческой личности // Историко-философский ежегодник / Отв. ред. М.А. Солопова. – М., 2006. – С. 285–293.

11. *Ранер К.* Человек как личность и субъект / Пер. В. Витковского // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М., 2013. – С. 210–217.

12. *S. Joannes Damascenus.* Dialectica. – PG. 94.

13. *S. Joannes Damascenus.* Institutio elementaris. – PG 95.

14. *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. – Frankfurt a. – M., 1968.

15. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. – Frankfurt a. – M., 1981.

16. *Habermas J.* Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln. – Frankfurt a. – M., 1983.

17. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. – Минск, 2011.

18. *Антоний (Путилов), игум.* Письма к разным лицам. – М., 1969.

19. S. *Maximus Confessor.* Expositio Orationis Dominicae. – PG 90.

20. *S. Maximus Confessor.* Opuscula Theologica et Polemica. – PG 91.

21. *S. Maximus Confessor.* Ambiguorum Liber. – PG 91.

22. *McFadyen A.I.* The Call to Personhood: A Christian Theory of the Individual in Social Relationships. Cambridge, 1990.

23. *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога, как Он есть. – ТСЛ, Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2006.

24. *Каприо С.* Религиозный опыт в русской и западной антропологии // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М., 2013. – С. 28–40.

25. *S. Joannes Damascenus.* De Duabus Voluntatibus. – PG 95.

26. *S. Joannes Damascenus.* De Fide Orthodoxa. – PG 94.

27. *S. Gregorius Nyssenus.* Oratio catechetica. – PG 45.

28. S. *Maximus Confessor.* Disputatio cum Pyrrho. – PG 91.

29. *S. Gregorius Theologus.* Oratio ЧЧIЧ. – PG 36.

30. *Борисовский П.* Догматические основы христианской морали по творениям св. Григория Богослова (окончание) // Вера и разум. – Харьков, 1894. – № 8. – С. 509–525.

31. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. – М., 1993.

32. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. – Минск, 2011.

33. *S. Joannes Damascenus.* Homilia In Transfigurationem Domini. – PG 96.

34. S. *Maximus Confessor.* Quaestiones ad Thalassium. – PG 90.

35. *Harriet F. B.* Human Communion and Difference in Gregory of Nyssa // From Trinitarian Theology to the Philosophy of Human Person and Free Decision. Gregory of Nyssa: The Minor Treatises on Trinitarian Theology and Apollinarism, proceedings of the 11th International Colloquium on Gregory of Nyssa. – Tübingen, 17–20 September 2008. – P. 337–350.

36. S. *Maximus Confessor.* Capitum Quinquies Centenorum Centuria V. – PG 90.

37. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. – М., 1994.

38. *Blowers P. M.* Maximus the Confessor, Gregory of Nyssa, and the Concept of Perpetual Progress // Vigiliae Christianae. – V. 46, No 2. (Jun., 1992). – P. 151–171.

39. *Николай (Сахаров), иерод.* Понятие образа и подобия у архим. Софрония // Богословие. Философия. Культурология. Труды высшей религиозно-философской школы. Вып. 4. – СПб., 1997. – С. 101–117.

40. *Грегерсен Н.* Imago imaginis: человеческая личность с богословской точки зрения // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М., 2013. – С. 1–27.

41. *S. Gregorius Nyssenus.* De Vita Moysis. – PG 44.

42. *S. Gregorius Theologus.* Oratio XLIV. Ün Novam Dominicam. – PG 36.

43. *Вольф М.* Индивидуальность в церковном сообществе / Пер. О. Розенберг // Богословие личности / Под ред. А. Бодрова и М. Толстуженко. – М., 2013. – С. 230–241.

44. *Булгаков С.Н.* Ипостась и ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») 9 // *Его же.* Первообраз и образ: сочинения: в 2-х т. – Т.2. – М., СПб., 1999.

45. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. – М., 1916.

46. *Telepneff G.* The Concept of the Person in the Christian Hellenism of the Greek Church Fathers: a Study of Origen, St. Gregory the Theologian and St. Maximus the Confessor. Berkeley, California, 1991.

47. *S. Gregorius Palamas.* Homilia VIII. – PG 151.

48. *S. Gregorius Palamas.* Capita Physica, Theologica, Etc. – PG 150.

49. *S. Gregorius Nyssenus.* Contra Eunomium. Lib. I. – PG 45.

50. *Tollefsen T. Th.* St Maximus' Concept of a Human Hypostasis // Knowing the purpose of creation through the resurrection. Proceedings of the Symposium on St. Maximus the Confessor. Belgrade, October 18–21, 2012 / Ed. by bish. Maxim (Vasiljevic). Sebastian Press & the Faculty of Orthodox Theology – University of Belgrade, 2013. – P. 115–127.

51. *Гарнцев М.А.* Антропология в византийской мысли: к характеристике концептуальной парадигмы // Логос. – М., 1991. – № 1. – С. 82–86. URL: http://anthropology.rinet.ru/old/1/garncev.htm (дата обращения: 10.09.2013).

52. *S. Maximus Confessor.* Epistolae. – PG 91.

53. *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000.

Алла Торопова

МУСИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ

Аннотация. *В статье обсуждаются начала интонирующего сознания сквозь призму платоновского понимания мусического. Знаковость интонирования раскрывается автором в реализации функций познания, измерения и понимания явлений реальности, участвующих своей сигнификационной сущностью в становлении высших психических функций, а также в самосознании.*

Ключевые слова: *мусикия; мусическое; интонирование; переживание и сопереживание; знаковая функция; музыкально-языковое сознание; языковая идентичность.*

Abstract. *The article discusses the consciousness beginning intoning through the prism of the Platonic understanding moysicos. Intonation as sign author disclosed in the implementation of the functions of cognition, measuring and understanding the reality of the phenomena involved in the signs formation of higher mental functions – thinking, memory and speech, as well as in self-consciousness.*

Keywords: *music; intoning; experience empathy and adherence; signum function; musical language consciousness; language identity.*

Философский концепт мусического

Важным философским концептом в исследовании генеза психических функций является античное понятие «мусикия» или «мусический» (греч. moysicos), смысл и значение которого получили чувственное и логическое обоснование в трудах Платона.

По мнению А. Ф. Лосева, у Платона с пониманием термина «мусический» более всего перекликается смысл определения «образованный», тогда как amoysos значит, наоборот, «необразованный» [1, с. 58–59].

А. Ф. Лосев писал: «Вся эта “музыкальность” только сравнительно редко относится у Платона к области музыки в узком и специальном значении этого слова. Значение “музыкальный”, как мы сейчас увидим, очень широкое; и это тоже очень характерно для малой дифференцированности и платоновского, и вообще античного, понимания музыки и искусства» [Там же, с. 59].

Мусикия как философия и способ мышления

«Малая дифференцированность» античного понимания, то есть некоторая симпрактичность, или полифункциональность, – это то, что необходимо для понимания исходных обстоятельств порождения музыки как «мусического искусства», выполняющего определенные функции

в античном мироздании. Основная из этих функций – приучение к эвритмичности и такту отдельного человеческого бытия в общей гармонии мира. «"Музыкант" у Платона, – подчеркивает А.Ф. Лосев, – не имеет никакого отношения к лире или другим музыкальным инструментам, но является вообще прямым, простым и цельным человеком. Философия – "высочайшее мусическое искусство" (Phaed. 61 a)» [1, с. 59]. Самое слово "музыка" Платон производит от слова mosthai ("ощупывать", "исследовать")… очевидно, музыка понимается здесь в самом широком смысле слова (Crat. 406 a)» [Там же, с. 60].

Обсуждая понятие мусического в широком и узком его значениях, Платон приходит к противопоставлению мусических и немусических искусств, где мусические (искусства ли, события ли, поступки ли людей) обладают такой общей характеристикой, как протяженность во времени. Очевидно, что речь идет об особом способе мыслить. Причем способ этот, дополняющий логос (мышление словом, дискретными понятиями и логической связью между ними), – важнейший. Ближайший смысл, по моему мнению, этого иного способа мыслить – мусикии – *следование*.

Мусическое следование за бытийным переживанием или движением Космоса

Исходно у Платона (согласно А.Ф. Лосеву) определение «мусический» (или «музыкальный») было сродни определению «верный, точный, нефальшивый и незаблуждающийся» [Там же], то есть отражающий в интонировании то, что есть в движении внутренних энергий или внешних сущностей и стихий. В трудах философов Античности подчеркивалась общая природа искусства и ума человека, которая заключается в способности к упорядочиванию *знаков проживания реальности* (или реальностей) в координатах времени и пространства.

Думаю, это связано с тем, что мусическое мышление является нецензурированным сознательными установками, ограничениями, правилами этикета или эстетики. Оно – еще до всего этого, диктуемого обстоятельствами. Может быть, этот вид мышления был связан с особой позицией человека в бытийном времени-пространстве, не актуальной ныне – позицией сопричастности, неотделимости субъекта от текучести времени. За прошедшие тысячелетия мусическая континуальность мышления отступила в фон психической организации человека, уступив место *дискретности сознания* с жесткими языками определений и дефиниций, неизменных и извлеченных из текучести времени.

Сущность мусических искусств

В поиске сути мусического начала психики и искусств мы видим подчас сущностное противопостав-

ление античных *искусств, созвучных течению времени*, и *искусств, остановивших время* в пространственных формах. *Мусическое* ближе всего к протеканию во времени, причем в гармонии с состоянием самого человека, природы и социума. Исходя из этих посылок, мы приходим к умозаключению, что мусические искусства – это те, в которых присутствует *интонирование во времени*, то есть музыка, танец, пластика, поэтическое слово, просодия.

Платоновское понимание *мусикии* стало краеугольным положением в исследовании следов мусического мышления как в том, что на современном этапе называется *музыкой*, так и в более широком проявлении психической активности – *интонировании и соинтонировании* как отражении непосредственности мысли и чувства, протяженных во времени.

Современная интерпретация мимесиса – концепт «зеркальных нейронов»

Итак, мусикия, мусическое мышление могут быть представлены феноменом интонирования как способом *следования за переживанием* еще до рацио, до воли и до выводов. В трудах Платона и Аристотеля этот путь познания был связан с понятием *мимесиса**.

Этот путь познания имеет не только такие поведенческие характеристики как, например, сознательное отождествление, имитация действий другого, но и фундируется в нейрональных процессах, обеспечивающих приспособительную активность психики, ее способность принять и воспроизвести модель исполняемого движения или действия через наблюдение за исполнителем. Современное знание о «зеркальных нейронах» [2, с. 83–148] помогает понять механизм «заражения» сознания *наблюдателя* идеально-культурными или духовно-нравственными артефактами. Заражения, которое происходит вне собственного реального опыта переживания субъекта через следование предложенной модели интонационного означения, чужому или общественному интонированному опыту в движении или звучании. На этом механизме, возможно, зиждутся интуитивно построенные практики певческого интонирования Символа веры, вводящие представителей разных конфессий в молитвенное состояние через определенные интонационные призывы и песнопения. В некоторых религиозных конфессиях этим механизмом обусловлено телесное вовлечение в двигательное соинтонирование (вращение дервишей) как присоединение к не знаемому, но откры-

* Др.-греч. μίμησις — подобие, воспроизведение, подражание.

тому через «зеркальные нейроны», чужому опыту познания и самосознания.

Буддистское представление о взаимодополнительности дискретного и континуального сознания

В научных основаниях буддизма было осмыслено и укоренено представление о целостности и взаимодополнительности дискретного и континуального в познании и самосознании, которое, в моем понимании, соотносимо со словесно-понятийным и интонационно-мусическим (или вообще предметно-определенным и интонационно-текучим) в сознании и его «языковости». Созвучные этой концепции мысли компактно изложены в учении Цема (Логика буддизма) Сакьи Пандита [3].

Философия и психология Кагьи (одной из ветвей буддизма) воплотили в основных определениях и классификациях учения Цема то, что тибетцы называют «виды состояний сознания» (blo rigs). В этом учении существуют такие понятия, как *концептуальное* и *неконцептуальное сознание*.

Концептуальное сознание позволяет строить предметно-осмысленные модели реальности, структурирующие ее в акте *дискретно-нормативного мышления* своего времени и культуры.

Неконцептуальное сознание познает реальность вне структурированных концепций как чистую континуальность, текучее и изменчивое «дление» без жестких структур, которые в учении Цема всегда есть мнимости. Такое неконцептуальное сознание проявляется в актах *проживания и переживания событий реальности и созерцательного следования ей.*

Буддистское представление о континуальности неконцептуального познания и самосознания

Неконцептуальное понимание реальности может быть только бессознательным, так как сознание в процессе своего развития присваивает культурные концепции о мире и себе. Но даже наше бессознательное лишь условно внеконцептуально, поскольку генетически оно впитало в себя культурно-концептуальный опыт человечества. Мне представляется, что такое понимание неконцептуального состояния сознания в буддистском учении Цема близко *сущности мусического мышления*, которое непроизвольно считывает с реальности доступный нашим органам восприятия образ, вернее движущуюся схему образа, отражающую его континуальную (текучую, изменяемую) сущность, *соинтонируя и следуя ей.*

Свобода-несвобода мусического познания в соинтонировании

Тем не менее доступность образов реальности для интонирования обусловлена опытом предков, рода, этноса, отфильтровавшим для нас сенсорные эталоны чувственного восприятия. Потому личностная мусическая свобода от *интонационных моделей* не вполне такова. И все же *мусическое познание* в меньшей мере

навязано социумом или присвоено субъектом, чем концептуальные дискурсы и их дискретные структуры – знаки-символы, знаки-копии, знаки-эталоны т.п. [4, с. 117–122] Оно более непосредственно и неструктурированно, менее подвластно даже внутренней цензуре человека.

Интонирование как мусическая категоризация

Что же лежит в основе неконцептуального понимания? Философская традиция одним из первичных актов познавательной деятельности считает категоризацию. По-видимому, этот первичный познавательный акт свойственен не только дискретному, но и континуальному мышлению. В моем представлении, интонирование и соинтонирование познаваемому обеспечивает *первичную категоризацию чувственного опыта*, еще довербальную, но уже создающую некую «членораздельность» неконцептуальному мышлению. В развитии психических функций – от первичных до высших – этот феномен может оставаться в виде их совокупной части, латерального (бокового) мышления или параллельной сигнификации переживаемого и познаваемого, обеспечивая *вневербальную категоризацию чувственного опыта*.

Мусическое воспитание как развитие этической функции сознания

Мусическому воспитанию уделялось большое внимание в китайской культуре и философии. Сыма Цянь в «Трактате о музыке» («Юэ шу») из его «Исторических записок» («Ши цзи») выводил корреляцию конфуцианских этических устоев, на которых строилось развитие благородной личности, с музыкальными интонациями: «Все, кто [придерживался] правильного учения, начинали с мелодий, если же мелодии были правильными, то и действия были верными. Вот почему мелодии и музыка в целом так потрясают наши органы и воздействуют на нашу кровь, проникают в глубины души и приводят в гармонию истинные чувства [человека]» [5, с. 190–191]. Здесь подчеркнута функция этико-аффективного воспитания человека через правильное интонирование.

Мусическая функция в развитии практического интеллекта

Но не только аффективное развитие, или, как мы бы сейчас сказали, эмоциональный интеллект, следует за мусическим мышлением. Последнее ответственно и за развитие практического интеллекта, разума, сравнения, счета.

«Никакая другая цивилизация, кроме китайской, не связывала свою систему мер и весов с музыкальными инструментами, – писал В.Е. Еремеев. – Китайские легенды приписывали Хуан-ди («Желтому императору») и его подчиненному Лин Луню определение единиц измерения длины, площади, объема и веса, базиров-

шихся на эталонных колоколах. Известно, что подобная система существовала в эпоху Чжоу» [5, с. 214]. В дальнейшем единицы измерения определялись на основе расчетов высоты тона флейт люй. То есть слуховое восприятие и распознавание изменений тонов и интонаций лежало в основе когнитивной деятельности, процедур сравнения, анализа и синтеза.

Эта практика стимулировала в Китае развитие и совершенствование музыкальной теории и музыкальных инструментов. «...Власть считала своим долгом поддерживать в порядке систему мер и весов, поскольку полагалось, что иначе все пришло бы в хаос, и безопасность страны могла быть под угрозой» [Там же, с. 215]. Это значит, что мусическое мышление призвано было выполнять не только аффективные, но и когнитивные функции, ведь измерение при помощи звука и его интонационных изменений веса и объема вещей есть решение когнитивной задачи при помощи тонкого слышания и соинтонирования.

Категории ян и инь в концепции звучания ци

Понимание древними китайцами природы звука тесно связано с концепцией *пневмы ци*. Посредством привлечения этой категории истолковывались различные характеристики звука. Громкость (лян) звучания связывалась с количеством вибрирующей ци, а его высотность (ду) рассматривалась по шкале «мутности» (чжо) или «чистоты» (цин) ци, ее «иньскости» или «янскости», что, в нашем понимании, соответствует низкому или высокому звуковому диапазону, – пишет исследователь древнекитайской психосемиотики В.Е. Еремеев [Там же, с. 206].

В моем понимании, «иньскость» и «янскость» звукового интонирования связаны не только и не столько с высотой, сколько с *высотной динамикой*, то есть направлением движения звука вверх или вниз, которое, в свою очередь, связано с гравитационным чувством. Гравитационное чувство первично для становления психики и ее функций. Высотная динамика звукового интонирования в живом мире может быть связана только с разной степенью усилий и напряжений по преодолению гравитации, а это уже ключ к психологическому переживанию типа интонирования как определенного знака базовых гравитационных ощущений.

В такой интерпретации инь-интонирование проявляется в снижении усилий, подчинении силам гравитации, а ян-интонирование – в преодолении тяготения через напряженные усилия подняться вверх, в том числе в звучании голоса или инструмента. В этих *инто-*

нированных универсалиях читаются те первообразы сущего, которые Платон именовал первоначалами [6, с. 223–318], а К. Леви-Стросс – структурами подлинной реальности [7, с. 22–35].

Мусическое познание цикличности календарных перемен

В Древнем Китае считалось, что музыкальные тоны, издаваемые флейтами люй, могут служить камертонами природных явлений, в том числе смены времен года и отдельных месяцев. Это представление базировалось на убеждении, что энергия ци, поднимающаяся с Земли, и ци, опускающаяся с Неба, при своем соединении образовывали различные типы атмосферных явлений, находящихся в зависимости от сезонов года, и могли вызывать вибрации в звуковом столбе флейт. Полагалось, что различимость состояния ци, находящейся в воздухе, отражается в звучании двенадцати люйев (соотносимых с двенадцатью месяцами года). «Каждая флейта должна была резонировать с ци воздуха в соответствующий ей месяц. Правильность порядка звучания люй свидетельствовала бы о гармоничном развитии годичного цикла» [5, с. 216]. То есть наблюдение и следование за изменениями тонов звучащих флейт позволяло судить о своевременности и адекватности цикличных годовых перемен.

Есть ли место мусическому познанию внешней или внутренней реальности бытия человека в настоящем? Какие формы оно приняло в наше время, когда само понятие исчезло? Является ли мусическое мышление развиваемым? В поиске ответов обратимся к опыту истории.

Сущность мусического воспитания в Древней Греции

Личностная позиция ненарушения гармонии бытия воспитывалась в мусических школах Афин и некоторых других греческих городов-государств. Средствами воспитания «мусического человека» были знаковые системы искусств и наук, дающие «языки» личности для интонирования своего индивидуального бытия в общей гармонии мироустройства. Есть сведения, что в мусических школах воспроизводилась практика послушания, подготавливающая ученика к следующим ступеням овладения мудростью.

Случайно ли эта практика послушания в своем русском переводе созвучна слову «слух», «слышание» знаков? «Имеющий уши слышать да услышит»... (Мф. 11:15; 25:30). Не значит ли это, что цель мусического воспитания на начальном этом этапе – развить психическую функцию слышать, воспринимать, следовать знакам внутренних, межличностных и космических изменений?

Более практичен взгляд Аристотеля, который выводил развивающее и воспитательное воздействие музыки из представлений о такте и катарсисе, производимых с помощью специфических ладовых интонаций и верных ритмов [8, с. 375–644].

Путь мусического развития в Древнем Китае

В Древнем Китае считалось, что путь мусического воспитания необходим для овладения философией, а значит – для развития высших психических функций. Уместно привести историю-притчу о том, как Конфуций учился у Ши Сяна игре на цине. Прошло десять дней, а он все еще разучивал лишь начальные аккорды. «Ши Сян-цзы сказал: «Можно разучивать другую песню, этой Вы уже овладели». Конфуций ответил: «Я лишь усвоил мелодию, но еще не овладел искусством исполнения». Через некоторое время Ши Сян-цзы произнес: «Искусством исполнения Вы уже овладели, можно приступать к изучению новой песни». Конфуций ответил: «Я еще не понял, в чем выразительность ее устремленности». Прошло еще некоторое время, и Ши Сян-цзы произнес: «Вы уже овладели ее устремленностью, приступайте к разучиванию следующей песни». Конфуций погрузился в глубокое размышление. Затем очнулся и, взглянув вдаль, радостно сказал: «Я представляю себе этого человека. У него смуглый лик, он высок ростом, взор его устремлен вдаль. Он подобен вану, взирающему на четыре стороны света. Кто, кроме чжоуского Вэнь-вана, мог создать такую песню?» Услышав такое, Ши Сян-цзы поднялся с циновки и дважды поклонился Конфуцию: «Мой учитель говорил, что песнь эта первоначально называлась “Вэнь-ван цао”» [9, с. 62].

В этом фрагменте отражена мысль о том, как через упорное интонирование реализуется мусическое мышление и развивается дар провидения или сверхсознания.

Мусическое врачевание

Исследователь музыкальной античности Е.В. Герцман заметил, что еще писатель Филон (упоминаемый также в связи с первым употреблением понятия *архетип*), живший в Александрии на рубеже двух эр, описал египетскую общину терапевтов (от греч. «тот, что заботится»), которые считались «врачевателями гораздо более совершенными, чем обычные лекари, ибо исцеляли души» [10, с. 411]. В коммуне терапевтов основные принципы жизни, обеспечивающие здоровье души и тела, излагались в поэтической форме и пропевались. По свидетельству Филона, на собраниях терапевтов практиковались и другие разнообразные формы музицирования. При этом, как пишет Е.В. Герцман, созда-

вая «распевающийся устав своей коммуны, терапевты не были первооткрывателями, а лишь использовали многовековой опыт» [10, с. 412].

Мусическое самосознание и настраивание через этос

Функция сохранения желательных для этноса состояний через воспроизведение и восприятие «правильных» интонационных символов была осознана в античности и отражена в понятии *этос**. *Этос* можно рассматривать как объяснительную модель того или иного воздействия на психику и поведение человека различных типов интонирования. Это представление не могло бы появиться без имплицитно признаваемого психического органа для восприятия этоса древних ладов и наклонений интонирования – *интонирующего восприятия или сознания, мусического мышления*.

Интонирование как этнокультурное и конфессиональное самоопределение и самосознание

Интонирование реальности в представляемой здесь концепции есть слепок с ее бессознательного неконцептуального понимания, запечатленный в «протослое» сознания – интонирующем сознании – как праязыковой рамке для реализации функций собственно языкового сознания. С помощью мусического познания и интонирующего сознания укрепляется самосознание своей принадлежности полу, своей семье, роду, этносу, социуму и конфессии. Интонирование является совокупной частью всех психических функций, позволяющих входить в состояние сверхсознания или считывать идеи из Великого идеополя общественного сознания [4, с. 34–41], воспринимать явления подлинного искусства, общаться на высоком уровне и творить.

Вместе с тем опробованный или имитированный тип «чужого» интонирования позволяет раскрыть для себя иной опыт самосознания, принять в себя не прожитое, но заключенное в интонационных знаках и кодах иных культур, субкультур и конфессий.

Через соинтонирование можно усилить или ослабить идентичность, вывести самосознание на иной уровень личностной идентификации.

Музыка и мусическое

Наследницей мусического мышления, подчас не ведающей истинного смысла унаследованного, считается музыка. Сохранили ли музыка и музыкальная практика предназначение развивать мусическую функцию

---

* Этос (греч. ἦθος – нрав, характер, душевный склад) – особый срез человеческой реальности (определённый класс индивидуальных качеств, соотнесённых с определёнными привычными формами общественного поведения). Аристотель трактовал этос как способ изображения характера человека через стиль его поведения и речи [8].

мышления? Какой путь прошло музыкальное сознание человека и отдельных культур?

Среди наук и искусств музыку ставили на первое место Рабан Мавр, Фома Аквинский. В признании мыслителями Средневековья значимости музыки (некоторой ее части) мы видим сохранение за ней неких функций, отличающих музыку от других искусств: упорядочивание состояний психики и сознания, возделывание души к восприятию высших этических смыслов и символов, ведущих к просветлению и спасению.

Жестокость наказания за фальшивое пение

По свидетельству антропологов, у ацтеков долго (даже после конкисты) сохранялась традиция безжалостного наказания за фальшивое интонирование. Сообщается, что лидер выбирал мелодию, которая должна была быть спета, и любой хорист, кто пел фальшиво, барабанщик, ударяющий не в такт, или танцовщица, которая приняла неправильную позу, были немедленно поставлены в известность об обязательствах и казнены следующим утром [11].

Неудивительно, что мусическое обучение необходимо было начать рано и создать для этого определенные школы с профессиональным преподаванием. Обязанностью учителей в кальмеках* было обучить учеников всем стихам священных песен, которые были написаны [Там же]. Были у ацтеков и специальные школы, называемые cuicoyan («места пения и танцев»), где людей обоих полов обучали петь народные песни и танцевать под звуки барабанов. «В общественных церемониях не было редким явлением для публики сплачиваться в песне и танце, иногда до тех пор, пока таким образом не будут захвачены многие тысячи зараженных ритмичным движением; часы проходили в возбуждении... "науатль", то есть в эйфорическом состоянии от совместного интонирования и в пении, и в движении» [Там же].

Смещение значимости мусического познания

К эпохе Ренессанса, когда научное мировоззрение, а значит, и обслуживающие его высшие психические функции (не названные еще таковыми) перемещаются в область *видимого*, то есть в ту область, что доступна глазу и его инструментам (микроскопу), все ценное доселе из области *слышимого* вытесняется на задворки сознания. Тогда, думаю, интонирование как проявление мусического выпало из обоймы важных (или высших) слоев психических функций, но не из самой стихии психической

* Кальмеки – школы у ацтеков, где обучали лидеров, жрецов и ученых.

жизни человека. Последним, кто еще при помощи слуха выводил научные построения о «гармонии мира», был И. Кеплер, который в законах «Новой астрономии» следовал гармоническим пропорциям Солнечной системы, первым «поверив гармонию алгеброй» [12].

Постепенно усиливающееся противопоставление мусического рода искусств пластическому противоречило общей природе, находящейся в основании, – природе выразительного движения, интонированного переживания.

Сигнификационная функция жестового интонирования

Знаковая функция жеста привела к закрепленной сигнификации его значения в более развитых языках слов и музыки.

Э. Кондильяк утверждал, что в основе общения между людьми лежит подражание явлениям внешнего мира, посредством которого в сознании других людей вызываются образы этих явлений. Он подчеркивал, что «изображение предмета есть наиболее определенный знак, какой только можно придумать» [13, с. 180]. Е.А. Басин развил эту мысль: «...первоначальные языки – примитивные танцевальные пантомимы, “язык жестов”, язык слов, письмо – носили изобразительный характер, отличались живописностью, наглядностью, насыщенностью образами и живостью оригинала. Из них развились танец, поэзия, живопись» [14, с. 41].

Д. Дидро также стоял на позициях знаковой теории происхождения языка, утверждая, что в обычной речи мы не стремимся запечатлеть весь последовательный ряд идей и образов, заключающийся в воспринимаемой речи, но руководствуемся лишь знаком (звуком) и чувством. «Без подобного сокращения люди не могли бы разговаривать. Иное дело, когда мы имеем дело не с обычными «речами», но с неслыханными, невиданными, редко воспринимаемыми, с тонким соотношением идей, чудесных и новых образов. Иными словами, когда мы имеем дело с искусством и поэзией. В этом случае мы как бы возвращаемся в состояние детства, когда мощно работает воображение. В этом случае приходится прибегать к природе, к первообразу. Оригинальность такой речи, такого творения вызывает удовольствие» [15, с. 366–368]. То есть в такой речи целостное переживание нередуцировано или редуцировано в меньшей степени.

Противоположность дискретных и континуальных знаков языкового сознания

В предыдущем фрагменте подчеркивается противоположная знаковая природа кодов вербального и интонационного языка, где интонирование – не самая «экономичная упаковка» мысли, но зато более точная! Первообразы знаковой стороны речи – ее просодического

интонирования – находятся, таким образом, в «состоянии детства», детской «буквальности» знака.

Детская «буквальность» может быть связана только с первичными ощущениями и базирующимися на них переносами этих ощущений в более опосредованные сферы переживаний. Каково соотношение в этой «буквальности» индивидуального и универсального начал?

Приведу мысль Д. Дидро в более кратком ее изложении: как обычной речи, так и искусству присуще противоречие между необходимостью выразить и сообщить индивидуальное, с одной стороны, и общей природой языка – с другой. Всякий говорит так, как чувствует, он является собой, и только самим собой, тогда как «идея и выражение ее» делают его схожим с другими. Но тождество слов, тона, размера нарушается разнообразием «языка оттенков». Количество слов ограничено, количество оттенков бесконечно. «Именно разнообразие оттенков восполняет скудость наших слов и нарушает часто общность впечатлений» [15, с. 370]. Хотя язык оттенков безграничен, он понятен без объяснений. Я бы сказала: *открыт мусическому мышлению*.

Интонирующая основа языкового обозначения, познания и самосознания

Д. Дидро фактически признал, что в речи и искусстве «язык оттенков» понятен именно потому, что в нем содержится общеязыковая основа для этих «оттенков». Общую интонирующую природу психики, создающую универсальный слой для разных языковых форм, можно обнаружить в генезе музыкально-языкового сознания.

Ж.-Ж. Руссо в своих сочинениях подробно развивает тезис о связи музыки с естественным языком, мелодии – с интонацией человеческой речи. Он утверждал, что мелодия, подражая модуляциям голоса, звучанию языков и оборотам, выражает движения души [16, с. 254].

Извечное сопоставление музыкальной и естественной речи можно трактовать и по-другому. Не только как происхождение мелодик из речевых интонаций, но и наоборот, становление речевых кодов, длины оборотов речи, их амплитуды и направленности интонации – из музыкально-интонированных архетипов определенной культуры. Такое объяснение делает правдоподобным суждение о том, что интонирование и музыкально-языковое сознание способствуют развитию высших психических функций, участвуя в становлении их этнокультурных вариантов, формируя восприятие смысла в формах искусства, образное мышление и, конечно же, речь, ее синтаксис и просодию.

Социальные функции в становлении музыкально-языкового сознания

Вынесение аффекта путем интонирования в опыт социального знака, понятного для своего рода, семьи или социума, рационализация звукового состава интонационной системы с целью применять эту рациональность в упорядочивании многих явлений нашли свое философское обоснование в работе Макса Вебера [17]. Вебер выводит природу интонирования и типы звукорядов из факторов социальной этики, допускающей или недопускающей хроматику как выражение излишней страстности. «Пентатоника* очень часто совмещается с тем, что по соображениям музыкального "этоса" избегают полутоновых ходов. Отсюда заключали, что избегать полутонов и есть музыкальный стимул пентатоники. Однако хроматика в одинаковой степени антипатична и древней церкви, и древнегреческим трагикам, и граждански-рациональному учению о музыке в конфуцианстве. Из всех восточно-азиатских народов только японцы с их феодальной в прошлом организацией общества предавались хроматике в своем стремлении к выражению страсти. А китайцы, анамитяне, камбоджийцы и более древняя яванская музыка – все они равно не приемлют ни хроматики, ни минорных аккордов. Впрочем, совсем не ясно, всегда ли пентатонные гаммы – самые древние, нередко они сосуществуют с чрезвычайно развитыми звукорядами» [Там же, с. 477]. В этом фрагменте виден метод рационального объяснения М. Вебером присутствия социальных установок различных обществ в формировании и закреплении интонационных знаков и кодов языкового сознания и самосознания.

Некоторые обобщения

Взгляды философов различных эпох позволяют считать, что начала интонирующего сознания, которое древние называли мусическим процессом или познанием, следует искать во *вневербальной категоризации переживаний и обозначении сострадания (как акта зеркального проживания и сопереживания)*.

По-видимому, сострадание и похожие переживания являются тем первичным материалом, который был сохранен в символах, способных воспроизводиться не только «здесь и теперь», но и после, «там и тогда». Здесь, конечно, находится точка рождения культуры и человека современного (культурного) типа.

---

* Пентатоника (от греч. pénte – пять и tónos – тон), звуковая система, содержащая пять ступеней в пределах октавы. Основной тип пентатоники — бесполутоновая (так называемая китайская или шотландская) гамма.

Механизм мусического познания – *следование* (исследование) *текучести состояний во времени*. Причем следование не только первичным базовым ощущениям реальности (таким, как подчинение или преодоление гравитации в движениях тела или голоса), но и сложным этическим чувствам и базовым эмоциям.

Познаваемое в следовании внешнему или внутреннему состоянию означаемо жестовой и голосовой интонацией, лежащей в основании символических языков мусических искусств, способных поддерживать *знаковую функцию психики человека*.

Знаковость интонирования позволила применять его свойства как *функцию познания, измерения и понимания явлений реальности*, то есть как когнитивную и экспрессивно-аффективную функции одновременно, участвующие своей сигнификационной сущностью в иных высших психических функциях.

---

1. *Лосев А. Ф.* Учение Платона об искусстве // История античной эстетики: в 8 т. – Т. III. Высокая классика. – М., 1974. – С. 11–178.

2. *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. – М., 2012.

3. *Сакья Пандита.* Малый цветок просодии – трактат о стихосложении [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Sakya_Pandita (дата обращения: 17.03.14).

4. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.

5. *Еремеев В. Е.* Акустико-музыкальная теория // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – Т. 5. – М., 2009.

6. *Платон.* Теэтет // Соч.: в 3-х т. – Т. 2. – М., 1970. – С. 223–318.

7. *Леви-Стросс К.* Мифологики: сырое и приготовленное. – М., 2006.

8. *Аристотель.* Политика // Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 375–644.

9. *Сыма Цянь.* Исторические записки. – М., 1998.

10. *Герцман Е. В.* Языческие и христианские музыкальные древности. – СПб., 2006.

11. *Скрябина Н.* О музыкальном и поэтическом наследии цивилизации ацтеков [Электронный ресурс]. URL: http://www.indiansworld.org/aztecpoet.html (дата обращения: 17.03.14).

12. *Паули В.* Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий Кеплера // Физические очерки. – М., 1975. – С. 137–174.

13. *Кондильяк Э. Б. де* Трактат об ощущениях // Соч: в 3-х т. – Т. 2. – М., 1982. – С. 189–399.

14. *Басин Е. А.* Искусство и коммуникация: очерки из истории философско-эстетической мысли. – М., 1999.

15. *Дидро Д.* Искусство. Салон 1767 года // Собр. соч.: в 10-ти т. – Т. VI. – М., 1946.

16. *Руссо Ж.-Ж.* Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. – Калининград, 2001.

17. *Вебер М.* Рациональные и социологические основания музыки // Избранное. Образ общества. – М., 1994. – С. 469–550.

Власть и человек

Александр Калмыков

ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Аннотация. *Статья посвящена теме взаимоотношений народа и власти в России. Автор раскрывает основное содержание новых подходов к рассмотрению политической истории России на примере создания необычной экспозиции «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях» в Музее политической истории России Санкт-Петербурга. В статье дается описание научной концепции и приемов художественного воплощения альтернативного взгляда на историю взаимоотношений человека и власти в России.*
Ключевые слова: *музейный историк; музейная экспозиция; человек и власть; взаимоотношения человека и власти; патриотизм; альтернативная история.*
Abstract. *The problem of interrelation between people and authorities in Russia is discussed in the article. The content of new approaches to political history of Russia is revealed by the example of creation of unusual exhibition «Man and authorities in Russia in XIX-XXI centuries» in Museum of Political History of Russia, Saint Petersburg. Scientific conception and modes of artistic realization of alternative view to the history of man- authorities interrelation in Russia is proposed.*
Keywords: *museum historian; museum exhibition; man and authorities; relationship between man and the authorities; patriotism; alternative history.*

Труд музейного историка

Музейный историк обязан не только обладать багажом знаний о событиях прошлого и уметь извлекать эти знания из разных категорий исторических источников, но и быть сведущим в тонкостях музейной коммуникации – многоканальном диалоге между посетителями и сотрудниками музея, экспонатами и людьми, между экспонатами и другими элементами музейной экспозиции в ее пространстве, организованном разнообразными способами. Далеко не весь труд музейного историка, но, пожалуй, важнейшую его часть можно определить, как умение визуализировать исторические явления и события,

опираясь на законы зрительского восприятия и отвечая на современные запросы музейной аудитории.

Как изменились задачи и методы работы музейных историков

Основная цель этой статьи – показать, как в связи с крупнейшими социально-политическими переменами последних двух десятилетий изменялись задачи и методы работы научных сотрудников исторического музея. В основном мы будет опираться на опыт, накопленный Музеем политической истории России в Санкт-Петербурге в процессе создания масштабной и необычной экспозиции «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях».

Тема «Человек и власть» для России – вопрос особый

Открытие экспозиции 20 апреля 2013 года стало заметным событием в культурной жизни Санкт-Петербурга.

Директор Российского государственного архива социально-политической истории А.К. Сорокин в своем выступлении на открытии новой экспозиции отметил: «Экспозиция попала в нервный узел нашей истории... Очень важна апелляция к фактам, документам, социальной, семейной истории. Наша историческая память больна, и ей нужен доктор» [1].

Высоко оценил новую работу музея петербургский историк В.С. Измозик: «Создатели новой экспозиции выполнили завет Карамзина, сказавшего когда-то, что историк должен с гордостью говорить о славных делах своей страны и с печалью, не скрывая, о позорных страницах» [2]. Выступая на открытии экспозиции, уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге А.В. Шишлов подчеркнул, что «сама тема “Человек и власть” для России, особенно современной, – вопрос особый, потому что одна из главных проблем нынешнего времени – отчуждение общества от власти. Оно уже не раз в нашей истории приводило к катастрофе. Без преодоления этого отчуждения Россия не сможет выжить» [3]. Мнение омбудсмена поддержал писатель Д.А. Гранин: «Я всегда интересовался историей России, но постепенно убедился, что... не понимаю ее. Для меня она – загадка. А состоит она в том, что никогда народ не любил свою власть... Почему у нас такие взаимоотношения народа и власти? Почему нам никак не разорвать этот замкнутый круг?» [4].

Положительная оценка длительной и напряженной работы над проектом, уникальном не только для музеев Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона, но и для России в целом, данная учеными, музейным сообществом города и, что самое важное для нас, абсолютным большинством посетителей, позволяет, как нам кажется, поделиться некоторыми соображениями.

Актуальность темы взаимоотношений человека и власти в России

Тема взаимоотношений человека и власти в нашей стране всегда была актуальной, и не случайно она интенсивно разрабатывалась во многих других экспозиционных проектах Музея политической истории России в течение последних десятилетий.

Авторы экспозиции «Человек и власть» хорошо понимали своевременность музейного обращения к заявленной теме, когда брались за работу над этим проектом. Необходимость масштабной постоянной экспозиции, посвященной анализу взаимоотношений человека и власти, была обоснована в научной концепции, опубликованной в 2004 г.: «Актуальность создания масштабной стационарной экспозиции по политической истории России диктуется не только необходимостью совершенствования работы музея, но и тенденциями к снижению уровня массового исторического сознания, потери целостного представления о содержании и хронологической последовательности событий отечественной истории. Именно в незнании элементарных основ исторического прошлого кроется одна из причин трудной адаптации многочисленных слоев российского общества к быстро меняющемуся социокультурному облику окружающего мира, отсутствия значительных успехов в становлении толерантной политической культуры, самостоятельности в оценках политических событий и явлений» [5, с. 8].

Проблема взаимоотношений власти и народа стала еще глубже

Однако во время разработки научной концепции мы не предполагали, что к моменту открытия экспозиции проблемы толерантности, взаимоотношений власти и народа, задачи воспитания патриотизма и преодоления разорванного представления о нашей истории станут еще глубже и еще дальше разведут сторонников разных взглядов на эти проблемы, а социальные проблемы, осознанные нами десять лет назад, станут еще более острыми и актуальными.

Дискуссия о едином учебнике по истории

Покажем это только на одном, но весьма характерном примере бурных дискуссий последних двух лет, развернувшихся и в учительской среде, и между историками, и между различными экспертными организациями вокруг разработки единого учебника по истории. Участники дискуссии полярно разошлись во мнениях даже в ответе на вопрос: а нужен ли единственный учебник истории вообще в условиях идейно-политического и мировоззренческого плюрализма, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Директор Института всеобщей истории РАН академик А. О. Чубарьян, руководитель группы по разработке

концепции единого учебника по истории, представляя ее президенту страны, подчеркнул, что единый учебник должен прививать уважение к другим народам, неприятие ксенофобии, неприятие насилия в истории, он не должен содержать оценок, он должен лишь «давать канву событий» [6].

Однако большое число участников дискуссии сочли, что введение единого учебника знаменует собой «опасность установления идеологической монополии в истории с запретом на все так называемые непатриотические трактовки» – так сформулировал эту общую идею директор Института глобализации и социальных движений Б.Ю. Кагарлицкий [7].

Авторам музейной экспозиции в спорах о едином учебнике истории наиболее близка точка зрения историка и публициста А.А. Иконникова-Галицкого: «Главное – давать и учителям, и учащимся возможность видеть предмет с разных точек зрения и выбирать ту концепцию и идеологию, которая наиболее убедительна» [6].

Переписать историю просто невозможно

К сожалению, и в обществе, и во властных структурах существует мнение, что творцами истории являются ученые-историки или идеологи государственной политики. Да, вместе со всем народом, они – творцы истории, но не прошлой, а нынешней. Забылось или «по умолчанию» не принимается во внимание первичное понимание истории как «того, что было», того, что в реальности, пока не изобретена «машина времени», изменить, переписать просто невозможно. Мы не имеем в виду извечную задачу историков по поиску и интерпретации максимального количества источников, над которой они бьются веками. Мы говорим о тех, для кого история сводится к выковыриванию патриотических с точки зрения сегодняшнего дня изюминок из невероятно сложного, многослойного пирога отечественного прошлого. Надо ли говорить, что к первичному пониманию истории такая «писаная» история не имеет прямого отношения.

Патриотизм – гордость за Родину, а не безотчетная любовь к ней

Честному историку невозможно присоединиться к тем, для кого патриотизм – банальный дворовый клич: «Наших не замай!». На наш взгляд, патриотизм – это прежде всего гордость за Родину, а не безотчетная, впитанная каждым с детства любовь к ней, в том числе и «лермонтовского» вида («Люблю Россию я, но странною любовью. Не победит ее рассудок мой»). Патриотизм осознан, а значит, дискретен. Не всякой страницей истории государства получается гордиться, это вовсе не означает, что такая страница достойна поношения, а не горечи, по Н.М. Карамзину. И, конечно, при этом надо

постоянно помнить о том, как бы «из грехов нашей Родины вечной не сотворить бы кумира себе» (Б. Окуджава). В этом двуедином подходе и заключается патриотический долг историка перед своей страной, хотя этому идеальному отношению к проблеме реконструкции прошлого очень трудно следовать и в писаной истории, и в экспозициях исторических музеев.

Главный критерий оценки успеха – цена, отданная за него

Нельзя умалчивать и цену, заплаченную за прогресс. Именно цена – главный критерий оценки успеха, как бы это ни противоречило психологии русского человека, часто готового платить за достижение успеха «любую цену».

Стоит только поставить в центр писаной истории не государство и его интересы, а человека с его интересами, как история может оказаться принципиально другой. Мы – музейные историки – имеем на это право, его дала нам вторая статья Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [8, с. 4].

Оценивать исторические процессы как прогрессивные необходимо с точки зрения развития человека

У всех достижений есть своя цена, и умалчивать о ней – бессовестно. Наоборот, оценивать исторические процессы как прогрессивные необходимо, в первую очередь, именно с точки зрения развития человека, его пространства свободы, качества его повседневной жизни. Слова поэта А. Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», – трудно оспорить. Это важная нравственная максима.

Такая задача была поставлена в 2003 году перед научным коллективом Музея политической истории России. Она воплотилась в 2013 году в виде масштабной (около 1000 кв. м.) постоянной экспозиции «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях» – настоящего «музея в музее» в средней части комплекса из двух памятников архитектуры и архитектурной вставки между ними, который наш музей занимает с 1955 г.

Научная концепция экспозиции «Человек и власть»

Работа над этим проектом была начата с прояснения для себя основных исторических и экспозиционных принципов, на основе которых он должен быть создан. Вот эти принципы, как они были изложены во второй редакции научной концепции Центральной экспозиции Государственного музея политической истории России «Личность и власть в России: история взаимоотношений в важнейшие периоды XIX–XX веков» (2007).

Цивилизационный подход к рассмотрению политической истории России

В Центральной экспозиции политическая история России рассматривается в основном с позиции цивилизационного подхода. То есть различные периоды отече-

ственной истории воспринимаются как звенья противоречивого процесса развития российской цивилизации, несущие в себе элементы не только отрицания прошлого, но и их преемственности, несмотря на революционные изменения в общественно-политической системе страны в 1917 г. и начале 1990-х гг.

Антропологический подход – история как деяния людские

Прошлое России представляется с антропологических позиций, которые реабилитируют традиционное понимание истории как «деяний людских». Авторы научной концепции исходят из того, что и судьба процесса реформ, и сила революционного натиска, и стремление стабилизировать государство на консервативной основе существенным образом зависели от личностей, которые стояли за этими процессами и направляли их реализацию. Однако в неменьшей степени, чем идеи и усилия общеизвестных исторических лиц, исторические события формирует многоликая суммарная судьба «рядовых Истории». И те и другие оставили свой след в истории. И те и другие являются равноправными персонажами образа прошлого нашей страны.

Семейные комплексы отражают участие в исторических событиях нескольких поколений

Постоянным системообразующим элементом разделов Центральной экспозиции стали многочисленные семейные комплексы вещей и документов, отражающие участие в важнейших исторических событиях нескольких поколений близких родственников. Эти материалы в максимально полном объеме «очеловечивают» как вертикальное, так и горизонтальное структурирование потока исторического времени.

Экспозиция отражает различные концепции развития России

Кроме того, в экспозиции нашли свое место несколько концепций развития России, различные взгляды на ее историю (историков, политических и общественных деятелей, простых людей). В пределах одной экспозиции, таким образом, сосуществуют несколько альтернативных «историй России», что позволяет проводить на экспозиции дискуссии, способствовать развитию толерантной политической культуры [9].

Экспозиция дает пример альтернативной истории

Дополним основополагающий документ в истории создания экспозиции еще несколькими соображениями. Тема нескольких концепций развития России появилась в нем не случайно. Марксистская теория последовательной смены общественных формаций рухнула на рубеже 1980–1990-х гг. XX столетия. Страна развернулась вспять, к капитализму, и всем стало ясно, что развитие истории не однолинейно, оно не подчиняется непреложным законам. В этом процессе могут быть развилки с равновероятным исходом, могут быть и точки возврата к прошлому. Музей политической истории Рос-

сии дает пример такой альтернативной истории, где уважительно, толерантно относятся к разным ее оценкам. Представляется, что этот пример показывает, как могут ужиться несколько взглядов на исторический процесс не только на одной музейной экспозиции, но и в одном учебнике по истории.

Основной цивилизационной скрепой национальной идентичности остался человек

Не случайно среди важнейших принципов, на которых строится данная экспозиция, оказался антропоцентризм, а в экспозиции появились многочисленные семейные комплексы вещей и документов. В 1991 и в 1993 годах XX столетия «распалась цепь времен» и политическая история страны потеряла целостность, разделившись на историю до 1917 г., советский период и «новую демократическую Россию с рыночной экономикой». В результате основной цивилизационной скрепой национальной идентичности, национального единства остался человек, поэтому и история стала не просто историей событий, а историей жизни людей в разные периоды. Даже в разделе, посвященном ГУЛАГу, главным образом представлены не ужасы лагерей, а стремление людей, попавших в тот ад, даже в такой нечеловеческой обстановке остаться людьми.

«Большая» история страны рассматривается сквозь призму «малых» историй конкретных семей

На протяжении всей экспозиции реализуется принцип рассмотрения «большой» истории страны сквозь призму «малых» историй конкретных семей. Исторические персонажи присутствуют в музейном повествовании не только сами по себе, но и как представители своего рода, судьба которого прослеживается вплоть до сегодняшнего дня. Важно отметить, что выдвижение человека на авансцену истории имело существенные последствия для структурирования экспозиции. Этот акцент начал по-новому собирать вокруг себя события политической истории, оправдывать их отбор и отражать их значимость для людей, живших в ту или иную историческую эпоху.

На экспозиции нашлись равноправные места для разных событий общего потока истории

Такой подход изменил музейную презентацию привычных экспозиционных тем и оправдал включение новых.

Так, к примеру, в зале, посвященном советскому периоду, нашлось место не только для промышленных первенцев первых пятилеток, Великой Победы 1945 года, для крупнейших в мире магистральных газопроводов, Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности в Европе 1975 г., Конституции СССР 1977 г., Первого Съезда народных депутатов СССР 1989 г., для победы Б.Н. Ельцина на выборах 1996 г., его добровольной отставки 31 декабря 1999 г. и передачи власти В.В. Путину.

На равных правах с ними соседствуют музейные комплексы, посвященные так называемым трудным вопросам истории: раскрестьяниванию деревни в годы сталинского «великого перелома», Большому террору 1937–1938 годов, труду заключенных ГУЛАГа, партнерским отношениям с нацистской Германией при разделе Польши в 1939 г., стратегическим ошибкам руководства страной в начале Отечественной войны, преследованию инакомыслящих в 1970-х гг., безудержной денежной инфляции конца 1980-х – начала 1990-х гг., трагедии мирных жителей села Самашки в 1995 г., убийству Г.В. Старовойтовой. Всем этим событиям нашлось место на экспозиции «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях».

Акцент в экспозиции – становление человека-гражданина в России

В процессе создания художественного сценария в содержании экспозиции появился еще один важный акцент. По сути, наша экспозиция посвящена тернистому процессу признания за человеком в России и осознания им самим пространства гражданских прав и свобод, борьбе человека за расширение этого пространства, становлению в России человека-гражданина, демократической альтернативе развития истории в ее переломные моменты. В экспозиции более двадцати различных героев, в их числе: декабрист; крестьянин времен Великих реформ Александра II; философ и литератор, выступавший за расширение прав земства; император и рабочий, убитый во время шествия к царю 9 января 1905 года; домашний врач императорской семьи; партработник – критик сталинского режима; советский разведчик, предупреждавший руководство страны о скором нападении Германии; командующий парадом Победы с выбитыми в сталинских лагерях зубами; правозащитники, требовавшие уважения к Конституции; первый секретарь ЦК КПСС; мэр Петербурга и другие.

Научное содержание экспозиции базируется на понимании истории как истории альтернатив

Таким образом, основную цель создания новой исторической экспозиции можно сформулировать как формирование полноценной исторической памяти и воспитание толерантной политической культуры. Научное содержание экспозиции базируется на понимании истории как истории развилок, альтернатив и важности антропологической составляющей исторического процесса, а герои экспозиции – люди действия, которые в переломные моменты истории находят в себе силы и решимость совершить гражданский поступок и взять на себя ответственность за свой выбор.

Особый акцент экспозиции – история демократической альтернативы в развитии России

Можно сказать, что особый акцент на экспозиции «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях» сделан на истории демократической альтернативы в раз-

витии страны, становлении в России гражданского самосознания и элементов гражданского общества.

Приведем небольшой пример того, как указанные выше положения научного проекта воплотились в жизнь в одном из десятков сюжетов историко-художественного сценария экспозиции «Человек и власть». Он взят из так называемого «Исторического задания» – своего рода «технического задания», которое давалось научными сотрудниками музея дизайнерской группе на создание каждого из экспозиционных комплексов.

Раздел экспозиции «Бессмысленные мечтания»

Тема: «17 января 1895 г. Первый торжественный прием в Зимнем дворце нового императора. Николай II отвергает просьбу земств об участии выборных представителей народа в обсуждении законопроектов».

Основной конфликт: Земские гласные, осознавая себя избранными представителями народа и выразителями их чаяний, попытались высказать в нескольких приветственных адресах очень скромные пожелания о необходимости учета народного мнения в делах управления государством взошедшему на престол молодому монарху.

Монарх, увидевший в таких пожеланиях недопустимый подрыв устоев самодержавия, воспользовался большим императорским приемом, на котором присутствовали представители от земств всех российских губерний, и назвал подобные пожелания «бессмысленными мечтаниями».

П. Б. Струве, реагируя на отповедь, сделанную земцам царем, в своей первой публичной речи подверг этот шаг царя жесткой критике и предрек грозные для режима последствия этого шага.

Основное послание зрителю

Вот он исток, первопричина системного разлада между верховной властью и народом, вызвавшего в конечном счете три российские революции и крах монархического режима.

Вот она, высокомерно упущенная Николаем II возможность плавной и спасительной его модернизации.

Вот как ощущающий свои гражданские права, ответственно мыслящий и обладающий чувством собственного достоинства человек может освободиться от раболепного страха перед властью и вступить с ней в открытый, публичный, аргументированный диалог.

«Герой» **экспозиции** – молодой леволиберальный философ П. Б. Струве.

Арт-объекты: имитация газетной тумбы вокруг колонны с нишами для экспонатов, фотоколлаж «Земские деятели конца XIX в.».

Экспонат – основа музейного текста

Экспонат даже в такой экспозиции, как «Человек и власть», где роль элементов дизайна намного выше, чем обычно, все равно остается основой музейного текста. Таковы фотопортреты двух ровесников – императора и философа. Разумеется, экспонат содержит и важную вербальную информацию, как, например, газеты января 1895 года с заметками о большом императорском приеме в Зимнем дворце по поводу бракосочетания Николая II и Александры Федоровны; о лишении тверских земцев, включивших в поздравительный адрес новому императору пожелания «о допуске к престолу народного гласа», права занимать в дальнейшем выборные должности; само открытое письмо Николаю II, написанное П. Б. Струве (гектограф). Однако, прежде всего, экспонат (в нашем случае ванночка и типографский валик, которые использовались при печати гектографированных листовок) вступает в диалог с посетителем за счет своей вещной подлинности.

Структура постоянной экспозиции музея – цветок ромашки

На художественном решении центральной части музея, отданной под строительство экспозиции «Человек и власть», необходимо остановиться подробно. Перед архитекторами, дизайнерами и сценаристами была поставлена непростая задача: на относительно небольшом пространстве создать экспозицию, которая представляла бы обзор отечественной политической истории за два с лишним века и позволяла дать яркое, запоминающееся на всю жизнь цельное представление о ней за одно посещение. Конечно, обзор исторического периода, до предела заполненного историческими событиями эпохального значения, мог быть только фрагментарным. Восполнять отражение отсутствующих исторических сюжетов призваны другие, более детализированные экспозиционные проекты, создаваемые по проблемному принципу и окружающие центральную обзорную экспозицию наподобие лепестков на цветке ромашки.

В свою очередь, преодоление событийной фрагментарности внутри центральной экспозиции и создание цельного, интегрального и исторически правдивого видения как отдельных периодов, так и всей двухвековой истории России в целом стало возможным за счет уникального художественного решения.

Каждый зал как тотальная инсталляция позволяет увидеть эпоху изнутри

Группа петербургских дизайнеров с помощью широкого использования инсталляционных приемов, которое в таких масштабах не имеет аналогов в отечественных исторических музеях, и современного мультимедийного оборудования создали особую среду для эмоционального, свежего восприятия музейных экспонатов. Каждый

зал экспозиции выстраивается как тотальная инсталляция, позволяющая увидеть эпоху как бы «изнутри», воспринять ее целостно, чувственно, вплоть до тактильных ощущений. С учетом относительно небольшого количества экспонатуры на первом плане в экспозиции были созданы многочисленные интерактивные зоны, содержащие документальные материалы из коллекции музея, частных и государственных архивов. Благодаря им посетитель может значительно пополнить свои знания, полученные при общем обзоре экспозиции.

«Голоса истории» – свидетельства очевидцев

Наряду с экспонатами, арт-объектами, видеоинсталляциями и другими элементами экспозиции, большая роль в ней отводится «голосам истории», транслируемым в текстах и аудиопрограммах. Особенную роль среди них играют свидетельства очевидцев исторических событий. Они отчетливо передают дух эпохи, содержат яркие и, как правило, полярные по смыслу оценки очередных развилок нашей истории. Среди нововведений и так называемые Анкеты героев. Это особого рода арт-объекты, содержащие биографические сведения и описание «звездной минуты» в жизни человека, оставившей след в истории страны. Отметим, что практически все тексты продублированы на английском языке, что вызвало поток хвалебных отзывов от иностранных туристов.

На отзывах посетителей надо остановиться особо.

Наш музейный эксперимент абсолютным большинством был оценен в высшей степени позитивно, а некоторые посетители написали даже, что испытали на экспозиции эмоциональный шок, катарсис, восприняв ее как долгожданную «честную» историю нашей страны.

Отзывы посетителей экспозиции «Человек и власть»

- Потрясающе и информативно! Спасибо – казалось, знаем многое, знаем емко, но Ваши инсталляции буквально визуализировали кратко все пережитое нашей Родиной и людьми. Ее гордость и ее горе, ее достижения и потери. Спасибо огромное.
- Великолепная экспозиция, богатая документами, и умным их представлением «за» и «против». Одного визита недостаточно, надо вернуться сюда еще раз. Общий вывод: «Какая история!!!» (пер. с фр.).
- Экспозиция завораживает. Шокирует. Ломает. Накладываются впечатления на конкретные факты из истории семьи, страны. Поражает и вызывает слезы. Большое спасибо! Это лучшие уроки истории!
- Захватывающая эпоха, где кровь смешивается с надеждой на свободу, которая мало-помалу рождалась... но какой ценой! Сердечные поцелуи русскому народу (пер. с фр.) [10].

Ответ на критику

Из немногих критических отзывов нельзя не упомянуть один, важный для нас концептуально.

«Историю должно освещать беспристрастно. И черные, и белые стороны. Здесь мы видим обычное поругание всего советского и оправдание «правозащитников», многие из которых были задержаны заслуженно. Не надоело плевать в прошлое и танцевать на костях?! Это прошлое строили, в том числе и ваши родители дедушки и бабушки. Их тоже оплюем?»

С уважением относясь и к этой точке зрения, нельзя заочно не ответить ее автору. Неужели говорить о поражениях, ошибках и преступлениях в историческом музее можно только применительно к недругам? «Танцевать на костях бабушек и дедушек» нельзя – это святое. Действительно, аморально устраивать из горького осознания фактов любого прошлого безнравственные игрища. Но где границы этого морального, нравственного запрета? А относиться как к врагам к своим прабабушкам и прадедушкам, жившим до советской власти и воевавшим с этой властью, уже можно? Это уже не те «наши», которых нельзя тронуть? Как мало в таких оценках понимания истории в ее глубинном смысле и, оказывается, как лично мы воспринимаем тонкую плоть истории – связь времен, идущую от человека к человеку.

Мейнстрим научных изысканий – содержание и границы интерпретации истории

Стержневая проблема, мейнстрим научных изысканий сотрудников, работающих в исторических музеях, – это содержание и границы музейной интерпретации истории. Основой напряженной работы экспозиционеров музея над данной экспозицией (и не только над ней) было осознание необходимости обеспечить максимально полную связь любой интерпретации с той реальной историей, которая произошла на самом деле.

Французская историческая школа «Анналов» – вот пример методологии приближения к полнокровной, объективной истории, к слепку с того, что было. Но, к сожалению, этот комплекс бесконечного многообразия глубинных связей, учитываемых в объемистых трудах последователей этой исторической школы, в музейной практике и вовсе недостижим.

Нет таких исторических фактов, которые надо вычеркнуть из истории

Наша экспозиция при всей ее эмоциональности, мощи обобщающих, символических образов ставит каждого посетителя перед фактами и взглядами реально существовавшими. Среди них нет достойных памяти и недостойных, нет таких, о которых надо навсегда забыть, вычеркнуть из истории, не писать о них в учебниках. Данная статья, инспирированная ситуацией в обществе и политикой государства, говорит именно о таком под-

ходе к презентации истории, осуществленной в рамках отдельного музея.

Постскриптум

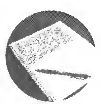
На ежегодном Санкт-Петербургском конкурсе Межведомственного музейного совета «Музейный Олимп-2013» экспозиция «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях» была удостоена награды «Лучшая экспозиция 2013 года», а Музей политической истории России, завершивший с ее открытием все планы по реконструкции, предусмотренные десятилетней Программой развития музея, получил звание «Лучший музей 2013 года».

---

1. Из стенограммы открытия новой экспозиции Государственного музея политической истории России «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях». 19 апреля 2013 г.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Научная концепция Центральной экспозиции Государственного музея политической истории России «Личность и власть в России: история взаимоотношений в важнейшие периоды XIX–XX веков» // Политическая история России. Теория и музейная практика. Сборник научных трудов. Выпуск IV. ФГУК «Государственный музей политической истории России». – СПб., 2004. – С. 8.
6. *Петрова М.* Концепция единого школьного учебника истории – в чем суть // Информационно-аналитический журнал «Политическое образование», 2014 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lawinrussia.ru/node/292736 (дата обращения: 20.01.2014).
7. Эксперты: внедрение единого учебника истории ведет к политической цензуре // РИА NR2, 2014. – 5 февраля [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nr2.ru/moskow/480291.html (дата обращения: 20.01.2014).
8. Конституция Российской Федерации: Официальное издание. – М., 2009. – С. 4.
9. Научная концепция Центральной экспозиции Государственного музея политической истории России «Личность и власть в России: история взаимоотношений в важнейшие периоды XIX–XX веков» // Из архива Отдела научно-экспозиционного проектирования МПИР. – СПб., 2007.
10. Тезисы доклада «Музейная Книга отзывов как социокультурный источник» будут опубликованы в

апреле 2014 г. к ежегодному круглому столу «Музей и проблемы “культурного туризма”», который проводит Государственный Эрмитаж. В тезисах в суммарном виде сопоставлены основные задачи, которые ставили перед собой создатели экспозиции «Человек и власть», с отражением полученного результата в отзывах посетителей.

Александр Денисов

ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Аннотация. *Проводится анализ проблемы интернет-зависимости, рассматриваются компоненты, аспекты, симптомы этой зависимости. Особое внимание уделяется онлайн-играм и способам вовлечения пользователей в игровой процесс на основе элементов метода обучения Б. Скиннера.*

Ключевые слова: *аддикция; интернет-зависимость; компоненты всякой зависимости; многопользовательская ролевая онлайн-игра (MMORPG); принцип нерегулярного подкрепления; компульсии.*

Abstract. *Analyses the problem of Internet addiction, are considered components, aspects, the symptoms of this dependence. Special attention is paid to the online games and ways of involving users in the gameplay on the basis of the elements of the technology of learning B. F. Skinner.*

Keywords: *addiction; Internet addiction; components of any addiction; multiplayer online role-playing game (MMORPG); schedules of reinforcement; compulsive.*

1. Интернет-зависимость

Психологические исследования интернет-зависимости

Основные направления психологических исследований сети Интернет, которые проводятся в настоящее время, как правило, связаны с изучением интернет-зависимости (интернет-зависимого поведения), формами ее проявления, разработкой методов диагностики, поиском взаимосвязей с отдельными сторонами личности и социальным окружением.

Аддиктивное поведение и изменение сознания

Аддиктивное поведение (от лат. *addictus* – слепо преданный, пристрастившийся) обычно определяется как «особый тип форм деструктивного поведения, которые выражаются в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния» [1, с. 22–23]. В.Д. Менделевич, говоря об изменении состояния сознания как ведущем критерии патологичности зависимости, отмечал, что аддикция может быть *системной,* то есть охватывающей все

отношения (или их большинство) личности с окружением (наркомания, алкоголизм, никотинизм, гемблинг, фанатизм), и *элементарной*, ограничивающейся узким кругом действий и поведенческих актов. В качестве личностных факторов формирования зависимости он выделял инфантильность, внушаемость и подражательность, прогностическую некомпетентность, ригидность и упрямство, наивность, простодушие и чувственную непосредственность, любопытство и высокую поисковую активность, максимализм, эгоцентризм, яркость воображения, впечатлений и фантазий, нетерпеливость, склонность к риску и «вкус опасности», страх быть покинутым [2, с. 5, 9].

Интернет-зависимость

Интернет-зависимость – навязчивое желание подключиться к Интернету и неспособность вовремя отключиться от него.

Понятие «интернет-зависимость» (Internet addiction disorder, IAD) было предложено И. Голдбергом в 1995 г., эмпирическое исследование этого феномена было начато К. Янг на год раньше [3].

Один из наиболее цитируемых в мире авторов в области психологии зависимостей, специалист по психологическому изучению игроков в азартные игры, директор International Gaming Research Unit, Psychology Division, Nottingham Trent University, английский исследователь М. Гриффитс рассматривал интернет-зависимость как один из видов технологических зависимостей, объединяющих нехимические (поведенческие) зависимости, включающие избыточное взаимодействие между человеком и машиной. Среди подобных зависимостей различаются пассивные (например, просмотр телепрограмм) и активные (видеоигры). Как правило, и в случае активных, и в случае пассивных зависимостей можно предполагать наличие индуцирующих и подкрепляющих элементов, способствующих развитию аддиктивных тенденций [4].

Компоненты интернет-зависимости

Технологические зависимости могут рассматриваться как разновидность поведенческих зависимостей: они включают такие ключевые компоненты всякой зависимости, как «сверхценность» (salience), модификация настроения (mood modification), увеличение толерантности (tolerance), симптомы отмены (withdrawal), конфликт с окружающими и с самим собой (conflict) и рецидив (relapse).

Интернет как питательная среда для поддержания других зависимостей

Следует отметить, что единого взгляда на явление интернет-зависимости до сих пор не существует. Более того, ряд авторов указывают, что непосредственно интернет-зависимости нет вовсе. В частности, М. Гриф-

фитс писал: «...я утверждаю, что большая часть тех, кто избыточно применяет Интернет, не являются зависимыми непосредственно от Интернета, для них Интернет – это своего рода питательная среда для поддержания других зависимостей... Я полагаю, что следует проводить различие между зависимостью непосредственно от Интернета и зависимостями, связанными с применениями Интернета» [5, p. 192]. Кроме этого, возникает ряд вопросов, связанных с разграничением понятий «навязчивость» (обсессивно-компульсивные реакции) и «зависимость».

В некоторых странах интернет-аддикция признана серьезной проблемой

Тем не менее в настоящее время в некоторых странах интернет-аддикция уже признана серьезной проблемой и принимаются меры по ее решению. В частности, в 2005 году в Китае была создана первая клиника по лечению больных виртуальной зависимостью, где взрослые проходят курс терапии продолжительностью 10–15 дней, включающий ранний подъем, занятия спортом, антидепрессанты, иглотерапию и разряды электрошока [6]. В Китае существуют специальные лагеря казарменного типа для подростков моложе 18 лет, куда их привозят родители на срок до полугода. Все это время зависимые от Интернета подростки находятся на территории центров, изучают стройподготовку и так же, как и взрослые, лечатся разрядами электричества [7]. В Финляндии зависимым от Интернета предоставляют отсрочку от призыва в армию.

В DSM-5 ввели категорию «Расстройство, связанное с интернет-играми»

В свете результатов большого количества исследований Американская психиатрическая ассоциация (APA) включила в пятое издание Руководства по диагностике и статистике психических расстройств (DSM-5, 2013) категорию "Internet Gaming Disorder". 21–22 марта 2014 года в Милане прошел первый интернет-конгресс по зависимости от Интернета (Internet Congress on Internet Addiction Disorders) [8].

Аспекты интернет-зависимости

Рассматривая интернет-зависимость, А. Е. Войскунский перечислил ряд аспектов этого явления:

- зависимость от компьютера (обсессивное пристрастие к работе с компьютером – играм, программированию или другим видам деятельности);
- «информационная перегрузка» (интернет-серфинг, компульсивная навигация по Сети);
- компульсивное применение Интернета (патологическая привязанность к азартным онлайн-играм, онлайновым аукционам или покупкам в интернет-магазинах);
- зависимость от «киберотношений» (от социальных применений Интернета, активное участие в жизни социальной сети);

• зависимость от «киберсекса» (от порнографических сайтов в Интернете, обсуждения сексуальной тематики в чатах или специальных видеоконференциях «для взрослых») [9, с. 114].

Симптомы интернет-зависимости

Согласно американскому исследователю интернет-зависимости М. Орзак, наиболее общими психологическими и физическими симптомами, характерными для интернет-зависимости, являются:

Психологические симптомы интернет-зависимости

Психологические симптомы:

- хорошее самочувствие или эйфория за компьютером;
- невозможность остановиться;
- увеличение количества времени, проводимого за компьютером;
- пренебрежение семьей и друзьями;
- ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером;
- ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности;
- проблемы с работой или учебой.

Физические симптомы интернет-зависимости

Физические симптомы:

- синдром карпального канала (туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с длительным перенапряжением мышц);
- сухость в глазах;
- головные боли по типу мигрени;
- боли в спине;
- нерегулярное питание, пропуск приемов пищи;
- пренебрежение личной гигиеной;
- расстройства сна, изменение режима сна [10].

Предвестники интернет-зависимости

Предвестники интернет-зависимости:

- навязчивое стремление постоянно проверять электронную почту;
- предвкушение следующего сеанса онлайн;
- увеличение времени, проводимого онлайн;
- увеличение количества денег, расходуемых на Интернет [3].

Признаки интернет-аддикции

***Признаки наступившей интернет-аддикции*:**

- всепоглощенность Интернетом;
- потребность проводить в Сети все больше и больше времени;
- повторные нерезультативные попытки уменьшить использование Интернета;
- при прекращении пользования Интернетом – возникновение симптомов отмены;
- проблемы контроля времени;
- проблемы с окружением (семья, школа, работа, друзья);

- ложь по поводу времени, проведенном в Сети;
- изменение настроения посредством использования Интернета.

Как отмечала К. Янг, формированию интернет-зависимости способствуют такие характеристики киберпространства, как анонимность, удобство использования, избегание [11, p. 2].

2. Онлайн-игры

Одной из наиболее активно развивающихся форм взаимодействия в Интернете являются онлайн-игры. Именно они, на наш взгляд, представляют особый интерес для исследователя, поскольку данная форма деятельности предполагает широкие возможности игрока в реализации самых разных потребностей.

Онлайн-игра – компьютерная игра, использующая постоянное соединение с Интернетом [12]. Как правило, онлайн-игры подразделяются на браузерные, казуальные и клиентские.

Виды онлайн-игр

Браузерные игры представляют собой категорию онлайн-игр, в которых веб-браузер выступает либо в роли операционной оболочки для игр, позволяя играть без установки на компьютере дополнительного ПО, либо служит контейнером для дополнительной виртуальной машины, которая непосредственно выполняет код игры. Браузерные игры пользуются популярностью у разработчиков азартных коммерческих игр, в частности интернет-казино, что обусловлено отсутствием процесса установки игры на компьютер [13]. В последнее время с развитием веб-графических технологий, таких как флэш и Java, браузерные онлайн-игры стали сложнее. Как правило, сейчас они обозначаются как флэш-игры и могут предполагать участие миллионов пользователей. В частности, на основе браузера работает популярная среди молодежи за рубежом Neopets.

Казуальные игры (от лат. *casualis – случайный*) – простые по структуре и короткие игры, обычно заканчивающиеся в рамках одного сеанса нахождения в Интернете (например, пазлы, головоломки, пасьянсы).

Клиентские игры – игры, использующие программы-клиенты, написанные специально для этой игры или группы сходных игр. К этой категории онлайн-игр обычно относят MMORPG.

Массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры

MMORPG (англ. *massively multiplayer online role-playing game* – массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра) – компьютерная игра, в которой жанр ролевых игр совмещается с жанром массовых онлайн-

игр и предполагает взаимодействие большого количества игроков в виртуальном мире. Именно данная категория онлайн-игр, на наш взгляд, заслуживает особого внимания исследователей.

Динамика аудитории рынка онлайн-игр в мире

Число пользователей онлайн-игр в России и мире неуклонно растет. Согласно результатам исследования «Российский рынок онлайн-игр, 2010–2016», проведенному компанией J'son & Partners Consulting, в 2016 г. каждый третий житель России будет играть в онлайн-игры различных типов, а аудитория онлайн-игр составит 56,46 млн человек [14]. При этом большинство игр на российском рынке будет условно-бесплатным. Предполагается, что в этот период 60% всей выручки онлайн-игр в мире придется на MMORPG.

Одна из наиболее заметных тенденций, отмечаемых в данном исследовании, – это рост количества онлайн-игроков в социальных сетях, что, как ожидается, продолжится в дальнейшем. При этом обращает на себя внимание основной тренд, проявившийся с 2012 года – рост числа игроков (и мужчин, и женщин), ранее не игравших в онлайн-игры.

Две основные игровые стратегии – PvE и PvP

Большинство современных MMORPG предполагает две основные стратегии игры:

PvE – Игрок против Окружения (англ. *Player versus Environment*). Игра построена на отношениях «Игрок–Мир». Взаимодействуя с игровым окружением, игрок улучшает характеристики собственного персонажа и продвигается по сюжетной линии (если таковая существует). В MMORPG процесс PvE практически всегда является единственным способом развития («прокачки») персонажа.

PvP – Игрок против Игрока (англ. *Player versus Player*). Игра строится на отношениях «Игрок–Игрок», где главенствующую роль играет фактор коммуникации, противостояния и обмена игровыми предметами между игроками. Каждый конкретный игрок может в большей степени предпочитать PvP или PvE. Экипировка играющего, тактика и стратегия поведения в каждом из этих случаев сильно различаются.

Сообщества игроков: гильдии, кланы

На основе предпочитаемых стратегий игры геймеры в большинстве случаев объединяются в PvE- или PvP-кланы (гильдии). Как правило, PvP-кланы начинают бороться за территорию, ресурсы и т.д., что приводит к клановым войнам. Внутриклановая дифференциация статусов игроков, построенная по военному принципу (мастер, маршал, майор, капитан, дипломат и т.д.), в этом случае начинает играть бо́льшую роль, нежели в PvE-гильдиях.

Сложности проведения эмпирических исследований онлайн-игр

Несмотря на популярность онлайн-игр, этой сфере Интернета в психологии (особенно отечественной) уделяется незаслуженно мало внимания. Это во многом связано со сложностью организации и проведения эмпирического исследования. Пользователи игр проживают в разных населенных пунктах, часто в разных странах, что приводит к увеличению неоднородности выборки и усложнению контроля за ходом исследования (если оно проводится дистанционно). Кроме того, в последнем случае серьезной проблемой является достоверность предоставляемых испытуемыми данных.

Изучение онлайн-игр как в России, так и за рубежом в основном связано с исследованием формирования зависимости от них (internet gaming disorder). В частности, К. Брент, изучая игроков популярной MMORPG World of Warcraft (выборка составила 438 человек), выявил, что доля лиц, зависимых от игры, составляет примерно 44% от всех ее подписчиков [15].

Video game addiction – зависимость от видеоигр

Зависимость от видеоигр определяется как чрезмерное или навязчивое использование компьютерных игр или видеоигр, воспринимаемых как неотъемлемая часть обычной жизни [16]. Эта зависимость может проявляться в навязчивой потребности играть, социальной изоляции, колебаниях настроения, снижении воображения и гиперсосредоточенности на внутриигровых событиях и достижениях при игнорировании других событий жизни.

Периодически происходят случаи, когда длительная игра приводит к трагическим последствиям. Например, в 2011 году американская домохозяйка, увлекшись игрой в популярную онлайн-игру World of Warcraft, забыла про свою трехлетнюю дочку, которая умерла от недоедания и обезвоживания [17].

Подход к созданию игр изменился

Д. Вонг, разработчик онлайн-игр, отмечал, что подход к созданию игр со временем значительно изменился. Раньше разработчики продавали игру, не думая о том, сколько времени игроки на нее потратят. «Основной задачей создателей игр было сделать игрушку, которая вам понравится, чтобы назавтра вы пришли к ним за следующей. Сейчас основная масса игр – это MMO-игры (Massive Multiplayer Online Game, или многопользовательские онлайн-игры), которые должны заставлять игроков сидеть у компьютера, не отрываясь, как можно больше времени» [18]. Создавая игры, разработчики не столько придумывают новые сюжеты и квесты, сколько пытаются заставить игроков выполнять одни и те же действия снова и снова. В качестве примера можно привести «бесплатную» MMO Perfect World, где боль-

шинство квестов связано с уничтожением определенного (с каждым уровнем все бо́льшего) количества «мобов» (игровых монстров). Кроме этого, существует система достаточно однообразных ежедневных заданий с привлекательными вознаграждениями.

Игровые ценности воспринимаются как реальные

Игровые ценности воспринимаются игроками как реальные, иногда даже более значимые. Именно по этой причине Верховный суд Южной Кореи постановил, что виртуальные товары должны оформляться законодательно со всеми теми же формальностями, что и реальные [19]. Игроки во многих ролевых онлайн-играх могут заработать в процессе игры реальные деньги, продавая виртуальные товары и «прокачанных» (развитых до высокого уровня) персонажей (что в большинстве MMO-игр запрещается правилами), а также используя различные способы обмана других игроков. Индустрия виртуальных товаров в мире оценивается в пять миллиардов долларов [20].

Методы формирования зависимости от игры

Д. Вонг говорил о том, что создатели игр целенаправленно применяют методы формирования зависимости, используя систему контроля и управления поведением за счет определенных стимулов и системы вознаграждений, разработанную Б. Скиннером [16]. Другой разработчик и исследователь онлайн-игр, Ник Йи, научный сотрудник компании Ubisoft, занимающийся изучением поведения игроков, сравнивал одну из популярных онлайн-игр Everquest с виртуальным «ящиком Б. Скиннера» [21].

Использование принципа дискретного подкрепления для вовлечения в онлайн-игру

Для того чтобы игрок продолжал игру, отмечал Д. Вонг, используется принцип нерегулярного подкрепления (Variable Ratio Rewards) Б. Скиннера. В данном случае игрок получает возможность получить игровые ценности случайным образом с убитого монстра или другим способом, что позволяет проводить сравнение с «одноруким бандитом» (игровым автоматом). Ожидание богатых трофеев является для игрока сильным стимулом для продолжения игры. Как правило, шанс выпадения ценных вещей довольно невелик и игрок может находиться в состоянии перманентной фрустрации, для разрешения которой необходимо продолжать соответствующие действия.

В ряде игр для получения игровой ценности необходимо заплатить реальные деньги. Д. Вонг приводит пример корейской MMO ZT Online – в этой игре повсюду разбросаны закрытые сундуки, внутри которых могут находиться различные предметы. Чтобы открыть сундук, необходим ключ, который покупается за деньги.

Д. Вонг пишет, что этой игре позавидовали бы владельцы казино: игрок, который открыл больше всего сундуков за день, награждается специальным призом. «Таким образом, дополнительно к игровому элементу, тысячи игроков соревнуются друг с другом в том, кто из них более одержим открытием сундуков. Одна женщина рассказывала, как однажды провела весь вечер, открывая сундуки, – больше тысячи! – в надежде получить тот самый ежедневный приз. И не выиграла. Нашелся кто-то, кто открыл еще больше» [18]. По похожему принципу работает и достаточно популярная в России китайская игра Perfect World.

Формирование реакций на основе законов научения

Таким образом, можно говорить о том, что зависимость формируется искусственно на основе последовательно подкрепляемых реакций игрока. В качестве примера можно привести упоминавшуюся World of Warcraft: «Вы хотите получить броню “Tier 10”. Она состоит из пяти частей. Для того чтобы собрать их все, вы должны достать более 400 “Эмблем холода” (Frost Emblems), которые можно получить по две штуки за раз, убивая некоторых врагов. После того как вам это удалось, нужно улучшить каждую из частей брони при помощи “Знаков посвящения покорителя” (Marks of Sanctification). А затем снова улучшить при помощи “Геройских знаков посвящения покорителя” (Heroic Marks of Sanctification). Чтобы сделать все это, вы должны повторять и повторять одинаковые действия в течение – нет, не часов – дней» [18].

Факторы вовлечения в ролевую онлайн-игру

Н. Йи перечислил три основных фактора, способствующих вовлечению в MMORPG: *поощрение*, *время* и *личные привязанности* [22, p.10].

Он отмечал, что в начале игры поощрение (вознаграждение) игрок получает часто – новый уровень можно получить в течение 5–10 минут. В процессе игры интервал между поощрениями экспоненциально увеличивается – пять часов на уровень, двадцать часов и т.д. Таким образом, игра включает игрока в различные циклы поощрений (новый уровень, способность, квест) так, что он всегда видит перед собой награду. Кроме этого, наличие многослойных и перекрывающихся целей в игре позволяет игрокам добиваться нескольких наград одновременно [22].

Роль личных привязанностей

Личные привязанности во многом определяются возможностями анонимной коммуникации в рамках онлайн-игры. В процессе игры формируется сеть знакомств, часто с высоким уровнем доверия и значимости. Как правило, это достигается в результате совместных

действий в стрессовых внутриигровых ситуациях (прохождении сложных квестов, требующих взаимодействия двух или более человек). Н. Манн отмечал, что двумя основными элементами дружбы являются хорошее знакомство и взаимная забота, и MMORPG создают все условия для развития дружеских отношений [23]. В этом случае часто имеет место идеализация виртуальных друзей, что может способствовать усилению значимости игры в противовес реальности, в которой сложно получить такой уровень поддержки и кооперации.

Эмоциональные отношения

Человек в условиях игры начинает говорить о таких своих проблемах, которые никогда не обсуждает даже с близкими людьми вне игры [24]. Н. Йи отмечал, что «эмоциональные инвестиции» в игру очень высоки именно в силу возможности поделиться своими эмоциями по поводу своих удач или поражений с другими игроками и получить при этом обратную связь в желаемой форме. При этом сеть знакомств заставляет игрока оставаться примерно на том же уровне, что и друзья, побуждая каждого члена такой сети к совместному игровому прогрессу. В условиях одного клана или гильдии такие обязательства ложатся на каждого игрока, иначе он может быть изгнан из данного сообщества.

Ощущение исключительности

Н. Йи отмечал значение захватывающего, фантастического характера виртуальной среды, побуждающего игрока чувствовать свою причастность к великому, торжественному, важному, свою исключительность.

Продолжительность миссий

Кроме указанных факторов, большую роль в формировании зависимости играет вовлечение игроков в длительные по времени миссии (как, например, в World of Warcraft), отказаться от которых в процессе прохождения он может, только потеряв при этом очки или достижения.

С другой стороны, может применяться и противоположный способ – в игре New Super Mario Bros. Wii все уровни сделаны очень короткими. Уровни сменяются настолько быстро, что игрок не замечает, как проходит всю игру целиком [18].

«Играй или проиграешь»

Геймер (англ. *gamer* – игрок) может возвращаться к игре, опасаясь потерять накопленные достижения. Д. Вонг называет этот прием «Играй или проиграешь»: «Почему ваша мама как одержимая выращивает капусту в Farmville? Потому что, если она перестанет ухаживать за ней, капуста завянет и сгниет. В игре Ultima Online ваш дом или замок начнут приходить в запустение, если вы не будете регулярно посещать их. Игроки в Animal Crossing знают, как быстро весь город зарастает

сорняками, а в домах заводятся тараканы, если туда долго не заглядывать» [18]. К этому же фактору зависимости можно отнести различные рейтинги, побуждающие к игре, – рейтинг по уровню игроков, по расе, по различным игровым достижениям. Пропуск игрового события может означать снижение рейтинга игрока. Поскольку онлайн-игра предоставляет широкие возможности для реализации притязания на признание, снижение рейтинга многими игроками воспринимается довольно болезненно.

Описанные выше приемы, как отмечал Д. Вонг, нужны для того, чтобы заставить геймера продолжать играть уже после того, как он в совершенстве овладел всеми навыками игры и удовлетворил все возможные потребности. Игра превращается в достаточно однообразный процесс, самостоятельно прервать который бывает довольно сложно.

Создание новых персонажей (возможно, иной расы, класса)

Многие игроки после достижения персонажем (аватаром) определенного уровня (часто максимального), создают нового (иного) персонажа, как правило, другой расы или класса. Количество персонажей, которыми игрок может проходить систему ежедневных заданий, может быть довольно велико. В моих совместно со студентами (А.А. Авдеевым, Д.В. Донских, Р.И. Жартуном, И.О. Красновым, А.В. Смоленовой) исследованиях (общая выборка более тысячи человек) число активных аватаров у одного геймера нередко доходило до 15. В этом случае время нахождения в игре может превышать 12 часов.

3. Перспективы исследований

Проблеме исследования зависимости от онлайн-игр в нашей стране уделяется недостаточно внимания, хотя актуальность данного явления неуклонно растет. В связи с распространением ролевых онлайн-игр, представляется перспективным проводить исследования, направленные на изучение:

- индивидуальных особенностей игроков в онлайн-игры (RPG) в отличие от других форм интернет-зависимого поведения (и условно-здоровых) – эмоциональных, когнитивных, поведенческих;
- идентификации с персонажем (персонажами) – пол, внешний вид, поведение;
- возрастных особенностей игрового взаимодействия в рамках MMORPG;
- связи индивидуальных особенностей с типом деятельности в игре (экономический, героический, воинственный, альтруистический и т.д.);

- возможностей удовлетворения различных потребностей в условиях онлайн-игры;
- социально-психологических особенностей взаимодействия в игре – как на межличностном, так и на внутригрупповом и межгрупповом уровне (образование групп, лидерство, процессы принятия группового решения, стратегии взаимодействия и т.д.);
- связей особенностей межличностного взаимодействия в условиях игры и реальной жизни;
- психолингвистических аспектов общения – использование сленга, жаргона;
- психологических аспектов стигматизации в условиях игры, провокации межнациональной и межрелигиозной розни;
- проблем социализации и социально-психологической адаптации у игроков с выраженным интернет-зависимым поведением и т.д.

---

1. *Мещеряков Б.М.* Аддиктивное поведение / Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2003. – С. 22–23.

2. Руководство по аддиктологии / Под ред. В.Д. Менделевича. – СПб., 2007.

3. *Young K.S.* Caught in the net: how to recognize the signs of Internet addiction – and a winning strategy for recovery. – John Wiley & Sons, inc., 1998.

4. *Гриффитс М.* Избыточное применение Интернета: онлайновое аддиктивное поведение // Тезисы дистантных зарубежных участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития». – http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html

5. *Griffiths M.D.* A "components" model of addiction within a biopsychosocial framework // Journal of Substance Use, 10. – P. 191–197.

6. *Лавинов С.* Это надо лечить // Новые известия 12.11.2008. – URL: http://www.newizv.ru/world/2008-11-12/101392-eto-nado-lechit.html

7. Internet addiction disorder. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Internet_addiction_ disorder

8. EscTeam Diagnosi e cura delle dipendenze da Internet. – URL: http://www.escteam.net/2013/07/news/1st-esc-international-congress-on-internet-addiction-disorders/

9. *Войскунский А.Е.* Феномен зависимости от Интернета / Гуманитарные исследования в Интернете. – М.: Можайск-Терра, 2000.

10. *Orzack M.H.* The symptoms of computer addiction. – URL: http://www.psychiatrictimes. com

11. *Young K.S.* Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // CyberPsychology and Behavior, 1998, 1. – P. 237–244.

12. Online game. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Online_game

13. Онлайн-игра. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/

14. Российский рынок онлайн-игр, 2010-2016. Октябрь 2012. Пресс-релиз J'son & Partners management Consultancy. – URL: http://www.json.ru/files/reports/2012-10-03_MW_Online_Games_ RU.pdf

15. *Brent C.* Study: 44% of World of Warcraft players say that they are addicted. – URL: http://www.techaddiction.ca/44-percent-world-of-warcraft-gamers-addicted.html

16. Video game addiction. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Video_game_addiction

17. Мать заморила дочь, заигравшись в Warcraft. – URL: http://lifenews.ru/ news/60505

18. Wong D. 5 Creepy Ways Video Games Are Trying to Get You Addicted. – URL: http://www.cracked.com/article_18461_5-creepy-ways-video-games-are-trying-to-get-you-addicted.html / Пер. с англ. И. Якутенко. – URL: http://www.uraldev.ru/articles/50

19. *Eun-jung K.* Gamers make real money on virtual items, court says OK. – URL: http://english.yonhapnews.co.kr/Features/2010/01/13/48/0801000000AEN20100113009600315F.HTML

20. *Miller C.C., Stone B.* Virtual Goods Start Bringing Real Paydays. – URL: http://www.nytimes.com/2009/11/07/technology/internet/ 07virtual.html?_r=2&

21. *Yee N.* The Virtual Scinner box. – URL: http://www.nickyee.com/ eqt/skinner.html

22. *Yee N.* Ariadne – Understanding MMORPG Addiction. – URL: http://www.nickyee.com/hub/addiction/addiction.pdf

23. *Munn N.J.* The Reality of Friendship Within Immersive Virtual Worlds // Ethics and Information Technology. Volume 14, Issue 1. – P. 1–10.

24. *Yee N.* Befriending Ogres and Wood Elves – Understanding Relationship Formation in MMORPGs. – URL: http://www.nickyee.com/hub/relationships/relationships.pdf

Анна Лобачева

ПОПЫТКА АНАЛИЗА ПОВЕДЕНИЯ И РЕФЛЕКСИЙ НА СЕБЯ У ДЕЛИНКВЕНТНЫХ ПОДРОСТКОВ, ОТБЫВАЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

Аннотация. *Рассматриваются результаты исследования особенностей поведения и ценностных ориентаций делинкветных подростков, отбывающих уголовное наказание без изоляции от общества. Приводится типология поведения и самосознания делинквентных подростков.*

Ключевые слова: *нормативные ценности; ценности аморализма; делинквентность; девиации; деперсонализация; рефлексия на себя; лидеры; конформисты; ценностные ориентации; поведение; нормативное поведение; асоциальное поведение; безответственное и ответственное поведение; агрессия; типология самосознания.*

Abstract. *The results of study of peculiarities of behavior and value orientations of delinquent adolescents who are serving their sentences without isolation from the society are presented. Typology of behavior and self-consciousness of delinquent adolescents is given.*

Keywords: *normative values; values of immorality; delinquency; deviation; depersonalization; reflexion towards oneself; leaders; conformists; behavior; value orientations; normative behavior; asocial behavior; irresponsible and responsible behavior; aggression; typology of self-consciousness.*

Деструктивиый характер делинквеитиого поведеиия опасеи для общества и для самой личиости

Как известно, понятие «делинквент» (от лат. *delinquentis*) трактуется как правонарушитель, преступник. Делинквентным поведением является крайняя степень девиации, которая подразумевает под собой преступную, асоциальную направленность поступка. Девиантное поведение (от англ. *deviation* – отклонение) – действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся моральным нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию [1, с. 122–123]. Социально-негативный характер девиации деструктивен как для общества, так и для самой личности – в этом случае речь может идти о деперсонализации личности [2, с. 148, 160–161].

Оргаиизация исследоваиия делиикveитиых подростков

Нами рассматриваются результаты исследования особенностей поведения и ценностных ориентаций делинквентых подростков, отбывающих уголовное нака-

зание без изоляции от общества. Данное исследование было организовано при поддержке заместителя начальника отдела исполнения уголовно-правовых мер Управления организации исполнения наказаний Федеральной службы исполнения наказаний подполковника внутренней службы Е. В. Ермасова. Исследование было проведено в 2013–2014 гг. в филиалах № 1, 2 (СВАО), 5, 6, 7 (ВАО), 8, 9 (ЮВАО), 17, 18 (ЮЗАО), 19, 20, 21 (ЗАО), 22 (СЗАО), 24, 25 (САО) Уголовно-исполнительной инспекции города Москвы.

В исследовании приняли участие 55 мальчиков-подростков в возрасте от 13–14 до 17 лет и 25 девочек в возрасте от 14 до 17 лет. Все подростки проживают в Москве и отбывают уголовное наказание с испытательным сроком.

1. Методы исследования поведения и рефлексий иа себя у делинквентных подростков

Исследование проводилось с каждым испытуемым индивидуально.

В исследовании применялись следующие методы.

Анализ личных дел осужденных подростков

1 – *Анализ личных дел осужденных подростков* (сбор информации о преступлении подростка: статья, характер преступления, выписки из судебного решения, срок отбывания наказания, права и обязанности подростка относительно отбывания наказания).

Анкета «Первичный входной контроль»

2 – *Анкета «Первичный входной контроль»* (Е. В. Ермасов).

Сегодня этот метод используется Управлением организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Федеральной службой исполнения наказаний. Метод был разработан подполковником внутренней службы Е. В. Ермасовым для осужденных подростков, не достигших совершеннолетия.

Метод представляет собой анкету, состоящую из 36 вопросов, которые подразделены на пять основных разделов: 1. Исходные социальные данные о подростке (имя, возраст, национальность); 2. Вопросы о семье (полная, неполная семья; взаимоотношения с родителями и другими родственниками; место конфликтов в семье; имели ли место правонарушения в семье); 3. Вопросы об образовании (отношение к учебе, успешность, взаимоотношения с учителями и сверстниками); 4. Вопросы о характере асоциального (противоправного) поведения (сведения о приводах в полицию, о бродяжничестве, состоял ли ранее на учете в полиции до судимости); 5. Вопросы, касающиеся психического здоровья (факты

наличия психических отклонений, диагноз, сведения о попытках аутоагрессии).

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о влиянии условий, вызывающих преступное поведение подростка.

Метод глубинной рефлексии на себя

3 – *Метод «Глубинной рефлексии на себя» – анкета, направленная на выявление ценностных ориентаций, выстраивающих содержание звеньев самосознания (В. С. Мухина).*

Метод базируется на концепции В.С. Мухиной, согласно которой сущностное наполнение ценностными значениями каждого из звеньев структуры самосознания, когда «самосознание структурировано следующими основными его звеньями: *имя; притязание на признание; половая идентификация; психологические время; социально-психологическое пространство*» [3, с. 503].

Анкета состоит из 38 вопросов, которые подразделены на пять основных блоков: 1. Отношение к имени: изучается значимость для подростка собственного имени; наличие кличек и других стигматов, заменяющих имя; 2. Притязания на признание подростка: изучаются особенности удовлетворенности своей персоной, устремления подростка; 3. Психологическое представление о себе как представителе пола: изучается отношение испытуемого к себе как представителю своего пола, а также отношение к противоположному полу; 4. Психологическое время: вопросы, касающиеся отношения подростка к прошлому, настоящему и будущему; 5. Нормативность: изучается не только социально ориентированное отношение к нормам, правам и обязанностям, но и сущностная мотивация на социальные нормы и на нормы аморализма.

Данные, полученные в ходе проведенного исследования, могут дать основания для выводов об особенностях рефлексии делинквентного подростка на самого себя, на собственные ценностные ориентации, на свое место в мире.

Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания

4 – Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания (В. С. Мухина)

Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания был разработан В.С. Мухиной и предназначен для изучения личностных особенностей в ситуации фрустрации детей и подростков в возрасте от 5 до 18 лет. Данный метод состоит из 26 черно-белых рисунков, на которых изображены фрустрирующие ситуации общения с воспитателем, с родителями и со сверстниками. Фрустрацирующие ситуации могут

выступать в качестве стимулов негативных реакций и переживаний. Возникновение фрустрации может быть обусловлено не только проективной ситуацией депривации, но и личностными особенностями испытуемого, в том числе особенностями его самосознания.

Данный метод проективный, поэтому ожидается, что испытуемый будет переносить предъявляемые ситуации на себя и, следовательно, будет проявлять типичные для него поведенческие реакции.

Каждому испытуемому давалась следующая инструкция: «Тебе будут представлены рисунки проблемных ситуаций. Я буду говорить от лица учителя, родителя или сверстников. Ты же будешь отвечать от лица героя так, как бы ты проявил себя в подобной ситуации». Одновременно с инструкцией подростку демонстрируется персонаж, от лица которого ему предлагается отвечать.

Тест к рисункам построен таким образом, что в вербальных обращениях в ситуациях, изображенных на рисунках, отражены типичные для обыденной жизни стигмы и уничижительные реплики. Такая организация стимулов предполагает, что стимульные ситуации должны вызывать свойственные подросткам поведенческие, вербальные и эмоциональные формы реагирования [4; 5].

Глубинный рефлексивный тест-самоотчет «Кто Я?» *(В. С. Мухина)*

5 – *Глубинный рефлексивный тест-самоотчет «Кто Я?» (В. С. Мухина).*

Метод глубинного рефлексивного теста-самоотчета «Кто Я?», разработанный В. С. Мухиной, позволяет изучить сущностные особенности самосознания личности. Данный метод является рефлексией испытуемого на самого себя: на личностные свойства, на собственные ценностные ориентации, на цели и смыслы [6, с. 116–129].

В. С. Мухина подчеркивает значимость и сложность для человека вопроса «Кто Я?»: для ответа испытуемому необходимо обратиться к своему внутреннему миру, «повернуть» сознание на самого себя. С одной стороны, данный вопрос свойственен человеку на всех этапах жизненного пути, с другой – может вызвать недоумение.

В ходе исследования испытуемому предлагается ответить на вопрос «Кто Я?» не менее 15 раз – эмпирически выверенное количество, возможное для глубинной рефлексии на себя и ответов на задаваемые вопросы. При этом время, предоставляемое испытуемым для ответов, не ограничено [Там же].

Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания и глубинный рефлексивный тест-самоотчет «Кто Я?» на протяжении многих лет используются в исследованиях способности к рефлексии на себя. Так, этот метод был использован в диссертационных исследованиях А.А. Ивановой, Т.Ц. Дугаровой, И.А. Шолохова, М.А. Варгинян, Е.В. Афонасенко, Лю Цунъин, Д.И. Шино, О.В. Калиниченко, А.А. Васильченко, З.М. Гаджимурадовой, О.Ж. Канжунгу, А.М. Двойнина, С.В. Мелкова, В.П. Велева и многих других учеников В.С. Мухиной.

Диагностический и терапевтический характер методов

Все представленные выше методы являются прежде всего диагностическими, но они (как на том настаивает В.С. Мухина) несут в себе глубокую развивающую и воспитывающую сущность. Перечисленные психологические методы, обращенные к глубинной сущности самих испытуемых, побуждают подростка обратиться к самому себе, к своему внутреннему миру, к своим ценностным ориентациям.

Как указывают В.С. Мухина и В.С. Басюк, тонкая рефлексия на себя еще не свойственна большинству подростков в обыденной жизни [7, с. 114–116]. В конце беседы подростки зачастую высказывают желание продолжить общение с психологом. Часты суждения подростков: «Я раньше не задумывался о себе. Как хорошо, что Вы предложили мне подумать о себе самом». Данные результаты работы с подростками подтверждают многолетние исследования, проводимые В.С. Мухиной и В.С. Басюком с делинквентными подростками, лишенными родительского попечения [7–11].

2. Состав преступлений делинквентных подростков

Доминирующие статьи уголовного кодекса, отражающие характер преступления

Анализ личных дел подростков показал, что наиболее частыми среди подростков являются преступления: *статья 161, часть 2, пункт «а»* УК РФ (грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору) [12, с. 67]; *статья 162, часть 2* УК РФ (разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) [Там же, с. 68]; *статья 158, часть 2, пункт «а»* УК РФ (кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенное группой лиц) [Там же, с. 65–66]. Реже встречаются преступления по статьям: *статья 228, часть 1* УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значи-

тельном размере); *статья 166* УК РФ (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения); *статья 111, часть 1* УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека).

Как оказалось, среди совершенных делинквентными подростками преступлений наиболее частыми являются *грабеж* и *разбой* – преступления, совершенные группой лиц с применением насилия. Такие преступления носят явно агрессивный характер, направленный против личности. Как правило, подобные преступления совершаются группами подростков в состоянии алкогольного опьянения.

Криминальный характер действий подростков

Наиболее часто в беседе с осужденными подростками об отношении к совершенному ими преступлению они говорили, что не осознавали криминального характера своих действий и уверяли в собственной невиновности (оправдывались тем, что их подвели, подставили соучастники).

Отношение осужденных подростков к отбыванию уголовного наказания без изоляции от общества

Поведение осужденных подростков может быть отнесено к двум категориям: *безответственное* и *ответственное*.

Большинство осужденных подростков ведут себя безответственно. Они обычно указывают, что не осознают того, что отбывают уголовное наказание, высказывают свое недовольство, связанное с «неудобствами» самого наказания: необходимость посещать инспекцию исполнения наказаний по вызову инспектора, запрет выходить из дома после 22 часов, посещать места большого скопления людей (концерты, футбольные матчи и т.д.) и менять место жительства.

Делинквентные подростки не понимают существа наказания, относятся бездумно к требованиям инспекции. Например, подростки могут позволить себе ослушаться и не прийти по вызову инспектора, объясняя такое поведение забывчивостью.

Однако есть категория осужденных подростков, которые чувствуют свою ответственность: они признают свою вину, выражают раскаяние в содеянном и относятся дисциплинированно к требованиям инспекции исполнения наказания. Сознающих необходимость ответственного поведения подростков не много.

Работа с безответственной категорией подростков затруднена: они обычно не склонны к рефлексии, в общении и беседах не заинтересованы, на вопросы отвечают неохотно, односложно. Однако после проведения всей серии рефлексивных методов часть так называе-

мых безответственных подростков становится более сензитивна к общению и рефлексии на себя.

Семьи осужденных подростков

Обследуемые нами подростки чаще всего воспитываются в неполных, нередко в асоциальных семьях. Эти подростки обнаруживают склонность к бродяжничеству, часто убегают из дома. Асоциальные семьи – те, где родители злоупотребляют алкоголем, где в общении постоянна агрессия, где есть ранее судимые или отбывающие уголовное наказание, где воспитание сопровождается насилием (более 50% семей), где один или оба родителя отсутствуют, а семью заменяют другие родственники (бабушки, тети-дяди, старшие братья и сестры). Нередко такие подростки высказывают однотипные суждения: «Я такой, как мои родители» или «Как я могу хорошо себя вести, если мне не объясняли, как надо себя вести?». В. С. Мухина и В. С. Басюк специально отмечали значение неблагоприятных условий на формирование делинквентного поведения [10, с. 123]. Среда в этом случае выступает как условие воспитания социопатов, безличностей, агрессоров.

3. Типология особенностей поведения делинквентных подростков

Анализ полученных результатов исследования дал основание построить типологию поведения делинквентных подростков. Перейдем к ее обсуждению.

1 – Подростки с лидерскими качествами

Как правило, подростки с лидерскими наклонностями отмечают, что имеют широкий круг знакомств, любят выступать в качестве организаторов групповой деятельности и проявлять себя в качестве вожака. Материалы личного дела осужденных подростков-лидеров по большей части подтверждают, что они выступали в качестве инициаторов преступления, совершенного в группе.

Из материалов личного дела осужденного подростка

Приведу выдержку из материалов личного дела девочки-подростка *П.* (16 лет), отбывающей уголовное наказание: статья 162, часть 2 (разбой):

«*Действуя во исполнение единого с соучастниками преступного умысла… выбрав в качестве предмета своего преступного посягательства имущество Р., П. подошла к последней и, достав из кармана своей куртки газовый баллончик, распылила содержащийся в нем газ в глаза потерпевшей, тем самым причинив последней физическую боль. Она потребовала от Р. отдать*

её мобильный телефон. В ответ последовал отказ в выполнении требований. <...> П. вынула из кармана складной нож и приставила к горлу потерпевшей, в то время как соучастники, действуя согласованно с П., находились в непосредственной близости от происходящего, создавая физическое превосходство, тем самым дополнительно формируя у Р. ощущение серьезности сложившейся ситуации. Эти подростки наблюдали за окружающей обстановкой в целях своевременного обнаружения вмешательства посторонних лиц».

Из материалов личного дела осужденного мальчика-подростка Ж.

Приведу выдержку из материалов личного дела подростка Ж. (17 лет), отбывающего уголовное наказание: статья 162, часть 2 (разбой):

*«Действуя во исполнение единого с соучастниками преступного умысла, находясь в состоянии алкогольного опьянения, Ж. с установленной следствием группой лиц остановили автомобиль <...> с целью частного извоза до дома Ж. на возмездной основе. Но, доехав до установленного места назначения, Ж. умышленно, из корыстных побуждений, с целью хищения чужого имущества, напал на водителя автомобиля П., который находился на водительском сиденье, приложил к шее потерпевшего нож, лишив тем самым последнего воли к сопротивлению, потребовал передать ключи от автомобиля..., а после отказа потерпевшего взял у переданного соучастником Л. предмет в виде удавки и начал душить, тем самым поставив П. в опасное для жизни состояние. П. воспринял действия Ж. как реальную угрозу для своей жизни и здоровья. Далее соучастники перетащили П. на заднее пассажирское сиденье автомобиля, при этом нанеся не менее десяти ударов по голове потерпевшего <...>. Владея ситуацией и поддержкой со стороны соучастников, Ж. похитил чужое имущество. Обратив похищенное имущество в свою пользу, Ж. и соучастники с места преступления скрылись, <...> причинив потерпевшему П. материальный ущерб в общей сумме **119 800** рублей».*

Часто осужденные подростки, склонные к лидерству, совершают повторные преступления и имеют несколько судимостей.

Асоциальное поведение как норма повседневной жизни делинквентных подростков

Осужденные подростки с лидерскими качествами демонстрируют асоциальное поведение в повседневной жизни: употребляют алкоголь или наркотические вещества, проявляют вербальную и физическую агрессию,

часто совершают правонарушения. Такие подростки нередко заявляют: «Люблю выпить пива с друзьями. Ну и что тут такого?».

Подростки хотят показать свою уверенность в том, что человек может, а иногда даже должен выйти за рамки закона, преодолеть ожидания общества. Это дает ощущение свободы выбора. Внутренне гордясь, сообщают, что неоднократно нарушали закон. Представления о социальных нормах и правилах у такой категории подростков присутствуют, однако не соблюдаются. В результате полученного материала суждений подростков мы подтверждаем данные исследований В.С. Мухиной и В.С. Басюка [2; 7; 8; 10; 11]. Реальные их ценности – аморализм. К требованиям инспекции исполнения наказаний осужденные подростки относятся формально: они не понимают глубины ответственности перед законом и не чувствуют последствий своего, по существу, асоциального поведения.

Суждения о совершенных преступлениях

Относительно уже совершенного преступления подростки говорят формально. Они выражают сожаление либо потому, что расстроили близких, либо потому, что в следующий раз суд может назначить наказание в виде лишения свободы. Раскаяния относительно самого совершенного преступления я ни разу не услышала. Это моё наблюдение также подтверждает результаты лонгитюдного исследования преступников (негативная типология личности; мотивация жизненной позиции), которое проводила В.С. Мухина [2, с. 157–158], а также результаты совместных усилий в психологическом сопровождении делинквентных подростков В.С. Мухиной и В.С. Басюком.

Проявление агрессии в отношении окружающих

Проявление агрессии среди делинквентных подростков является типичной формой поведения – они легко возбудимы и драчливы. В ситуации конфликта осужденные подростки проявляют выраженную вербальную и физическую агрессию. Анализ результатов проективного метода депривации структурных звеньев самосознания показал, что осужденные подростки, склонные к лидерству, в случае конфликта могут проявлять как вербальную, так и поведенческую агрессию в отношении учителей и родителей, а в отношении сверстников готовы применить и физическое насилие.

В процессе общения с инспектором или психологом подростки по большей части также ведут себя несдержанно, фамильярно и агрессивно (это, прежде всего, вербальная агрессия). Среди этой категории осужден-

ных подростков нередко допускается использование ненормативной лексики. Замечания воспринимаются формально: «Ладно, ладно...».

2 – Подростки, склонные к конформизму

Осужденные подростки-конформисты выраженно ведомые, они легко соглашаются на предложения активных и предприимчивых сверстников. Как правило, из материалов личных дел этих осужденных видно, что подросток был соучастником преступления, действовал под влиянием чужой воли.

Из материалов личного дела осужденного мальчика-подростка С.

Приведу выдержки из материалов личного дела делинквентного подростка *С.* (16 лет), отбывающего уголовное наказание по статье 161, часть 2 (грабеж).

«*К. и С. в точно не установленном в ходе следствия месте и времени вступили между собой в преступный сговор, направленный на открытое хищение чужого имущества, разработали план и распределили роли. К., будучи лучше физически развит, должен был непосредственно осуществлять открытое хищение чужого имущества, а С. оказывать ему содействие, подстраховывая от возможного обнаружения совершаемого преступления*».

Из материалов личного дела осужденного мальчика-подростка Н.

Приведу выдержки из материалов личного дела делинквентного подростка *Н.* (17 лет), отбывающего уголовное наказание по статье 158, часть 2, пункт «а» (кража):

«*В установленное следствием время Р. и Н., распределив между собой преступные роли, решили совершить открытое хищение мобильного телефона малолетнего Ч. Во исполнение преступного замысла, руководствуясь корыстными побуждениями, действуя совместно и согласованно, Р. и Н. дождались малолетнего Ч. в подъезде дома. <...> Согласно распределенным заранее преступным ролям, Н., будучи лучше физически развит по сравнению с Р., прижал Ч. к стене и потребовал мобильный телефон стоимостью 7490 рублей. В это время Р. стоял и наблюдал за окружающей обстановкой для того, чтобы в случае появления посторонних лиц предупредить Н.*».

Подростки, подобные С. и Н., имеют неширокий круг знакомств. Так как они ориентированы на аморализм, то входят в асоциальные подростковые группы. Эти подрост-

ки сами отмечают свою зависимость от других, негативный характер влияния со стороны своих сверстников. Часты суждения: «Я знаю, что мои друзья – плохая компания. Но я с ними дружу с детства и не хочу ссориться».

Представления о социальных нормах ведомых подростков

Представления о социальных нормах у такой категории подростков синкритичны: они не различают границ между нормативным и социально опасным поведением. Например, однажды я столкнулась с суждением подростка, представителя ведомой категории: «Я иногда люблю пошалить. Ведь нет ничего особенного в том, что я бью бутылки и поджигаю крышу».

Аддиктивное поведение конформных подростков

Многие делинквентные конформные подростки склонны к аддиктивному деструктивному поведению. У некоторых из них в личном деле есть справки из наркологического диспансера о хронической зависимости от алкоголя (или наркотиков). Некоторые из них проходят курс лечения в центрах реабилитации. Многие увлекаются азартными играми вместе со сверстниками, предпочитая при этом следовать за инициативой лидера.

3 – Подростки, склонные к обособлению от сверстников

Склонность к обособлению от сверстников

Такая категория подростков немногочисленна по сравнению с другими. Подростки, склонные к обособлению от сверстников, предпочитают совершать преступления без соучастников. Специалисты, изучающие делинквентное поведение подростков и взрослых, отдельно выделяют данную группу как особую. В ходе нашего исследования подобные подростки не встречались.

4. Типология ценностных ориентаций делинквентных подростков

1 – Подростки, исповедующие ценности аморализма

Делинквенты обычно ориентированы на ценности аморализма

Подростки с лидерскими качествами и подростки, склонные к конформизму, обычно исповедуют ценности аморализма.

У них есть прозвища, данные им в кругу их асоциального общения. Подростки указывают, что им нравится, когда их называют по прозвищу. При этом многие прозвища и клички представляют собой стигмы.

Рассуждая о том, что значит настоящий мужчина, подростки-делинквенты в своих суждениях обычно ориентируются на традиционные образы: «Настоящий мужчина не пьёт, не курит… богатый». При этом подростки-делинквенты относят себя к категории «плохих парней».

Делинквенты девочки-подростки отмечают, что им сложно рассуждать о качествах настоящей женщины,

так как им всегда было комфортнее общаться с мальчишками, а о настоящих женщинах они ничего не знают. Себя эти девочки обычно характеризуют как «пацанка».

Подростки отмечают, что не любят думать о будущем (у них нет определенных планов). Образование не является для них ценностью, часты суждения подростков типа: «Ну я же не лох, чтоб учиться». Они ориентированы на профессию разнорабочих.

Нередки случаи, когда делинквентные подростки отмечают, что им в большей степени близки ценности аморализма, чем ценности морали. Об этой склонности делинквентов писала В. С. Мухина, которая более 14 лет исследовала и осуществляла психологическое сопровождение взрослых преступников [2, с. 448–449, 531].

2 – Подростки, имеющие помыслы к исправлению

Общение психолога с подростками, имеющими помыслы к исправлению, внешне не вызывает таких затруднений, как общение с подростками, ориентированными на ценности аморализма. В общении с психологом они проявляют заинтересованность проблемой личности и её социальной позицией.

Отношение к совершенному преступлению

Относительно совершенного преступления подростки, имеющие побуждения к исправлению, проявляют (вербально и эмоционально) раскаяние, понимают заслуженность наказания. Подростки признаются, что раньше не понимали всей ответственности своего поведения. Сильным стрессом для подростков был суд: «Самым сильным потрясением в жизни было последнее заседание суда, когда объявляли приговор. Самое страшное было, когда судья сказал, что условное наказание могут заменить лишением свободы». Подростки констатируют, что наказание, назначенное судом, сильно повлияло на их мировоззрение, выражают готовность к исправлению.

Назначение уголовного наказания судом явилось эмоциональным потрясением для той части подростков, которые способны опосредованному мышлению, что послужило предтечей к пониманию необходимости перемены внутренней позиции, к стремлению к отказу от аморальных ценностных ориентаций. Однако понимание необходимости перемены внутренней позиции требует постоянной рефлексии на себя. Реально бóльшая часть подростков нуждается в психологическом сопровождении.

---

1. Девиантное поведение // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.; М., 2003. – С. 122–123.

2. *Мухина В.С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения. – 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.

3. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд. – М., 2013.

4. *Мухина В.С., Хвостов К.А.* Психодиагностика развивающейся личности: Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания. – 1996.

5. *Мухина В.С.* Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания в контексте межэтнических отношений // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 117–135.

6. *Мухина В.С.* Глубинный рефлексивный тест-самоотчет «Кто я?»: возвращение к обоснованию установок, обращенных к реципиенту, и требования к анализу типов рефлексий на себя // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 116–129.

7. *Мухина В.С., Басюк В.С.* Психологические особенности ценностных ориентаций пожизненно осужденных и делинквентных подростков // Развитие личности. – 2013. – № 3. – С. 102–119.

8. *Мухина В.С., Басюк В.С.* Инициации подростков как условие личностного роста. – Иркутск, 2011.

9. *Басюк В.С.* Особенности рефлексии на себя подростков, находящихся в условиях учреждений интернатного типа и в условиях полной семьи // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – С. 233–237.

10. *Мухина В.С., Басюк В.С.* Психологические особенности ценностных ориентаций пожизненно осужденных и делинквентных подростков // Развитие личности. – 2013. – № 1. – С. 116–135.

11. *Мухина В.С., Басюк В.С.* Психологические особенности ценностных ориентаций пожизненно осужденных и делинквентных подростков (окончание) // Развитие личности. – 2013. – № 2. – С. 185–195.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 1 октября 2012 г. – М., 2012.

Валерия Мухина, Филипп Устюжанин

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА С ТРУДНОСТЯМИ В ПОВЕДЕНИИ

Аннотация. *Проводится анализ поведения ребенка с эмоциональной слабостью (лабильностью) психики в период его адаптации к сопровождающим психологам. В адаптационный период собирается анамнез, проводятся включенное наблюдение и проективные методы исследования особенностей помыслов, поведения и самопрезентации. Делается попытка выявить типологию личностных особенностей ребенка с явными эмоциональными расстройствами психики.*

Ключевые слова: *методы исследования: анамнез, беседа, наблюдение, проективный метод депривации самосознания, психологическое сопровождение; аффективность; эгоцентризм; рассредоточенность внимания; развитие и разрушение личности; органическое эмоциональное расстройство; эмоциональная слабость; эмоциональная лабильность; демонстрация суицидальных намерений; нарушение самосознания; психологическая и социальная адаптация; эхолалия и эхопраксия (эхореакция); телесная личность; чувство тела; симптоматические действия; забывание впечатлений и намерений.*

Abstract. *Analysis of behavior of a child suffering from mental emotional weakness (lability) during her adaptation to supporting psychologists is conducted. The history is obtained, included observation is conducted, and projective techniques revealing peculiarities of intentions, behavior and self-presentation are used during adaptation period. The attempt to reveal the typology of personal peculiarities of the child with obvious mental emotional disorders is done.*

Keywords: *methods of research: anamnesis, talk, observation, projective technique of deprivation of self-consciousness, psychological support; affectivity; egocentrism; attentional dispersion; development and destruction of personality; organic emotional disorder; emotional weakness; emotional lability; demonstration of suicidal intensions; psychological social adaptation; echolalia and echopraxia (echoreaction); corporal person; sense of body; symptomatic actions; forgetting of impressions and intensions.*

Мы не всегда живем по намеченному плану. Увы! Жизнь вносит свои коррективы. Относительно недавно возникла необходимость в проведении долговременного исследования поведения и эмоционального состояния одиннадцатилетней девочки, отличающейся трудностями в поведении и с проблемами в личностных проявлениях.

Мама девочки обратилась за помощью.

Из анамнеза (по жалобам мамы-опекуна): ребенка взяли из Дома малютки в возрасте около трех лет. Опекун – одинокая женщина, матери-

ально состоятельная. Биологическая мать лишена родительских прав, отсидела в зоне около пяти лет за кражи и разбойное нападение.

Работа началась со встречи с мамой, которая выразила готовность обсудить и изложить проблемы, связанные с поведением дочери.

Жалобы на поведение дочери: в последние два года стала проявлять агрессию и безудержную неуправляемость в моменты возникающих аффектов. Нередко проявляет отчужденность по отношению к матери и другим людям. Девочке свойственна леность: склонна лежать у телевизора, любит ничего не делать. Своевольна.

В состоянии гнева бросает предметы о стену, об пол, в человека, ломает и крушит предметы. Не единожды нападала на мать: яростно била ее руками и ногами. Может стащить деньги или значимые для нее предметы у своей мамы. Демонстративна. И многое другое.

По просьбе мамы помочь ей в ее ужасном положении, с согласия педагога-психолога Филиппа Устюжанина, я решила предложить проект психологического сопровождения девочки. Я буду работать в качестве психолога-консультанта проекта. Филипп начнет свою работу с наблюдения за поведением девочки с целью классификации особенностей ее проявлений в обыденных ситуациях повседневной жизни, а также с выявления особенностей ее личностных проявлений.

К моменту начала работы Филиппа нашей подопечной Алине исполнилось 11 лет. Еще ребенок, но скоро уже подросток.

Решено: Филипп встречается с девочкой два раза в неделю (в понедельник и четверг), забирает ее после уроков и занимается ею с 14.30 до 19.30. В его обязанности в контексте наших задач входит вести подробные дневниковые записи о поведении и личностных проявлениях Алины.

Через два месяца адаптации девочки к психологу и поиска способов наиболее эффективного общения с ней как с трудным ребенком мы приступим к анализу особенностей поведения и личности девочки. В это же время работаем над проектом психологического сопровождения, собираем данные медицинского обследования (педиатром, невропатологом, детским психиатром), готовим к обследованию дефектологом.

Обратимся к описанию начала нашей работы.

Валерия Мухина

ПРЕДЫСТОРИЯ ИДЕИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА С ТРУДНОСТЯМИ В ПОВЕДЕНИИ

С давних пор словом «ребенок» называли дитя человека вплоть до его юношеского возраста

Около 100 лет назад младенца, малолетнего ребенка называли *дитя, дитятко,* а ребенка до 14 или 15 лет – *дитятей* [1, с. 437].

Сегодня использовать слово *дитятя* по отношению к ребенку даже еще не идущего в школу уже архаизм. (Нам смешно, когда мы вдруг услышим «дитятя», обращенное не к младенцу.) Сегодня мы говорим о них – «ребята», а одного называем «ребенок». До сих пор с прежних времен «ребенком зовут младенца, отрока или отроковицу, до юношества» [2, с. 87]. Ребенком называют мальчика или девочку с давних пор и по сей день.

1. Обращение за помощью. Анамнез

14.02.2014 (пятница). Ко мне обратились крестная мама и мама-опекун десятилетней девочки Алины, у которой на тот момент были явные проблемы в поведении. Я встретилась с мамой без Алины. Предложила сосредоточиться и по существу сформулировать проблемы в поведении девочки.

Возникла необходимость собрать анамнез*.

Начало истории плохого поведения

Со слов мамы: девочку взяли из Дома малютки, когда ей было около трех лет. До десяти лет, по мнению опекуна, не было никаких проблем. Когда девочка училась в третьем классе, неожиданно для мамы учительница удивила ее: «Алина странно себя ведет!».

В тот день дети репетировали роли. Когда репетиция закончилась и всех детей собрали с тем чтобы развести на школьном автобусе по домам, Алина резко воспротивилась: «Пусть они едут, а я останусь!». При этом

---

* *Анамнез* [греч. anamnesis – воспоминание] – медицинские сведения: об условиях жизни; о начале и развитии заболевания, развитии патологических отклонений в поведении. Сведения получают от близких родственников и от самого человека, развитие которого отклоняется от нормального.

Анамнез может нести в себе субъективные оценки как самого обследуемого, так и близких ему людей. Анамнез включается в результаты психологического и медицинского обследования, что дает основание объективировать субъективные самооценки и оценки.

она агрессивно кричала, ругалась, произносила нецензурные (матерные) слова. Со слов мамы, это был первый случай выраженного негативного поведения.

Частые аффекты

К моменту обращения мамы к психологу за помощью девочка стала часто вести себя аффективно (здесь мама уточняет, что такое поведение началось *с семи лет*). Она часто занимает негативную позицию по отношению к маме. Протестуя, кричит: «Не хочу, не буду, на фиг!». Нередко кидает предметы в направлении мамы, демонстративно выбрасывает предметы из окна. Когда мама спокойно комментирует: «Счастливого полета!», девочка прекращала бросать предметы.

Алина часто восклицает: «Отдай меня в детский дом!» Мама спокойно замечает: «Ты собрала чемодан?» или «Пиши заявление, собирай документы. С улицы не берут». Этот «театр» повторяется достаточно часто. (У Алины довольно синкретичное и иллюзорное представление о том, что в детском доме она будет жить, как захочет, в своей отдельной комнате...)

Девочка часто кричит в лицо маме: «Я тебя ненавижу!», «Мне по фигу, что с тобой будет!» Спустя время объясняет: «Я была в ражу!»

У Алины бывают истерические припадки (по словам мамы, иногда заходится, даже теряет возможность нормально дышать). Мать соотносит эти происшествия с четвертым днем новолуния и четвертым днем полнолуния (?!) и проч... Еще проблема – энурез.

Совместные рефлексии Алины и ее мамы

Я предложила матери Алины найти подходящий момент и обсудить с ней ее проблемы в общении с другими (взрослыми и сверстниками). Если девочка скажет, что у нее «нет проблем», указать ей на ее неправильное поведение, аффективные взрывы, которые случались в недавнее время и которые она не успела «забыть». Выражая любовь к девочке, доброжелательно (можно с веселым юмором), следует посредством совместных усилий – рефлексий на себя и других – вспомнить конкретные события, обсудить их смешные и негативные стороны.

Далее, совместно обозначить реальные ситуации, которые своими проявлениями спровоцировала сама Алина. Важно обсудить, какие эмоции испытывала сама девочка, когда нарочно провоцировала кого-либо другого (маму, домашнюю помощницу, учителя или сверстника), когда приносила им, прежде всего, эмоциональный ущерб.

Принятие решения посетить психолога

Следствие доверительных рефлексий: принятие подсказанного мамой намерения посетить психолога для обсуждения с ним своих проблем.

Свидания не должно быть без осознанного желания девочки общаться с психологом.

Наконец, Алина заявила о готовности прийти к психологу…

2. Наблюдение, общение и беседа

Первая встреча девочки с психологом

15.02.2014 (суббота). Первая встреча. Алине в этот момент 10 лет 11 месяцев. При встрече с психологом девочка держится мило, непосредственно, у нее нет чувства смущения, застенчивости; в телесных проявлениях *явно расторможена, внимание рассредоточено.*

Войдя в комнату, где мы должны с ней работать, быстро, едва взглянув, хватает без спроса все, что привлекает ее внимание: мягкие игрушки, мелкие предметы.

Доверительное общение

Психолог организует условия для доверительного общения. Алина с удовольствием принимает доброжелательное расположение к ней. Мы общаемся. Я даю девочке возможность вести себя спонтанно, однако сопровождаю ее поведение пожеланиями: «Алина, надо спросить, прежде чем что-то взять в руки»; «Следовало бы это поставить на место. Как ты полагаешь, Алина?» Девочка сразу же легко соглашается и ведет себя как должно – спрашивает разрешения, кладет предмет на место. Послушание только в первый момент. Тут же проявляет несдержанность: вновь быстро берет в руки предметы, не спрашивая разрешения, и начинает (не конструктивно!) манипулировать ими как малое дитя.

Девочка легко переключает внимание с предмета на предмет, легко болтает обо *всем и ни* о *чем.* (Будем считать, что все происходящее – *ориентировочное поведение* на новизну и адаптацию к новым условиям. Не будем торопиться с выводами.)

Психолог делает записи по ходу наблюдения

Я предлагаю Алине перестать беспорядочно брать предмет за предметом и сосредоточить внимание на чем-либо одном, при этом не забывать спрашивать разрешения: «Можно это взять?» Алина легко дает согласие в ответ на каждое предложение с моей стороны. Однако ее реакции, скорее всего, могут быть названы *эхолалией* и *эхопраксией (эхореакция)*: кивая головой, повторяя услышанное и произнося «да, да», Алина явно *не ведет себя адекватно.* Ее поведение за пределами нормативно ожидаемого. При этом она проявляет *автоподражание* собственным движениям и действиям.

В этот же день Алине было предложено подробно (прежде хорошо подумав) ответить на два вопроса: 1 – Что тебе в себе нравится? 2 – Что тебе в себе не нравится

(какие у тебя проблемы)? Девочка легко согласилась на это предложение.

«Что тебе в себе нравится?»

Алина охотно отвечала: «Я умная. Я люблю читать. Люблю кукол (уточнила, что речь идет об игрушках: пони, медведях, собаке Чапе). Я в четыре годика научилась плавать. Я хожу в театральную студию. Я умею сочувствовать (когда мы с мамой были в Риме, ей было плохо. Я молилась, давала ей пить. Я о ней заботилась)». Девочка легко рассказывает о том, чем она готова гордиться.

«Что тебе в себе не нравится?»

Алина отвечала, делая большие паузы: «Я ленюсь делать уроки... Я верю в Бога, но не молюсь... Я не ложусь вовремя спать... Однажды я замазала двойку... Я, бывает, обижаюсь на маму и не разговариваю с ней... Один раз ломала карандаши и кидала их в стену и на маму... Еще я писаюсь ночью...». При этом Алина не очень смущалась и не огорчалась, когда говорила о своих проблемах. По всему характеру ее состояния было ощущение, что она отвечает по заученному трафарету обсуждаемых с мамой проблем.

Еще одна особенность в поведении Алины – наблюдаемая мной *готовность обещать*, клясться в своих благих намерениях. Однако впоследствии проявляется *глубокая забывчивость* в отношении данных посылов. Благими порывами, как известно, выложена дорога в ад...

Жалобы мамы на дочку (телефонный разговор)

21.02.2014 (пятница). Звонит мама Алины. Взволнованно рассказывает о происшествии в школе. Учительница продленного дня жаловалась на девочку: плохо себя вела, крутилась, лазала под стул и др.

Когда мама взяла Алину из школы, то та по дороге домой выражала неудовольствие, убегала. В какой-то момент Алина истерично выкрикнула маме: «Я тебя ненавижу... Я уйду в детский дом!».

23.02.2014 (воскресенье). Долго отказывалась идти в музыкальную школу. Когда все-таки пришли в школу, не захотела играть гаммы. Баловалась: бегала, ложилась на стул и падала с него. Так повторялось много раз в течение более часа. Алина победила маму и избежала занятий.

После неудачи в музыкальной школе Алина настояла на том, чтобы поехать на каток в Крылатское. Там девочка каталась около двух часов. Была весела.

Однако, возвращаясь домой, Алина снова стала выражать неудовольствие: «Почему мы не взяли дополнительное время?».

Идут за днями дни – Алина в своем репертуаре

24.02.2014 (понедельник). Мама жалуется (по телефону): «Не хотела ехать на занятия. Убегала в подземном переходе, пряталась. Все продолжалось около полу-

часа. Едва успели на сольфеджио. После занятий была в хорошем расположении, так как с девочкой из музыкальной школы долго бегала по территории.

Мама сообщила, что друзей у Алины фактически нет.

26.02.2014 (среда). Каникулы (мама жалуется по телефону). Алина не хотела идти на английский язык. Бегала, не собиралась заходить в школу. Спустя время благодаря уговорам мамы, вразумлениям охранника и приглашению учителя пошла учиться. Занималась хорошо.

Возвращаясь домой, сказала маме: «Я тебя люблю. Но я злюсь, когда ты хочешь, чтобы я что-нибудь делала. Я не хочу много делать!».

3. Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания

Готовность вникать в содержание проективных рисунков

27.02.2014 (четверг). Вторая встреча. Договорились о том, что Алина пройдет испытание: будет внимательно смотреть на рисунки, стараться вникать в ситуации и – стремиться честно рассказать, как бы она поступила в каждом отдельном случае, ориентируясь при этом на свое реальное поведение: «Будь самой собой!».

Алина выразила готовность вникать в содержание изображенных ситуаций и пытаться отвечать так, как если бы это были ее реальные отношения с людьми. Однако ответы Алины привели меня в состояние глубокого изумления.

Она в своем интонировании ответа и в содержании своих слов стала разыгрывать «театр хорошей девочки».

Я спровоцировала ее на совместную смеховую реакцию по поводу стремления «надуть» меня и попросила отнестись к моей просьбе серьезно: показать словом и интонацией голоса, как бы она реально повела себя, если бы ее обижала учительница, сверстники и мама. Предложила Алине быть искренней, правдивой девочкой.

После чего Алина повторно стала рассматривать проективные рисунки и отвечать на изображенные ситуации. На этот раз это был подросток, который, обижаясь, защищается свойственным для большинства детей ее возраста образом: словом и интонированием речи («Я обиделась», «Хочу быть агрессивной и буду!», «Я иногда веду себя, как сейчас хочется. Так и буду себя вести»).

В ответ на просьбу мамы Алины помочь найти специалиста, который будет работать с девочкой, я предложила своего ученика Филиппа, который начал свою

работу с 06.03.2014. О перипетиях сопровождения Филипп будет вести дневник.

В мои намерения по поводу обследования Алины в ближайшее время вошли визиты к детскому психиатру и дефектологу.

03.04.2014 (четверг). Третья встреча с Алиной. Первичный визит к психиатру. Встреча девочки с психиатром дала врачу основание счесть, что у Алины *органическое эмоциональное расстройство*.

Органическое эмоционально лабильное (астеническое) расстройство психики

Я обратилась к Филиппу, чтобы он заглянул в классификатор болезней.

Как оказалось, органическое эмоционально-лабильное (астеническое) расстройство относится к психическим расстройствам, которые происходят из-за травмы или дисфункции головного мозга, либо вследствие инфекционной болезни.

Расстройство характеризуется выраженной и постоянной эмоциональной несдержанностью или лабильностью (неустойчивостью), утомляемостью или разнообразными неприятными физическими ощущениями (например, головокружением) и болями, предположительно возникающими вследствие органического расстройства [3].

Эмоционально-лабильное расстройство психики обычно возникает в связи с цереброваскулярными заболеваниями (сосудистые нарушения головного мозга) или гипертонией. В клинической картине доминирует эмоциональная лабильность (неконтролируемость, нестабильность и колебания в проявлении эмоций). Люди жалуются на разнообразные неприятные физические ощущения, такие как головокружение, тошнота и боли. Часто выявляются утомляемость и вялость. Характерна частая смена настроения по малейшему, незаметному для постороннего наблюдения поводу. Настроение может меняться кардинально по несколько раз в течение дня.

За асоциальным поведением могут стоять психические аномалии

Факторами, определяющими развитие и бытие личности, могут быть генотип, социальные условия и внутренняя позиция самого человека [4]. Генотипические особенности нередко происходят из психологической патологии родителей. Негативную роль может играть и социальная среда, в которой развивается ребенок.

Специалисты отмечают, что для части подростков с асоциальным поведением характерны психические аномалии, не достигающие степени выраженной психопатологии. Анализ соотношения между психическими аномалиями и делинквентным поведением несовер-

шеннолетних дал основание В.Я. Гиндикину [5] и В.А. Гурьевой с соавторами [6] сделать выводы, что у *51,3% подростков-правонарушителей обнаруживаются психические отклонения*. Среди них ведущее место занимают *пограничные состояния* (неврозы и психогенные депрессии невротического уровня – 11% от числа обследованных с психическими аномалиями; патохарактерологическое развитие и психопатии – 30,5%); *остаточные явления ранних органических поражений головного мозга* – 18,2%; *задержки психического развития и олигофрении* – 9%; хронический алкоголизм – 13% и он же, осложненный наркоманией, – 2,5%.

В случае с Алиной морфологические изменения (если они действительно подтвердятся) могут проявляться на протяжении всего онтогенеза, в том числе и в период, предваряющий подростковый возраст.

Выявление проблемных проявлений нашей подопечной побуждает обратиться к опыту специалистов, которые работали с подобными трудностями в поведении и с личностными расстройствами.

Легкие расстройства личности. Чувство тела

Органические расстройства личности специально рассматривал французский психолог и философ Теодюль Арман Рибо. Он описывал легкие расстройства личности, в первую очередь *чувство тела*, которые определяют основу психической составляющей. Ученый настаивал на очевидной для него истине: «каков организм, такова и личность» [7, с. 39]. При этом Т. Рибо обращал специальное внимание на аффективные расстройства личности (ее единство и тождество). Он указывал на вариации болезненных состояний личности (чувство усталости, тревоги, уныния, тоски, отсутствие желаний, постоянную скуку) [Там же, с. 41–42]. Органические расстройства, согласно этому ученому, приводят к извращению чувств – возникают органические и психические состояния, которые изменяют «Я». Они действуют «медленно и глухо, с несокрушимой стойкостью» [Там же, с. 43]. В результате органического расстройства происходит в конечном счете *разрушение личности*.

Телесная и социальная личность

О телесной личности в соединении ее с социальной личностью с большим научным пристрастием рассуждал Пьер Жане [8, с. 11–24]. На его суждения следует обратить также специальное внимание.

Отдельно надо обратиться к работам З. Фрейда и – специально рассмотреть его труд, посвященный психопатологии обыденной жизни.

О забывании впечатлений и намерений

Здесь следует обратить специальное внимание на феномены, специально описанные З. Фрейдом, – *забы-*

вание впечатлений и намерений. Результат исследований этой проблемы один и тот же: «во всех случаях в основе забывания лежит мотив неохоты (Unlustmotiv)» [9, с. 249]. Меня глубоко интересуют обсуждаемые З. Фрейдом проблемы, так как наша девочка Алина выраженно напрочь забывает о своих намерениях, о которых подчас горячо и убежденно заявляет.

Психолог рассматривал также симптоматические и случайные действия. Он полагал, что так называемые случайные действия нередко реально являются симптоматическими действиями [Там же, с. 263].

При обсуждении концепции психологического сопровождения нашей подопечной Алины следует со вниманием описывать и классифицировать телесные действия (спонтанные, исследовательские, орудийные и др.), которые могут оказаться *истинно симптоматическими.*

Принципы построения патопсихологического исследования

Проблема распада и развития психики была предметом долгого внимания отечественного патопсихолога Блюмы Вульфовны Зейгарник. Нам следует обратить пристальное внимание на исследования Б. В. Зейгарник, чтобы через ее суждения и результаты эмпирического опыта изучить принципы построения патопсихологического исследования [10, с. 19–40] и проштудировать проблемы *нарушения сознания* [Там же, с. 41–47], а также *проблемы нарушения личности* [Там же, с. 153–182].

Негативные качества личности

Особое значение для психологии имеют суждения святителя Игнатия Брянчанинова о таких качествах, как смирение и доброта, а также о таких негативных образованиях, как гордость, лицемерие, клевета, об окаменелости нечувствия, о рассеянности и о страстях.

Исцеление нечувствия

Согласно свт. Игнатию Брянчанинову, для исцеления от нечувствия человек должен постоянно, терпеливо, непрерывно действовать против нечувствия [11, с. 299]. Что касается рассеянности, то святитель Игнатий рассуждал следующим образом: «Рассеянность сама карает преданного ей: временем все прискучивает ему» [Там же, с. 313]. Согласно видению И. Брянчанинова, «все святые тщательно избегали рассеянности... часто они сосредоточивались в себе, внимая движениям ума и сердца...» [Там же]. Далее И. Брянчанинов писал, что внимательная жизнь ослабляет действие на человека телесных чувств: изощряет, укрепляет, образует действие чувств душевных. Рассеянность усыпляет действие душевных чувств: она питается непрерывным действием чувств телесных.

Человек, предаииый рассеяииости

Свт. Игнатий Брянчанинов выражал уверенность: «Человек, преданный рассеянности, имеет о всех предметах, и самых важных, очень легкое, самое поверхностное понятие» [11, с. 314].

Проблема иевидеиия своих недостатков

Совершенно верно свт. Игнатий Брянчанинов писал: «Между душевными недугами нашими, произведенными в нас падением, замечается невидение своих недостатков... <...> Свой недостаток представляется нам извинительным, ничтожным; недостаток ближнего усиливаемся увеличить, представить его достойным всякого порицания, всякого наказания» [Там же, с. 301].

Важные, духовно значимые мысли свт. Игнатия Брянчанинова давно укрепились в идеополе самосознания не только глубоко верующих человеков, но и в самосознании интеллигенции и просто ориентированных на добродетельное существование в мире человеков.

Невидеиие своих недостатков

Невидение своих недостатков – болезнь рефлексивных способностей человека на всех этапах его возраста. Каждый из нас, несмотря на принадлежность к профессии психолога, неким таинственным образом помышляет о себе как существе, в той или иной степени лишенном недостатка невидения своих слабостей. Полагаю, что морально право исследовать проблемы других человеков можно тогда, когда «специалист» хорошо знает и свои собственные слабости и недостатки. В этом случае мы будем не только тоньше рефлексировать на других, но и будем нести в себе потенциал любви к ближнему своему. В этом случае мы лучше прочувствуем те феномены наших человеческих особенностей, которые несут в себе патологию в аффективной сфере, в дезорганизации поведения [12, с. 321–323]. Мы должны продумать обсуждаемые А. Р. Лурией проблемы овладения поведением [Там же, с. 476–522].

Проблемы стимула и реакции

Нам важно освоить опыт с непосредственным овладением – проблемой стимула и средства, которые так подробно исследовал А. Р. Лурия. Он писал о том, что объективно существует полная невозможность непосредственных усилий овладевать человеку своим поведением, когда структура реактивного процесса достаточно серьезно нарушена [Там же, с. 485].

При этом А. Р. Лурия предупреждал: «Человек, который легко овладевает вещами окружающей его обстановки, который, с другой стороны, с легкостью реагирует на внешние стимулы, оказывается не в состоянии овладеть собой, преодолеть обычные для него свойственные ему формы поведения» [Там же, с. 489].

Речь несет в себе много существенных функций

Развитой человек может организовать свое поведение посредством речи: «речь оказалась мощным средством оформления своих мыслей» [12, с. 489]. И далее ученый писал, что овладение своим поведением происходит путем применения сложного культурного процесса – выделения вспомогательного знака-символа, достаточного, чтобы объективно выразить задание и преодолеть тенденцию к непосредственному моторному разряду [Там же, с. 521]. Поведение человека вообще есть продукт сложнейшего развития. Исследователь, как и практикующий психолог, осуществляющий психологическое сопровождение, должен быть хорошо ориентированным не только в знаменательных теоретических постулатах, но и в способах работы с теми, кто нуждается в психологической помощи и сопровождении.

Влияние знаковых систем на овладение поведением

Когда у ребенка есть проблемы в поведении, безусловно, помимо учета открытого И.П. Павловым феномена $S \rightarrow R$ и продвинутого практического опыта современных бихевиоральных психологов и педагогов [13, с. 122–163], следует специально подчеркнуть значение знаковых систем (прежде всего речи!) для опосредованного овладения поведением той категорией детей и подростков, которая имеет врожденные и социальные проблемы, связанные с трудностями в поведении.

Нам предстоит долгая работа с девочкой, стоящей на пороге подросткового возраста и уже сегодня отличающейся большими проблемами в поведении и в личностных особенностях.

---

1. *Даль Вл.* Дитя // Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I. А – З. – М., 1981. – С. 437–438.

2. *Даль Вл.* Ребята, ребенок // Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. IV. Р – V. – М., 1982. – С. 87–88.

3. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. – СПб., 2013.

4. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2013.

5. *Гиндикин В.Я.* Лексикон малой психиатрии. – М., 1997.

6. *Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я.* Психопатология подросткового возраста (теоретический, клинический и судебно-психиатрический аспекты). – Томск, 1994.

7. *Рибо Т.А.* Болезни личности. Опыт исследования творческого воображения. Психология чувств. – Мн., 2002. – (Классика мировой психологии).

8. *Жане П.* Психологическая эволюция личности / Пер. с фр. – М., 2010. – (Психологические технологии).

9. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред. М.Г. Ярошевский. – М., 1989. – С. 202–343.

10. *Зейгарник Б.В.* Основы патопсихологии. – М., 1973.

11. *Святитель Игнатий Брянчанинов* / Сост. Маркова А.А. – М., 2012.

12. *Лурия А.Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека. – М., 2002. – (Классики психологии).

13. Российско-американский научно-практический семинар «Прикладной анализ поведения: теория и практика» // Развитие личности. – № 3, 2013. – С. 122–163.

Филипп Устюжанин

НАЧАЛО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА С ТРУДНОСТЯМИ В ПОВЕДЕНИИ

Знакомство, установление контакта, наблюдение

В качестве психолога-воспитателя я взял на себя ответственность сопровождать ребенка с трудностями в поведении два раза в неделю в течение пяти часов (после уроков в школе).

06.03.2014 (четверг). Первая встреча. Первое впечатление: Алина – обычная девочка, одна из большого числа детей ее возраста. В общении девочка коммуникабельна, много рассказывает о себе, спрашивает, спонтанно интересуется разными фактами, знает некоторые прописные истины, к которым и апеллирует. В общении Алина стремится создать образ идеального ребенка. Она ходит с мамой по музеям, театрам, путешествует. Девочка учится неровно – бывают тройки и двойки. Она, однако, рассказывает только о пятерках и четверках. О плохих отметках говорить при мне не хочет, так как отличается *неадекватно высокой самооценкой.* Смеется весело, задорно. Часто играет мягкими зверюшками. Ее отличает двигательная активность. Если оказывается на спортивной площадке, стремится освоить разные спортивные снаряды. Она хорошо физически развита (пластична, ранее занималась спортом, ходила на плавание). Нередко улыбчива и радостна. Контактна: берет меня за руку и радуется вниманию к своей персоне.

Замечания, обращенные к Алине

Когда Алину наставляют (она должна слушать маму, не грубить, вести себя прилично и т. д.), она весело смотрит и изображает понимающего ребенка, готового к послушанию. Невключенность в наставления явно выражается в ее поведении (механически повторяет «да», внимание рассеяно, смотрит по сторонам, быстро отвечает, стремится завершить разговор на неприятную, обременительную тему, явно не слушает обращенную к ней речь, но при этом говорит, что поняла, радостно кивает на наставления, но в тот же момент поступает спонтанно, по случайному вдохновению).

Опыт взаимодействия с противоположным полом

13.03.2014 (четверг). Алина существует в женском окружении: девочки (подружки-одноклассницы), девушки (воспитательницы), женщины (мама, учительницы), опыта взаимодействия с мальчиками у нее нет, юношей, мужчин в ее окружении нет и не было. Рассказывает,

что у нее нет отца, она не видела его ни разу, он умер, когда она еще не родилась, не сохранилось ни одной его фотографии. Сообщает мне, что, конечно, хотела бы, чтобы у нее был папа. В сложившейся печальной ситуации предлагаю ей свою помощь в приобретении опыта взаимодействия с противоположным полом – протягиваю руку, она принимает.

Положительные проявления девочки

В день своего рождения Алина категорически отказывается идти в кафе без согласия мамы (обычно указания мамы она игнорирует). При маме на людях Алина вежливая, знает, как себя вести. Говорит «спасибо», «пожалуйста», соблюдает этикет по настроению. Она знает принятые нормы поведения и время от времени демонстративно следует им.

Когда у меня случился аллергический приступ из-за облепихового чая, Алина предложила мне шарф, налила воды, стала ухаживать за мной. Девочка проявила искреннее сочувствие к моему положению и содействовала моему исцелению.

К концу первого месяца нашего общения Алина при прощании со мной обнимает меня, говорит, что я ее лучший друг. Алина вносит сведения обо мне в свои записные книжки, дарит наклейки, рисует меня. Мама и воспитатели говорят о постепенном улучшении поведения девочки.

Отрицательные проявления

Из общения с мамой становится ясно, что Алина пытается воздействовать на окружающих, создавая образ, далекий от ее внутренней сущности. Алина талантливо играет в «хорошую» девочку.

Начиная с первого дня ее наблюдения, ангельский образ в моем восприятии стремительно исчезает. Девочка не здоровается со знакомыми ей людьми. В личном общении Алина демонстративно ставит себя как профессионал в любом деле, который знает все и вся. Как только обнаруживается ее несостоятельность, девочка возлагает вину на другого. Она ищет пути выхода из любой проблемной для нее ситуации, и в этом деле она идет на многое: на ложь, обвинения, угрозы, гнев. Алина легко может сказать «нет» на любое предложение (требование) и будет готова демонстративно делать по-своему. Алина упорно ищет уязвимые места человека, чтобы иметь возможность для манипуляций.

Я как сопровождающий психолог наблюдаю у Алины *отсутствие контроля над своим поведением, импульсивность, аффективные вспышки гнева* (которые усугубляются при осуждении). Девочка не задумывается о своих действиях и не принимает в расчет их последствия. При аффекте она может выбить ногой

дверь, сломать карандаши, оскорбить, ударить человека. В спокойном состоянии она говорит, что если я сломаю карандаш, то буду покупать ей новый, а после оскорблений спокойно общается дальше и просит с ней гулять, будто ничего не произошло.

Ложь, вербальная агрессия

Алина всякий раз настаивает на своей правоте, даже если знает, что поступила плохо, – внутренний локус контроля не проявляется. Алина часто лжет. Например, по поводу учебы – не признается, что получила двойку. Говорит только о хороших отметках. Часто проявляет агрессию по отношению к другим («кухарка – старая дура»; выражает ненависть к учителям, называет их «дурами», так же называет своего классного руководителя; дерется с одноклассниками), совершает акты вандализма (кидает и разбивает вещи).

Манипулирование с помощью демонстративной обиды, статуса мамы

Девочка старается манипулировать всеми, из-за чего одноклассники ее не любят. Ее ближайшая подруга – простая девочка, которая легко идет на поводу у Алины. У подруги есть планшет, когда Алина попросила поиграть, то ей разрешили только две игры. Алина, естественно, играет и дальше – в третью, четвертую. Когда ее подруга сердится и отбирает планшет, то Алина обижается, и девочка старается вымолить у Алины прощение, расстроившись до слез. Если кто-то из одноклассников идет на контакт с Алиной, то он постоянно попадает в такие ситуации и отказывается от общения с ней, поэтому близких друзей у нее нет.

Особенно жадно и скрупулезно Алина считает деньги. Она все время гордится своим положением и статусностью, требует к себе особого отношения. К работникам, которых нанимает мама, Алина обращается: «Моя мама вам деньги платит!» – и всячески пытается манипулировать совершенно всем, чем можно, и вести себя так, как ей вздумается. Спрашивает у матери, платит ли она воспитателям, учителям и сколько, чтобы угрожать им этим.

В кафе, когда приносят сдачу, Алина забирает ее себе. У нас происходит 10-минутный разговор о том, что деньги не ее, официанту нужно дать «на чай» и т. д. Путем долгих воздействий получается взять у нее деньги.

Из разговора с мамой выясняется, что девочка *склонна к воровству.*

Избегание ответственности

Из дневниковых записей. Пример 1

06.03.2014 (четверг) *«Если Алина не хочет учить уроки, то она прячет задания под диван, под шкаф и говорит всем, что потеряла дневник. В момент, когда нужно заниматься уроками, Алина бежит к холодильнику, достает еду и ест. Игнорируя маму и меня, Алина*

говорит, что хочет есть и ей плевать на все, в том числе на уроки, на то, что мы с мамой не ели и не едим. А уроки "если вам надо делать, то вы и делайте, раз такие умные!"

Непоколебимая демонстрация уверенности в своей правоте

В математике раньше Алина разбиралась, но теперь она не хочет думать. Задачи и уравнения – это самые нелюбимые ее дела. Она предпочитает списывать из ответов или у одноклассников. Если решать с ней вместе, то она отказывается думать и ничего не понимает. При решении примеров вместе – делает ошибки, кричит, что все делает правильно. Если сама замечает ошибку, то прячет ее и исправляет исподтишка. Про отметки придумывает всякие отговорки, что не было заданий или все в другой тетрадке. Алина всячески отвлекается и бегает к тарелке с гречкой, оттуда к холодильнику с тортом, оттуда к шкафу с печеньем, оттуда к столу с математикой. Если предложить ей решать примеры в игровой форме, то в погоне за тем, чтобы решить первой, Алина допускает массу ошибок, но при этом говорит, что у нее все правильно, когда мы проверяем, она, думая, что я не вижу, исправляет свои ответы на правильные. Алина исправляет ответы, но не решение, учительница все равно ей ставит двойки, а девочка не понимает за что. Из-за соревновательного момента внимание сильно рассредоточивается.

Аффективное поведение, яркие примеры девиантности

Другие уроки, например английский, Алина тоже делать не хочет. Переходит в возбуждение, а затем в агрессию. Тогда она убегает, запирается в туалете, потом берет листок с английским, который ей надо выучить, сминает его и садится сверху. У меня есть копия, тогда она начинает бегать за мной, драться и пытаться выхватить и копию тоже. У нее не получается, я настаиваю, чтобы она успокоилась. Начинает читать, читает с ошибками, я поправляю ее, ей это не нравится. Снова появляются выражения "вам надо, вы и читайте!". Объясняю ей, что язык нужен ей для коммуникации. Не слушает, огрызается, хамит. Под вазой на столе нахожу стихотворение на конкурс, которое ее мама до этого нашла под коробкой. Алина начинает обманывать меня, говорит, что она потеряла этот стих, а я его нашел, чем очень ей помог. При попытке договора она говорит что угодно, а условия не соблюдает и убегает к себе в комнату. Говорю, что приду в следующий раз и спрошу выученный топик, она отвечает "да!", чтобы я поскорее ушел».

Аффективные взрывы

Алина часто не контролирует свои аффективные взрывы.

04.02.2014 (вторник). Девочка не хотела ничего делать, пребывала в состоянии крайнего возбуждения, а когда мама предложила почитать многостраничную книгу, то девочка швырнула ее и книга разорвалась. Алина же обвинила во всем маму, хотя та даже не держала эту книгу в руках; девочка все равно говорит, что книгу порвала мама. Она все сопровождает ложью. Этот случай не единичный. Также Алина стремится грамотно выстроить защиту, что во всем у нее всегда виновата мама, но она сама – никогда. При аффекте девочка неуправляема, маме страшно оставаться с ней наедине.

Полный отказ от действий при появлении любой трудности

Из дневниковых записей. Пример 2

20.03.2014 *(четверг). «Вечером у Алины выступление в театральной студии. Когда подъезжаем к дому, чтобы она переоделась, я вспоминаю, что забыл ключи от квартиры. Говорю об этом Алине. Мы договариваемся с ее мамой, что я пойду с девочкой в театральную студию, а она подвезет платье к началу выступления.*

Алина возбуждается, начинает кричать, что никуда не пойдет в таком виде, что мама платье не привезет, что я могу идти куда хочу и т. д. Разговариваю с ней, что ключи забыл я, но в различных жизненных ситуациях надо держать удар. "Если мы сейчас пойдем в школу, я договорюсь, чтобы выступление перенесли, мама успеет подвезти платье, и ты достойно выступишь, а если ты сдашься сейчас, то вина будет только твоя". Но аффективное поведение началось, Алина ничего не слушает, убегает от меня и закрывается в подъезде. При этом она названивает маме, но не берет трубку, когда мама ей перезванивает.

Социопатическое поведение

Когда я попадаю в подъезд, то Алина бежит к почтовым ящикам, открывает их и выкидывает все содержимое. Потом начинает читать чужие письма, я говорю, что так делать очень недостойно. После чего в одном из ящиков она находит конверт с подарочным каталогом и наклейками на скидку. Рвет конверт, наклейки наклеивает себе на телефон и на мусоропровод. Далее 40 минут Алина вбегает и выбегает из подъезда, раскидывая содержимое почтовых ящиков, не слушаясь и асоциально проявляя себя в поведении, в том числе вербальном. Проказничает, вредничает, читает чужие письма, рвет единые платежные документы жильцов, мусорит, хулиганит. Потом устает, замечает, что я, кроме замечаний и запретов, еще описываю ее поведение в дневнике.

Резкая смена поведения после аффекта

Интересуется, что я там написал. Спустя какое-то время,дочитывает письма и начинает собирать те ворохи объявлений и печатную продукцию, что она раскидала.

Я говорю, что я переписывать не буду и вообще не собираюсь тратить на нее чернила, Алина старательно убирает все письма и хочет, чтобы я написал, что она все убрала».

Физическое насилие

Бывают случаи, когда в состоянии возбуждения Алина толкает и бьет маму. При виде слез мамы Алина обвиняет ее саму в том, что она упала, тем самым снимая с себя ответственность. Аффект у Алины запросто выражается и в физическом насилии по отношению к матери и к другим людям, которых она знает.

Эскапизм

Наряду с эмоциональной лабильностью и внезапной агрессией у Алины наблюдается дисфория (настроение меняется без повода, неожиданно и кардинально). Наблюдаю эскапистские мотивы в поведении: убегает к себе в комнату (или ванную), закрывает дверь. Постоянно наблюдаю *демонстративное поведение*: угрозы «убегу из дома», демонстративно слушает музыку, не отрываясь смотрит фильм. Выкрикивает: «Отстаньте от меня!», «Отдайте меня в детский дом!», «Как вы меня достали!», «Я возьму и уйду!».

Демонстративное протестное поведение

Из дневниковых записей. Пример 3

20.03.2014 (четверг). «При выходе на лестничную клетку мама вспомнила, что забыла проездной, и возвращается в квартиру. Когда она ушла, Алина говорит, что она спустится в лифте на первый этаж без нас, и садится в лифт. Я рекомендую дождаться маму и никуда не уезжать.

Алина игнорирует меня, я беру ее за руку и вытаскиваю из лифта. Алина начинает приходить в возбуждение и говорит, что мама ей разрешает уезжать. Я игнорирую ее. Алина продолжает: "Смотрите, там птичка!", пытаясь обмануть меня и забежать в лифт, но я игнорирую ее демонстрацию. Тогда она напролом бежит в лифт, но я нажимаю кнопку "стоп" и лифт никуда не едет. К этому моменту возвращается мама. Девочка не развивает эту ситуацию, но состояние ее раззадоренное, она скачет и прыгает. Когда идем вместе, Алина постоянно вырывается и убегает, дурачится, бегает в холодную погоду, сняв шапку, паясничает. Ни на какие увещевания не реагирует».

Быстрая утомляемость

Как показывает наблюдение, действия, требующие постоянного применения физической силы (катание на роликовых коньках) либо усидчивости, погруженности в умственную работу (выполнение домашнего задания), приводят Алину к быстрому утомлению. Она не может продолжать заданные действия без передышки, отвлечения, подкрепления. Ее *внимание быстро рассеивается*. При продолжении утомляющих действий жалуется на головокру-

жение и головную боль. Когда Алина в возбужденном состоянии, то у нее появляется одышка (по моим наблюдениям, происходят постоянные рецидивы диспноэ*).

Неумение организовать свое пространство

Алина несобранная, рассеянная, в личных вещах и в ее комнате беспорядок. Все, что не убрала, она закидывает за диван либо под кресло. Если ей что-то пришло в голову и надо найти, то разбрасывает вещи из шкафов по комнате, не убирая обратно, оставляя комнату в захламлении и откладывая уборку на потом. В своей дезорганизованности не признается и винит маму, которая «должна» все за нее сделать и найти.

Отсутствие режима питания

Девочка будто постоянно голодная: часто ест. Хватает и употребляет пищу в любой последовательности (мороженое, сосиски, печенье, апельсины), после чего иногда жалуется на боли в животе. Клянется, что больше никогда не будет есть все что попало, но когда ее самочувствие улучшается, *напрочь забывает* о *своих намерениях.* После школы Алина просит меня, чтобы я купил ей чипсы, кукурузные палочки и т. п. Обманывает, что не ела в школе.

Бродяжничество, инфантилизм

Инфантильная позиция – всё у всех выпрашивать, ходить по пятам, стараться выхватить, отнять, потом убегать – напоминает поведение аутичного ребенка. Просит, чтобы я дал ей посмотреть телефон. Не воспринимает запрет. После чего выхватывает телефон из моих рук и пытается им манипулировать. Такое же поведение наблюдается и с телефонами мамы, учительницы. Алина обычно не спрашивает разрешения ни у кого.

Действия, которые сулят вознаграждение, выполняет с удовольствием. Просит вознаграждение *до, во время* и *после действий.*

Осознавание своего поведения, но неспособность его контролировать

Девочка знает, как хорошо себя вести, но делает это только, чтобы произвести впечатление на окружающих. Если она хорошо вела себя целый день, то спросит: «Я хорошо себя вела?». После чего поведение портится, словно она ждала, когда можно начать нарушать порядок течения обыденной жизни: не ложиться спать, не делать уроки, смотреть на ночь сериалы об убийствах и жестокости либо фильмы ужасов.

Утром Алина не встает с постели час от времени, когда мама сказала ей: «Пора!». Мама обычно стоит над ней и уговаривает встать, чтобы идти в школу. Когда

* *Диспноэ* [греч. dýspnoia, от dys... – приставка, означающая затруднение, нарушение, и pnoe – дыхание] – затрудненное дыхание, расстройство его ритма, частоты и глубины. То же, что одышка, как симптом, сопутствующий многим заболеваниям.

Алина встает, она идет в ванную комнату, просто сидит или льет воду. Чтобы не ходить в школу, говорит о своем плохом самочувствии, головной боли. Жалобы ничем не подтверждаются.

Крайне выраженный эгоизм и эгоцентризм

Алина крайне эгоистична и эгоцентрична, что показывает при любой возможности (не дает оставаться наедине, говорит, что окружающие ее недостойны, а она достойна всего, что у нее есть право делать все, что она захочет; даже если мама с ней наедине, но занята своими делами, Алина будет приставать все равно).

Выраженное девиантное поведение

Из дневниковых записей. Пример 4

13.03.2014 (четверг). «При выходе из кафе Алина крадет трубочку, отрывает бумажку и начинает плеваться бумажками из трубочки. Ехать до дома на автобусе 5 минут, идти 10 минут.

Алина начинает плеваться в людей. Я запрещаю ей это делать, что только подстегивает ее. С хохотом бегает и плюет людям в спину через трубочку. Говорит, что в школе так делает все время, что ребенку нужно веселиться и ничего в этом нет плохого. Предостерегаю ее, что отниму трубочку, тогда она плюется в меня и убегает. Бумажка заканчивается, она у меня просит еще (наглость). Отказываю, тогда она бежит к помойке, чтобы там найти бумажку. Говорю Алине, что на помойке грязь и это неприемлемо, беру ее за руку, и мы идем к дому. Говорю, что это ее счастье, что никто из людей не надавал ей по ушам.

Истеричность и агрессивность при манипуляции

Алина вырывается, кричит, срывается на плач, выдергивает руку, тогда я сжимаю крепче, в этот момент она кричит, что ей больно, – начинаются манипуляции. Бьет меня трубочкой. В итоге вырывается, говорит, что никогда не даст руку, потому что ей больно. Я отвечаю, что все в ее руках и зависит от ее поведения, тогда она убегает и качается на качелях. Проходит 5 минут – ничего не меняется. Иду к ней, говорю, что надо домой. Восклицания: “Почему?”, “А мне не надо!”, “Вам надо – вы и идите!”, “Ребенку нужно гулять!”, “Я не хочу”. Еще через несколько минут беру ее руку, мы идем домой. Алина крайне агрессивна, идти не хочет – тащу ее. Удается успокоить ее заданием дуть в трубочку то холодным воздухом, то горячим, что она пытается сделать, пока мы продвигаемся к дому. Надувшись, она снова начинает вырываться и бьет меня трубочкой – случайно роняет ее в грязь. Кричит на меня, что это я ее уронил. Ухмыляюсь над тем, что это неправда. Она пытается достать ее из грязи, я не разрешаю и увожу, утаскиваю ее. Начинает потихоньку кричать: “Спасите! Помогите! Тащат!”.

Иногда хорошо, что толпа на улице ведет себя отчужденно

Люди вокруг игнорируют нашу ситуацию (что меня выручает). Просит меня понести ее рюкзак. Отказываюсь. Говорит, что мама и воспитательница носят за ней рюкзак. Говорю, что я этого делать не буду. Тогда снова просит мой рюкзак для сравнения, но с ним убегает. Алина бежит не к своему дому, а к соседнему с двумя рюкзаками. Хочет, вернуть мне мой и с ним же свой, чтобы я нес. Отказываюсь брать. Пытаюсь пойти с ней к дому, но Алина не идет. Заканчивается тем, что она виснет на заборе с двумя рюкзаками и кричит, что я сломал ей руку, у нее "производственная травма" и т. п. При любых попытках бегства я держу ее за рюкзаки. После забора она перелезает его и по колено в грязи, по помойкам соседнего магазина идет к дому, чтобы сбежать от меня. Приходится следовать за ней. Она успевает вбежать в открытую дверь подъезда за вошедшим человеком, но я тоже успел.

Неадекватное поведение

Когда мы поднимаемся в лифте, Алина не успокаивается. Она возбуждена и суетлива. На площадке надо открыть дверь в холл и, пройдя 10 метров, дверь в квартиру. Открываю холл – заходим, но Алина дальше не идет. Иду открывать дверь в квартиру – Алина резко бежит к лифту, чтобы удрать на улицу. Ловлю ее. Все повторяется снова: когда иду к квартире, она стоит у двери холла. Со мной до квартиры не идет – стремится удрать. После следующих трех попыток убежать я беру Алину за руку и пытаюсь довести ее до квартиры. Алина сопротивляется, бросается на пол, кричит и смеется. Как только я отхожу от лежащей девчонки, она вскакивает и бежит. Когда настигаю ее – ложится на грязный пол. В итоге взял ее за рюкзак (в руки не дается) и «за шкирку» и отнес в квартиру. Она отреагировала очень негативно. С криком закрылась в маминой комнате. Я вышел в другую комнату.

Соседи знают о плохом поведении Алины и часто жалуются маме на нее».

Отсутствие контроля, нарушение границ личного пространства

В общении, при осуждении ее поведения, говорит, что это ложь, что она ведет себя хорошо, при этом грубит, хамит, бросается своими и чужими вещами, дерется, а если хочет что-то показать (тетрадку, рисунок, кулак), то направляет это прямо в лицо.

Отсутствие эмпатии, ощущение внутренней пустоты

Мама стремится достучаться до девочки в эмоциональном плане – постоянно предлагает ей различные фильмы и книги с острым сюжетом (например, про Великую Отечественную войну, смерть солдат, девочек-партизанок), но Алина бесчувственна и невосприимчива к сюжету, внутренняя пустота, вакуум, эмоциональная холодность. При этом она все понимает. Она один

раз только плакала над произведением, но в остальных случаях остается тотально глуха к заложенным эмоциям, у нее не проявляется ни сочувствия, ни сострадания, ни любого проявления эмпатии. Когда дело касается смерти домашних питомцев, то Алина не высказывает каких-либо сочувственных слов, животное умерло и ладно. По дороге к Детской музыкальной школе Алина рассказывает мне про кроликов, которые жили у ее подружки в Бишкеке. Ей нравились кролики, но один из них всех боялся. Тот, который не боялся, – умер (у Алины не наблюдалось сожаления в этот момент), а с оставшимся она стала играть, и со временем он перестал бояться людей.

Проблемы с успеваемостью и поведением в школе

В школе у Алины плохая успеваемость. По основным предметам часто получает двойки, четвертные отметки колеблются между тройками и четверками. Предварительная диагностика школьным психологом показала, что при ее нормальных способностях присутствует крайне низкая работоспособность. Девочка склонна к прогулам занятий во всех учреждениях, где учится.

Демонстрация суицидальных намерений

Однажды Алина подбежала к окну и сказала, что выбросится, чем напугала мать. Но в другой раз, при повторной попытке *демонстрации суицидальных намерений,* Наталья Афанасьевна пояснила, что Алина не погибнет, а станет инвалидом и будет всю жизнь лежать парализованная и жалеть о содеянном. С тех пор девочка не использовала суицидальных угроз или актов самоповреждения как манипуляцию.

Если есть какие-то обязанности, которые Алина должна выполнять, то она лежит и отказывается что-либо делать под любыми предлогами (плохое самочувствие, надо поесть и проч.), устраивает *истерики*, ругается с матерью, убегает в другую комнату, хлопая дверью.

Склонность к аддикциям

Алина любит смотреть телевизор. Мама не может оттащить девочку от него. Был прецедент, когда мама дала девочке планшет, после чего девочка вообще перестала что-то делать. Мать спрятала планшет и сказала ей, что отдала его в ремонт. Когда мама подарила Алине телефон, то одноклассники стали ей завидовать – ни у кого нет точно такого же «классного». Алина хочет быть принятой другими, поэтому она высказывает маме, что мама ей «надоела!» Когда же мама просит отдать телефон, Алина не соглашается. В то же время девочке льстит, что она владеет редким предметом.

(Продолжение следует)

Рефлексия на себя и других

Александр Шманай

НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИМАЯ ПОТЕРЯ

Я теперь могу только гадать, что же с тобой произошло, что послужило причиной твоего поступка? Обида и ненависть прошли. Пришла гораздо более тяжкая доля: мне нечем больше защититься. По сравнению с другими я хорошо знаю тебя. Думал, что знаю... Но мне и сейчас приходится отбиваться от теорий, проясняющих и связывающих все воедино. Все, что может дать ответ на вопрос «Почему?». Знаю почему, но не мог предсказать, никак не мог. И потому делаю вывод, что и не знал тебя вовсе... и во всем сомневаюсь.

Осенью тяжелее переносить приступы апатии. Небо повисает низко, начинает давить своей серостью.

В один из солнечных дней лета ты поделился своим наблюдением: сознание тождественно состоянию неба. Ты бы ни за что не сказал ничего подобного в хмурый день. Тот человек, которого знаю в тебе я, никогда не допускал заражения своей грустью других. Никогда не совершал поступков, которые бы являлись вымещением скопившегося яда (как бы я хотел, взять часть его и дать тебе возможность жить!).

Ты не давал никаких поводов для волнения за твое психическое благополучие. В последние годы ты стремился к полному изъятию себя из жизни других. Будучи скромным по натуре, ты приобрел... нет, не то что бы уверенность... Ведь уверенность обращена скорее вовне. Ты исчерпал всякую потребность во взгляде на себя глазами других, а с ней и необходимость производить впечатление.

Для меня подобная твоя особенность явилась поддержкой в собственной борьбе с удушьем. Беседы с тобой позволили понять, кто я такой, заставили поверить в ценность себя настоящего. За все время ты не сказал мне ни единого слова похвалы и ни разу не дал никакой другой оценки. Странно, что за это можно быть благодарным. Но это позволило мне научиться оценивать себя самому. С тобой мне приходилось быть более честным, чем даже наедине с собой. Я по-прежнему нуждаюсь в тебе. Именно поэтому я до сих пор не могу простить тебя.

Твое отчуждение было сознательным. Ты не хотел разделять с людьми их образ мыслей. Не хотел играть. Не хотел злиться, ревновать, оби-

жаться. Будучи неспособным справиться со своей «теневой» стороной, ты обратился в бегство от всех, кто мог бы испытывать к тебе какие-либо чувства. Ранее ты также был склонен к попыткам сливаться с другими. Но считал это слабостью. Похоже, ты так и не смог восполнить пустоту внутри, но искусственно преградил себе путь к осуществлению подобных попыток.

Это происходило на протяжении многих лет. И если бы не твой поступок, можно было бы счесть этот процесс просто линией развития, однажды заведенного и движущегося в становлении какой-то специфической твоей самости. Но теперь понятно, что шел ты к конкретной цели.

Не знаю, как и когда ты подцепил идею, подобную страшной болезни, – *тебе захотелось побыть на грани*. Идея росла, вытесняя все живое, отправляя тебя все дальше и дальше в отчуждение. Она доросла до такой степени, что ты перешагнул некий предел, который в корне изменил твоё мироощущение: появилась возможность закончить все в любую минуту.

Ты выбрал пистолет. Наверное, поначалу было страшно держать его при себе. Страшно сознавать, что одно нажатие на курок все прекратит... Но со временем компания орудия убийства стала для тебя наиболее привлекательной, внушала превосходство. Превосходство над самим собой, над своим страхом, над всякой человеческой слабостью.

Последние два месяца, находясь среди людей, ты был особенно задумчив. Будто прислушивался, наблюдал за погодой в своей душе. Наверное, хотел убедиться в отсутствии остатков жизни. И, верно, убедился.

Я уважаю тебя за смелость, за то, что ты пошел до конца. Но мне все-таки хочется думать, что был и другой путь. Можно покончить с собой разными способами: ради себя совершить самоубийство или начать жить ради других. Ты обладал силой осуществить и второй вариант. Но ты выбрал самоубийство.

Случившееся – ни с чем не сравнимая потеря.

Скорбим и помним

Виктор Петренко

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МУДРОГО ЧЕЛОВЕКА ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА ЗИНЧЕНКО

Психология – пристрастная наука. В ней отсутствуют так называемые законы (не считая, конечно, психофизиологии, но это уже наполовину физиология организма, а не психология личности) и тексты по психологии неотделимы от личности, их создавшей.

Тексты Владимира Петровича Зинченко, особенно его методологические работы, буквально пропитаны личностью самого Владимира Петровича. Сквозь эти тексты просвечивается колоритная, ироничная, но очень душевная физиономия автора. Среди основателей факультета, казавшихся нам (студентам) мудрыми старцами, В.П. Зинченко выделялся своей почти мальчишечьей моложавостью и, можно сказать, молодёжным стилем поведения. Я познакомился с Владимиром Петровичем, когда, окончив первый курс факультета психологии, вместе с Сашей Асмоловым, Вадимом Петровским, Женей Субботским, Катей Щедриной и другими славными ребятами поехал в Психологическую школу в спортлагерь МГУ в Джемете (Крым).

Как известно, психологические школы были придуманы А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьевым и представляли собой неформальный способ общения старшего поколения, признанных мэтров психологии, и молодой студенческой поросли и были призваны передавать «личностное знание» (термин Полани) и мировоззрение старшего поколения молодому. Школа 1969 года, руководимая В.П. Зинченко, была уже третьей по счету (первые две провели А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия).

Мы жили в армейских палатках в спортивном лагере МГУ (Джемете) на берегу Черного моря, и В.П. Зинченко, когда он приехал в лагерь, также поселили в отдельной палатке, но только меньшего размера. По утрам можно было видеть его утренние пробежки по берегу моря совместно с Вадимом Петровским, который уже в те годы выглядел маститым профессором. И их совместный утренний променаж с непременным диалогом на научные темы выглядел весьма важным и внушительным. Меня В.П. Зинченко выделил из общей массы студентов, посмотрев мой бой на открытом боксёрском ринге, где я удачно выступил. Так или иначе, вечером скучающий профессор позвал меня и моего однокурсника Николая Бавро (ныне живущего в Болгарии) в свою палатку выпить легкого черно-

морского вина. Было очень приятно и волнительно общаться на равных с профессором и слушать его интересные и ироничные комментарии по поводу нашей науки.

Неформальный стиль общения Владимир Петрович проявлял, конечно, не только по отношению ко мне. Помню незабвенный день – день его рождения, который пришелся на нашу психологическую школу. Вся студенческая братия была приглашена в харчевню на берегу моря, и В.П. Зинченко поставил честной компании ящик вина. Мы радостно и весело пили за его здоровье и за нашу любимую науку. Эта традиция веселого и шумного времяпрепровождения студентов совместно с профессурой пришла в Россию, наверное, из Германии, где во времена Гёте и Шиллера веселые студиозы вместе с уважаемым профессором перемещались по городам и университетам, не забывая поднять кружку вина или пива за Alma Mater. После застолья мы отправились на берег моря в дюны, где, валяясь на песке, пели студенческие песни под гитару. Было хорошо и весело. Но на наше несчастье какая-то малышня из пионерлагеря угнала лодку покататься в море. Их засекли пограничники и выехали на ГАЗике, на разборку. К несчастью, на их пути по прибрежной полосе оказалась наша компания и, когда нам засветили в лицо светом от фонарика, черт дернул меня поприветствовать «дорогую милицию». Суровый пограничный майор, видимо, обидевшись, что их приняли за милиционеров, рявкнул «взять его» и меня затащили в «воронок». ГАЗик отъехал пару сотен метров вдоль берега моря и остановился. Послышался топот ног и по мою душу прибежали меня выручать В.П. Зинченко, В.А. Иванников и Коля Бавро, который по пути поймал какую-то морскую крысу и предлагал обменять её на мою шкуру. Тут майор совсем рассвирепел, но Владимир Петрович, назвав свой высокий ранг, предложил им прочитать на заставе лекцию по психологии. Конфликт разрешился, меня отпустили, и мы расстались с пограничниками чуть ли не дружески. Первое, что сделал Зинченко, – это протянул мне сигарету, не сказав ни слова упрека. В.П. был очень ироничен и даже ядовит к надутым вельможным персонажам, но легко прощал человеческие слабости. Кстати, я по жизни использовал этот приём Владимира Петровича в установлении контактов. Так, путешествуя по Командорским островам и приплыв на остров Беринга, я отправился на погранзаставу с предложением прочесть лекцию по психологии. Дело в том, что три сотни местных жителей, обитавших в посёлке, не имели права выхода за его территорию. (Один из маленьких, но ярких примеров командного администрирования того времени.) Благодаря дружбе с пограничниками я не только получил пропуск по всей территории острова (не забуду незабвенные дни, проведенные в полном одиночестве на берегу Великого океана в охотничьей избушке, стоящей на вершине утеса), но и возможность побывать даже на острове Медном, ближайшем к американским Алеутским островам, где проживали только пограничники.

Мы уважали и любили Зинченко потому, что он являл собой тип свободного, независимого человека, стиль которого перенимался даже в мелочах. Так, читая лекции, Владимир Петрович часто закуривал, и эти

затяжки выступали своеобразными смысловыми паузами, несли, так сказать, коммуникативную нагрузку. Когда я начал читать лекции (а начал довольно рано, так как Алексей Николаевич Леонтьев оставил меня в ассистентах, минуя аспирантуру), то, волнуясь, также курил на лекциях, возможно, неосознанно подражая В.П.

Тогда еще не было антитабачной компании и только зам. декана В.А. Иванников сурово предупреждал меня о недопустимости такого поведения (что, впрочем, не имело последствий). Вспоминая атмосферу того времени, я ощущаю факультет как дом родной, где профессура всегда заступалась за студентов даже при идеологических разборках. Как, например, при попытке компетентных органов «пришить дело» за психологический «капустник» о стране «Психоландии», блестяще поставленный Женей Арье (ныне ведущим режиссером Израиля), с участием В. Петухова, В. Собкина и др. А.Н. Леонтьев и другие профессора сумели отстоять участников от грозивших им неприятностей.

Вспоминаю и другой случай, уже связанный с Зинченко, на защите моего дипломника В. Кучеренко, когда зам. декана по хозяйственной части специально пришла к нему на защиту и, желая сорвать защиту, «клеила» ему аморалку: «Вхожу к нему в комнату, а там девушка...» – сообщила она комиссии по защите дипломов. Владимир Петрович, который был председателем комиссии, сделал удивлённое лицо: «Как? Вы вошли в комнату не постучавшись!!!» Защита диплома, благодаря Зинченко, была спасена. Этот маленький пассаж – одно из многих свидетельств того, как Зинченко, в отличие от большинства из нас, предпочитающих не замечать бытового хамства, столь привычного, что оно стало нормой, имел «незамыленный взгляд» на нарушение человеческого достоинства и являл собой «лицо не общего выражения».

Под стать ему был и ближайший круг Владимира Петровича. Академик РАО, директор «маленького» института психологии Академии Образования, автор, на мой взгляд, лучшей монографии по методологии и педагогической психологии «Виды обобщения в обучении» Василий Васильевич Давыдов (в народе проходивший по имени «Вась-Вась»). Творческий и глубокий учёный, он был неудержим и в жизни, и в науке. Помню методологический семинар, проходивший при большом стечении народу на факультете, где А.Н. Леонтьев дал критический анализ некоторых положений Жана Пиаже. На трибуну буквально ворвался разгоряченный Давыдов: «Вам, Алексей Николаевич, хорошо критиковать Пиаже при защите советских танков, а вот смогли бы вы его победить в личном общении...» И совсем разгорячившись, Давыдов ударил кулаком по кафедре, а затем себя в грудь: «И, вообще, что это за психология без души?.. Душу, душу, бля, убили!». Напомню, что это происходило в брежневские, «застойные» времена, когда не только за такие слова, но и гораздо более невинные могли быть большие неприятности. Впрочем, Давыдова вскоре исключили из партии и сняли с директорства института за эти или подобные высказывания и поступки.

Другой коллега-приятель Зинченко профессор Фёдор Горбов, известный своими работами по психологической подготовке космонавтов и автор

знаменитой методики «гомеостазис Горбова», идея которой была затем растиражирована в многочисленных американских методиках, также мог «похулиганить». На одной из конференций, когда его доклад стоял в конце выступавших, он начал с того, что развесил плакаты по сенсорной депривации, а затем пришпилил к доске большую фотографию обнаженной женщины. Утомленный за время предыдущих докладов народ оживился и уже более внимательно слушал докладчика, который комментировал схемы и графики. Закончив доклад, Горбов стал сворачивать наглядный материал. «Слушай, а бабу ты зачем повесил?» – раздался заинтересованный голос Зинченко. «Да про неё и хотел рассказывать, но времени не хватило», – ответил хитрый Горбов. Вот так развлекался близкий круг и друзей Зинченко, для которых наука была не скучным или чисто академическим занятием, а живым творчеством живых и веселых людей (впрочем, бывавших и грустными, и трагическими, но живыми и настоящими, а не играющими роль больших начальников).

Хотелось бы вспомнить ещё об одном коллеге и друге Владимира Петровича – Мирабе Константиновиче Мамардашвилли, с которым у Зинченко была совместные статьи в «Вопросах философии» («Проблемы объективного метода в психологии») и в сборнике «Бессознательное»: («Изучение высших психических функций и категория бессознательное»).

Мамардашвили, как и Зинченко, являл собой тип человека свободного, не скованного стереотипами как в мышлении, так и в поведении и общении. Помню его спокойный, даже медлительный облик с чуть выпученными глазами и непременной трубкой хорошего табака, который он, медленно рассуждая, раскуривал. За спокойной манерой поведения ощущалась огромная энергия свободной мысли, и сам его облик, его внутренняя энергетика заряжали аудиторию, провоцировали на мысли. На его лекции на факультете набивалось в аудиторию много народа (в том числе и не относящегося прямо к психологии). Атмосфера всегда была крайне демократичной. Приходила со своим молодым тогда мужем профессор Ю.Б. Гиппенрейтер, в джинсах и свитере, и садилась, как и многие слушатели, на пол. Зал напряженно ловил мысли лектора о Декарте, Канте и т.д. (подчас не слишком их понимая).

В отличие от моего коллеги и в прошлом однокурсника Валерия Петухова, буквально боготворившего Мамардашвили, я не так много для себя вынес из работ Мираба Константиновича, хотя и продолжал ходить к нему на лекции во ВГИК (Институт кинематографии), когда его по приказу властных структур лишили возможности преподавать в МГУ.

Меня к Мамардашвили, как и к Зинченко, прежде всего, привлекал колорит яркой личности, свободно рассуждающей о базовых философских проблемах и привлекающих слушателей к некому внутреннему диалогическому общению, в котором они (слушатели) могли чувствовать себя участниками.

Невозможно не вспомнить и не воздать должное и памяти А.М. Пятигорского, глубокого философа и востоковеда, одной из самых ярких фигур из клана Зинченко.

Когда вспоминаешь этих людей и соотносишь их с ныне живущими, то удивляешься дефициту ярких харизматических личностей, мельчанию человеческого духа. Не то что сейчас нет достойных ученых и хороших людей в нашей и близкой к ней профессии. Но исчезающе мало личностей необычных, незаурядных. С чем это связано? Мой друг и коллега А. П. Назаретян в своей книге «Нелинейное будущее» писал о принципе «технико-гуманитарного баланса», регулирующем большие исторические периоды. Вспоминая одну из самых кровавых войн в мировой истории – Тридцатилетнюю Европейскую войну и, как следствие её, – непрекращающиеся эпидемии чумы, унесшие из жизни половину населения Европы, А. П. Назаретян справедливо полагает, что остановить этот беспредел могла только нравственная переустройка общества, смена нравственных ориентиров. И она пришла в виде эпохи Возрождения, идей терпимости и толерантности. Так и Вторая мировая война, и победа над фашизмом, при всем ужасе пережитого страдания, породила волну духовного возрождения, на гребне которой в период хрущевской оттепели (при всей ее противоречивости и половинчатости) формировались личности круга Зинченко.

Я начал свой рассказ о Владимире Петровиче с чисто личных переживаний, но они, скорее, задают фон яркой харизматической личности Зинченко, которая проявлялась, в первую очередь, в стиле его научной и преподавательской деятельности. Владимир Петрович весьма успешно начал свою карьеру ученого в области инженерной психологии, эргономики, когнитивной психологии. Молодой, успешный учёный, в 37 лет он уже защитил докторскую диссертацию и возглавив кафедру инженерной психологии, стал, наряду с А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, П.Я. Гальпериным, одним из отцов-основателей факультета психологии. Своим авторитетом перед «технарями» и хоздоговорными проектами он поддерживал благосостояние факультета.

По логике вещей, преемником создателя факультета психологии Алексея Николаевича Леонтьева на посту декана факультета должен был стать именно Владимир Петрович Зинченко. Но властные ветры, дующие, как и ныне, из Питера (тогда Ленинграда), определили другую фигуру на эту роль.

Алексей Александрович Бодалёв, вполне достойный учёный, принадлежал к иной психологической традиции, отличной от школы Выготского–Леонтьева–Лурии, и это не могло не изменить атмосферу факультета, по крайней мере на уровне его властных структур. Ранимый, неуверенный, очень «правильный» и осторожный (хотя много сделавший впоследствии для факультета), А.А. Бодалёв был полной противоположностью ироничного, независимого и резкого по складу характера В.П. Зинченко. Они не сработались (да, наверное, и не могли бы сработаться), и Зинченко «ушли» с факультета. Это была, конечно, огромная потеря. Как поговаривает Б.С. Братусь, мелкие неприятности удаляют нас от себя, а большие – приближают. Логика развития незаурядной личности Зинченко неизбежно вывела его на решение базовых, экзистенциальных проблем сознания и творчества. И здесь позиция Зинченко для меня анало-

гична роли маленького мальчика из известной сказки Ганса Христиана Андерсена «Голый король», в удивлении выкрикнувшего: «А король-то – голый!!!» В таких своих книгах, как «Живое знание» [1], «Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили» [2] и главное – «Сознание и творчество» [3], В.П. Зинченко убедительно показал несостоятельность мейнстрима психологии, рассматривающего сознание как форму отражения «объективной реальности», присутствующего как в отечественной психологии, так и под именем «копирующей теории истины» в зарубежной психологии. «При таком понимании мышления и сознания идей абстракция, – писал В.П., – это не отблеск реальности, а вполне полноправная реальность, которая более объективна, чем объективный мир в привычном для нас смысле слова. Однако орудием ее познания является не чувственность, а мысль, которую нельзя вывести из ощущений, ни свести к ним» [3, с. 59].

В развитии этих идей «он (читатель), несомненно, узнает идеи полифонии и диалога сознания М.М. Бахтина; пространства (сознания) «между» М. Бубера; идеи о символической природе сознания П.А. Флоренского, А. Белого, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского; идеи Л.С. Выготского о системном и смысловом строении сознания; преодолении субъект-объектной парадигмы и замену ее парадигмой «бытие–сознание» и парадигмой «человек–мир» С.Л. Рубинштейна; размышление А.Н. Леонтьева об образе мира, стоящем за деятельностью и сознанием, и его же представления об образующих сознание; представления В.А. Лефевра о рефлексивных структурах сознания и их рангах; нейропсихологические и вместе с тем антиредукционистские взгляды А.Р. Лурия; замечательные исследования субсенсорного диапазона Г.В. Гершуни; идеи об участии мышления и сознания в бытии М.М. Бахтина; идеи о спонтанности сознания В.В. Налимова; идеи Л.С. Выготского, Ф.В. Басина, Ф.Е. Василюка о переживании как об источнике и единице сознания и многое другое» [3, с. 58].

Позицию Зинченко по проблеме сознания афористично выразил его друг и коллега по со-знанию В.Л. Рабинович: «Сознание и творчество (точнее сотворчество) – тайна двух, потому что со-знание с кем-то и со-творчество тоже с кем-то. Не с тем ли же самым кем-то? Попасть в резонанс, обняться душами… А потом и рассказать об этом, но на холодную – научную – голову. А что после? Подвинуть своим рассказом новых двух к со-творчеству, а и со-знанию. Таким образом, две тайны или всё-таки одна единственная, но зато тайна тайн? Но… как подумать о душе иначе, как самой душой?»

Разочаровавшись (как мне представляется) в естественно-научных методах для решения проблемы сознания и творчества, в поисках адекватного метода со-знания и со-творчества, В.П. обратился к искусству и (в более узком плане) к поэзии как средству со-творчества поэта и его читателя. В «мягком» языке поэзии (термин В.В. Налимова) возможно передать все трепетные волнения и переживания души поэта и поднять на духовный уровень со-творчества с поэтом читателя, дав возможность ему почувствовать и пережить в себе мировосприятие и миросознание духов-

ной личности поэта. Понятна логика Зинченко. Мысле-поступок уже совершён в творчестве поэта. Для психолога, исследователя сознания, отпадает необходимость проведения психологического эксперимента. Он уже проведён в поэтическом творчестве на осознание движений души и на их выражение в поэтическом языке (то есть в опредмечивании словом). Исследователю требуется «попасть в резонанс, обняться душами... А потом рассказать об этом, но на холодную научную голову».

Безусловно, Владимир Петрович выстроил вполне логичную и эвристическую схему проведения исследования в области психологии сознания на материале искусства. Проанализировать все достоинства и недостатки такого подхода – задача будущего, но его оригинальность и эвристичность несомненны. Исследованиями психологии поэзии, вернее, психологии душевных и духовных переживаний, запечатленных и скрытых в стихах, Владимир Петрович открыл и начал разрабатывать новую область экзистенциальной психологии, психологии Души и Духовности.

Безусловно, Зинченко ушёл из мира не в состоянии старческой усталости от жизни и бессилия, а на продолжающемся подъёме в гору, к высотам духовности. С уходом Зинченко, последнего из великой плеяды отцов-основателей факультета психологии МГУ (слава Богу, не последнего из блестящей когорты отечественных мыслителей-гуманитариев), заканчивается целая эпоха шестидесятников – искателей и рыцарей Духа.

---

1. *Зинченко В.П.* Живое знание. Психологическая педагогика. – Самара, 1997.

2. *Зинченко В.П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997.

3. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. – М., 2010.

АРСЕНЬЕВ Анатолий Сергеевич

Доктор психологических наук, профессор. Философ. Специалист по проблемам личности и философской антропологии.
Публикации по философско-психологическим проблемам, в том числе: Анализ развивающегося понятия. — М., 1967 (в соавт. с В.С. Библером и Б.М. Кедровым); Проблема цели в воспитании и образовании // Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. — М., 1981.; Логика органических систем и психология: Философские тезисы с психологическим комментарием // Развитие личности. — 2013. — № 2. — С. 84—109.; Подросток глазами философа. // Развитие личности. — 2013. — № 2. — С. 110—184, а также публикации в журналах «Развитие личности» и «Вопросы философии».

Anatoliy Arsen'ev

Sc.D. (psychology), professor. Philosopher, concerns himself with the problem of "Man-World". Main publications on philosophical and psychological problems:
Analysis of developing notion. — M., 1967 (in co-authorship with: Bibler V.S., Kedrov b.M.); other.

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874 – 1948)

Центральная фигура русской философии, публицист, аристократ по происхождению. Философ сложного мировоззрения, который сам себя характеризовал как религиозный экзистенциалист и персоналист. Его труды и идеи представлены в философских энциклопедиях стран Европы и России и многочисленными исследованиями специалистов.

Nikolai Alexandrovich Berdyaev (1874-1948)

The central figure if Russian philosophy, writer of political essays, aristocrat by his birth. He was the philosopher of a complex world-view who characterized himself as religious existentialist and personalist. His works and ideas can be find in philosophical encyclopaedias of European countries, Russia and in numerous researches of specialists as well.

ДЕНИСОВ Александр Анатольевич

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета клинической психологии Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова.
Специализируется в области истории психологии, психологии личности, интернет-зависимости.
Автор более 30 публикаций по указанным проблемам.
E-mail: aadenisov@yandex.ru

Alexandr Denisov

PhD, associate Professor of General psychology chair, faculty of clinical psychology of the Moscow State Medical Dental University named after A. I. Yevdokimov. He is specializing in the field of history of psychology, psychology of personality, Internet addiction. The author of more than 30 publications on these issues.

КАЛМЫКОВ Александр Георгиевич

Кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ. Экспо-

зиционер, заведующий отделом научно-экспозиционного проектирования Государственного музея политической истории России в Санкт-Петербурге. Область научных интересов: инновационные музейные технологии, политическая история России конца XIX — начала XX веков: история политических партий, история российского парламентаризма, революция 1905—1907 гг., история революционного террора, революция 1917—1922 гг.
Автор публикаций: Энциклопедия Санкт-Петербурга. — М., 2004; Цикл из тринадцати статей по истории Государственной думы 1906—1917 гг. — М., 2005—2006; Думы Таврического дворца: Государственная дума России. 1906 — 2006. — М., 2006 (в соавт.); История российского парламентаризма. Коллекция Государственного музея политической истории России. — Иллюстрированный путеводитель. — СПб., 2006.
E-mail: aksakalm@inbox.ru

Alexander Kalmykov

Ph.D. in History, Honored Culture Worker of the Russian Federation.
Specialist in the history and museum design. Expositioner, head of the Department for scientific-expositional design of the State Museum of Political History of Russia in St. Petersburg.
Research interests: innovative technology museum, the political history of Russia in the late XIX — early XX centuries: history of political parties, the history of Russian parliamentarism, the revolution of 1905-1907. History of revolutionary terror, the revolution of 1917—1922.
Publications: Encyclopedia of St. Petersburg. — Moscow, 2004; Cycle of thirteen articles on the history of the State Duma 1906—1917. —Moscow, 2005—2006; Duma Tauride Palace: the State Duma of Russia. 1906—2006. — Moscow, 2006 (co-author.); History of Russian parliamentarism. Collection of the State Museum of Political History of Russia. — Illustrated Guide. —St. Petersburg., 2006.

ЛОБАЧЕВА Анна Алексеевна

Аспирантка кафедры психологии развития факультета педагогики и психологии МПГУ.
E-mail: rl-online@mail.ru

Anna Alekseevna Lobacheva

Post-graduate student, psychology of development chair, department of pedagogy and psychology, MSPU.

МЕФОДИЙ (Зинковский), Михаил иеромонах

Кандидат технических наук, кандидат богословских наук, докторант ОЦАД имени свв. Кирилла и Мефодия, кафедра Богословия, клирик Санкт-Петербургской митрополии. Область научных интересов — богословие, антропология.
В числе публикаций: сборник — Связь времен (СПб.: Диалог, 2011, в соавторстве с иером. Кириллом Зинковским), автор богословских статей, посвященных: динамике человеческой личности в ее культурном аспекте; святоотеческому учению о догмате и ереси; богословскому персонализму прот. Иоанна Мейендорфа; богословскому понятию человеческой личности у проф. В. Н. Лосского и др.
E-mail: m.zink@yandex.ru

Mikhail Methody (Zinkovskiy), hieromonk

PhD (technical and theological sciences), second year doctoral student at the All-Church Doctorate Program named after Saint Cyril and Methody, Department of

Theology, priest of St. Petersburg Archdiocese.
Field of scientific interests: Theology, anthropology.
Publications: «The Junction of Time », (in co-authorship with Kirill (Zinkovsky), hieromonk, SPb.: Dialogue, 2011); articles, reminiscences, sermons, poems.

МУХИНА Валерия Сергеевна

Действительный член РАО и РАЕН, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Развитие личности». Специалист в области возрастной психологии, этнопсихологии, психологии личности. Область научных интересов: психологическое сопровождение ребенка, отрока, взрослого и пожилого человека; поведение человека в экстремальных условиях; человек на всех этапах возраста; этническое самосознание в контексте межэтнических отношений. Автор более 550 печатных трудов, изданных в России и за рубежом. Имеет патенты. Более 50 изданий книг на языках мира. Среди них: Близнецы: Дневник развития двух мальчиков. — М., 1969: 2-е изд. 1997; Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта: Монография. — М., 1981; Рождение личности. — М., 1984, 1987 на английском, бенгальском, маратхи и арабском; Детская психология: Учебник. — М.; Л., 1975, 1985, 1992; Психология детства и отрочества: Учебник. — М., 1997; Феноменология развития и бытия личности: избр. психологические труды. — (Психологи отечества). — М.; Воронеж, 1999; Таинство детства: В 2-х т. — М., 1998; — СПб., 2000: 2-е изд.; — Екатеринбург, 2005: 3-е изд.; Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). — 3-е изд., исправл. и дополн.— М., 2013; Отчужденные: Абсолют отчуждения. — М., 2009. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. — 2-е изд; Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. — М., 2011 (в соавторстве); Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению. — М., 2013 (в соавторстве); Возрастная психология. Феноменология развития: Учебник. — М., 2012. — 14-е изд., стереотип. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования.
E-mail: vfly@rl-online.ru; kpr@mail.ru

Valeria Mukhina

Academician of RAE and RANS, Sc. D. (psychology), professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, the head of the Department of the Developmental Psychology, Moscow State Pedagogical University, editor-in-chief of journal «Development of personality».

ПЕТРЕНКО Виктор Федорович

Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, президент Национальной ассоциации психологических обществ.
Специалист в области психологии сознания и личности, общей психологии и экспериментальной психосемантики. Область научных интересов: генезис, структура и функционирование систем значения, опосредующих восприятие мира, людей, самого себя коллективным или индивидуальным субъектом; психосемантические исследования общественного менталитета; применение психосе-

мантических методов исследования в этно-, кросскультурной, гендерной и политической психологии, теории массовых коммуникаций, психолингвистике и психологии искусства; изучение семантики измененных состояний сознания.
Автор около 200 научных публикаций, в том числе монографии: Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. — М., 1982; Психосемантика сознания. — М., 1988; Лекции по психосемантике. — Самара, 1997; Основы психосемантики. — М., 1997, 2-е изд. 2005; Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). — М., 1997 (в соавторстве); Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. — М., 2010.
E-mail:victor-petrenko@mail.ru

Viktor Petrenko

Corresponding Member of RAN, doctor of psychology, the professor, Head of the Laboratory of Psychology and communication psychosemantics Department of Psychology at Moscow2 State University M. V. Lomonosov, president of the Nation Association of Psychological Societies.
Expert in the psychology of consciousness and personality, general psychology and experimental psychosemantics.

ТОРОПОВА Алла Владимировна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры методологии и методики преподавания музыки МПГУ, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО (ПИ РАО).
Специалист в области музыкальной психологии и педагогики. Область научных интересов: психология развития, музыкально-педагогическая коррекция и реабилитация личности, знаково-символические аспекты и функции сознания.
Автор более 70 работ, в том числе: Музыкальная психология и психология музыкального образования. — М., 2008, 2010; Homo-musicus в зеркале музыкально-психологической и музыкально-педагогической антропологии. — М., 2008 и др.
E-mail: allatoropova@list.ru

Alla Toropova

Sc. D. (pedagogy), professor of methodology and methods of music teaching, MSPU, leading research worker of Psychological Institute of RAE (PI RAE).
Specialist in the sphere of musical psychology and pedagogy. The field of scientific interests: psychology of development, person's musical and pedagogical correction and rehabilitation, iconic-and-symbolic aspects and functions of consciousness.
More than 70 works are published.

УСТЮЖАНИН Филипп Романович

Аспирант кафедры психологии развития факультета педагогики и психологии МПГУ.
E-mail: neophil4@yandex.ru

Philipp Ustuzhanin

Post-graduate student, psychology of development chair, department of pedagogy and psychology, MSPU.

ШМАНАЙ Александр

Студент 5 курса факультета педагогики и психологии МПГУ.
E-mail: smondr@gmail.com

Alexander Shmanay

5-th year student, department of pedagogy and psychology, MSPU.

Указатель статей, опубликованных в журнале «Развитие личности» в 2013 году

Наши презентации

К юбилею Владимира Ивановича Вернадского: 150 лет со дня рождения

К юбилею Анатолия Сергеевича Арсеньева: российскому философу 90 лет со дня рождения

К юбилею кафедры психологии развития МПГУ: 25 лет со дня основания

Теория и исследования

Практика

Реализация программы психологического сопровождения подростков, лишенных родительского попечительства

Консультативная работа с семьями

Научная жизнь сегодня

Кафедра в условиях общественной жизни: экстремальные ситуации в СССР и России

Психологическая помощь пострадавшим от природных катастроф

Правда и ложь Великого идеополя общественного самосознания

Популяризация науки

Рефлексия на себя и на других

Новое поколение: новый взгляд

Переводы

Архив

Скорбим и помним

Наши авторы

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.: (499) 730-38-61

Журнал «Развитие личности» публикует оригинальные теоретические работы и исследования, практические разработки, архивные материалы и переводы по проблемам развития, воспитания и бытия личности в различных социальных, культурных и этнических условиях.

В редакцию принимаются материалы объемом для докторов и кандидатов наук до 1 п.л. и 0,5 п.л. для аспирантов, представленные по электронной почте info@rl-online.ru. Автор статьи заявляет себя через имя и фамилию.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи по порядку упоминания в тексте. Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования. Указываются: автор, название, место и год издания, страницы. В тексте после цитаты указываются порядковый номер ссылки и страницы в квадратных скобках.

Упоминание персоналий обязательно с инициалами.

Текст сопровождается вынесенными на левые поля маргиналиями – основными идеями и тезаурусом, поясняющим по ходу содержание статьи. В рукописи маргиналии оформляются жирным шрифтом перед абзацем основного текста.

После заглавия статьи дается *краткая аннотация* и *перечень ключевых слов* статьи на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО (полностью); ученая степень и звание; место работы и специальность; специалистом в каких областях является; область научных интересов; автор скольких публикаций и по каким проблемам с указанием монографий (название, место и год издания); контактный телефон и адрес электронной почты. Сведения об авторе, а также название статьи дается на русском и английском языках.

Плата за публикацию и рецензирование рукописей не взимается. Рецензирование проходит в течение 1–3 месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация осуществляется в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-15340 от 30 апреля 2003 г.

Редакция журнала «Развитие личности»
127051, г. Москва, М. Сухаревский пер., д. 6
Тел.: (495) 608-59-74. E-mail: info@rl-online.ru
www.rl-online.ru

Издательство «Прометей»
115035, Москва, ул. Садовническая, д. 72, стр. 1, оф. 6
Изд. лиц. №020457 от 22 июля 1997 г.

Подписано в печать с готового оригинал-макета
Формат 70x100/16. Тираж 1000 экз.

http://rl-online.ru
Индекс 37286
37362